

ISSN (print) 2949-4001
ISSN (online) 2949-3994

СТАРООБРЯДЧЕСТВО

OLD BELIEVER

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2024. Т 2. № 1

oldbeliever.ru

Старообрядчество

2024. Т. 2. № 1

ISSN (print) 2949-4001

ISSN (online) 2949-3994

Научный журнал «Старообрядчество» зарегистрирован в Российской Федерации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2023 г., выходит четыре раза в год. Учредитель и издатель — Паламаренко Е.В.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 — 85733 от 14.08.2023 г.

Главный редактор

ПОЗДЕЕВА Ирина Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Церкви исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Редакционный совет

БОЧЕНКОВ Виктор Вячеславович, кандидат филологических наук, заведующий архивом Митрополии Московской и всея Руси, Русская православная старообрядческая церковь, Москва

БУБНОВ Николай Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательский отдел рукописей, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

БУРАЕВА Светлана Валерьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ВАСИЛЬЕВА Светлана Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения и теологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

ДАНИЛКО Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

КЛЕЙ Юджин, доктор философии, профессор религиоведения в Школе исторических, философских и религиозных исследований, Университет штата Аризона, США

КЕРОВ Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальной и экономической истории России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КОСТРОВ Александр Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет

МОРРИС Тамара Балдановна, доктор филологических наук, почетный профессор факультета русистики, восточноевропейских и евразийских исследований, Орегонский университет, США

ПРИГАРИН Александр Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет

ТАРАНЕЦ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, руководитель Музея истории и культуры старообрядчества, Украина

Ответственный секретарь

ЛАЗАРЕВА Анна Юрьевна, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Восточный разряд», Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес редакции и издателя

127018, Москва, ул. Складочная, 6, к. 2, оф. 20

E-mail: journal@oldbeliever.ru

Сайт: oldbeliever.ru

Old Believer

2024, vol. 2, no. 1

ISSN (print) 2949-4001
ISSN (online) 2949-3994

Scientific journal "Old Believer" is registered in Russian Federation by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Published since 2023. Quarterly journal. Founder and publisher — Evgenii Palamarenko

Date of registration: 14th August, 2023. Registration certificate ПИ № ФС 77 — 85733

Editor-in-Chief

POZDEEVA Irina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Church History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

Editorial Council

BOCHENKOV Viktor, Candidate of Philological Sciences, Head of the Archives of the Metropolis of Moscow and All Rus', Kostroma, Russian Orthodox Old Believer Church, Moscow

BUBNOV Nicolay, Doctor of Historical Science, Leading Researcher of the Research Department of Manuscripts, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg

BURAEVA Svetlana, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

DANILKO Elena, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Visual Anthropology, The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology

KEROV Valeriy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Economic History of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

CLAY Eugene, Ph.D., Associate Professor of Religious Studies in the School of Historical, Philosophical, and Religious Studies, Arizona State University, USA

KOSTROV Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University

MORRIS Tamara, Doctor of Philology, Courtesy Professor, Faculty of Russian, East European and Eurasian Studies, University of Oregon, USA

PRIGARIN Alexander, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities

TARANETS Sergey, Doctor of Historical Sciences, Head of the Museum of History and Culture of the Old Believers, Ukraine

VASILYEVA Svetlana, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Buryat State University named after Dorji Banzarov

Executive Secretary

LAZAREVA Anna, Junior Researcher at the Eastern Discharge Research Laboratory, Kazan Federal University

Editorial office and Publisher address

Skladochnaya str., 6, bldg., 2, of. 20, Moscow,
Russian Federation, 127018

E-mail: journal@oldbeliever.ru

Website: oldbeliever.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Исследования

Моррис Тамара Балдановна

Ричард Моррис — исследователь и организатор изучения старообрядчества ..5

Таранец Сергей Васильевич

Старообрядцы в период закрытия и ликвидации Куренёвских монастырей в 1920–1970 годы23

Маслова Юлия Валерьевна

Письма Дмитрия и Николая Большаковых к В.Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ)51

Кожурин Кирилл Яковлевич

К биографии рижского духовного наставника Ивана Васильевича Волкова ..71

Моррис Тамара Балдановна

Макар Афанасьевич Зенюхин (1938–2020 гг.)83

CONTENTS

Research

Tamara B. Morris

Richard Morris is a researcher and organizer of the study of the Old Believers5

Serhii V. Taranets

Old Believers during the period of closure and liquidation of the Kurenevsky monasteries in the 1920s–1970s23

Julia V. Maslova

Letters from Dmitry and Nikolai Bolshakov to V.G. Druzhinin (based on the Russian State Archive of Literature and Art)51

Kirill Ya. Kozhurin

To the biography of the Riga spiritual mentor Ivan Vasilyevich Volkov71

Tamara B. Morris

Makar Afanasyevich Zenuhin (1938–2020)83

доктор филологических наук, профессор факультета русистики, восточноевропейских и евразийских исследований, Орегонский университет

1585 E 13th Ave., г. Юджин, штат Орегон, 97403, США
E-mail: tbmorris@uoregon.edu

Ричард Моррис — исследователь и организатор изучения старообрядчества

В данной статье ставится цель показать проф. Ричарда Морриса как организатора науки, особенно первых Международных конференций по старообрядчеству, как ученого-антрополога и как личность. Анализируются его основные научные работы и приводятся выводы, к которым он приходит. Обсуждается вклад проф. Р. Морриса в науку. Отмечается его активная поддержка по продвижению изучения русских староверов как в США, так и в мире. Показываются совместные исследования с проф. Тамарой Моррис (после 2005 г.), организация ими школы для староверов по изучению русского и церковнославянского языков. Подчеркивается любовь проф. Р. Морриса к полевым научным исследованиям, его участие в серии этнографо-археографических экспедиций в России (Пермский, Красноярский и Алтайский края, Иркутская и Кемеровская области, Эвенкия, Бурятия), а также в странах Балтии, в Украине, Польше, Румынии, в Канаде. Показывается особое отношение к нему староверов. Демонстрируется его работа в научных центрах России, университетах и музеях страны. Приводятся воспоминания о нем видных ученых мира, а также староверов Орегона. Даны некоторые биографические данные, сведения об образовании, его работе в Международной организации по миграции. Особо подчеркивается любовь проф. Р. Морриса к России.

Ключевые слова: старообрядчество, Орегон, организатор науки, полевой антрополог, личность, любовь к России.

...

Для цитирования: Моррис Т.Б. Ричард Моррис — исследователь и организатор изучения старообрядчества // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 1. С. 5–22. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0010

6 Tamara B. Morris

Doctor of Philology, Courtesy Professor, Faculty of Russian, East European and Eurasian Studies,
University of Oregon

1585 E 13th Ave., Eugene, OR 97403, USA
E-mail: tbmorris@uoregon.edu

Richard Morris is a researcher and organizer of the study of the Old Believers

This article aims to present Professor Richard Morris as a science organizer, one of the main organizers of the first International Conferences on Old Believers, as an anthropologist, and as a person. His main scientific works are analyzed, and the conclusions are presented. Professor R. Morris's contribution to science is also discussed. His active support for the promotion of the study of Russian Old Believers both in the U.S. and in the world is noted. The article shows his joint research and collaboration with Courtesy Professor Tamara Morris (after 2005), as well as their organization of a school for Old Believers to study Russian and Church Slavonic languages. Professor R. Morris's love for this scientific research field, his participation in a series of ethnographic and archaeographic expeditions in Russia (Perm, Krasnoyarsk, Altai, Irkutsk and Kemerovo regions, Evenkia, Buryatia), as well as in the Baltic countries, Ukraine, Poland, Romania, and Canada are emphasized. It highlights the special relationship he had with the Old Believers. It demonstrates his work in scientific centers of Russia, universities and museums of the country. Recollections of him from prominent scholars around the world, as well as from the Old Believers of Oregon, are provided. Some biographical information, details about his education, and his work with the International Organization for Migration are included. Special emphasis is placed on Professor R. Morris's love for Russia.

Keywords: Old Believers, Oregon, science organizer, field anthropologist, personality, love for Russia.

...

For citation: Morris T.B. Richard Morris is a researcher and organizer of the study of the Old Believers. *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 1, pp. 5–22. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0010

Имя американского ученого — профессора Ричарда Морриса давно и прочно связано со старообрядчеством [Юмсунова (Моррис) 2018]. Он родился 1 августа 1933 г. в г. Индепенденс штата Айова, США. Умер 14 июля 2015 г. в своем доме в г. Вудбурн штата Орегон.

Предки Ричарда по отцовской линии были из Уэльса, по материнской линии — из Англии. По вероисповедованию все были протестантами. Отец Ричарда Роберт Х. Моррис (1898–1990 гг.) был кадровым военным, полковником авиации, мать, Маргарет Л. Моррис (урожд. Стенли) (1900–1985 гг.), — музыкантом (скрипачка и пианистка). Родители Ричарда познакомились в 1927 г. во время гастролей его матери по Америке с известным оркестром Чатаквы. Отец в то время работал учителем математики в школе г. Лэнгфорд штата Южная Дакота, и его попросили помочь оркестру с распространением билетов. Молодые люди понравились друг другу и после годовой переписки встретились и поженились. В их семье один за другим родилось три сына: Роберт (1929 г. р.), Уильям (1932 г. р.) и Ричард (1933 г. р.), поэтому мать перестала заниматься музыкой профессионально и погрузилась в воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. По воспоминаниям Ричарда, в их доме всегда звучала классическая музыка. В школьные годы семья Моррис из-за военной службы отца постоянно переезжала из штата в штат, поэтому каждый год Ричард учился в новой школе, что способствовало его раннему развитию интереса к общению с людьми.

По первому высшему образованию Р. Моррис, как и его отец, математик. В 1955 г. он получает степень бакалавра по математике в Род-Айлендском университете г. Кингстон штата Род-Айленд. Конец 1950-х–1960-е гг. связаны с обучением в военных школах и институтах и со службой в американской армии, что характерно для всей семьи Моррис. Первая карьера у всех трех братьев была по военной линии. В 1958–1959 гг. Ричард служит в Южной Корее в составе американских войск. Там он в 1958 г. оканчивает воздушно-десантные курсы, а в 1959 г. — артиллерийско-ракетную школу армии США в чине лейтенанта.

Рисунок 1. Семья Моррис. 1950-е гг. Ричард крайний справа

Источник: фото семьи Моррис

Интерес к изучению русского языка у Ричарда возник в 1960-е гг., что было связано и с интересом к Советскому Союзу. Это был период «холодной войны». И, как он сам сказал в Латвии в одном из своих интервью, «мне было очень интересно узнать, что из себя представляет эта враждебная, угрожающая Америке страна». Однако, забегаю вперед, скажу, что впоследствии, после того как он начал работать с русскими общинами в Орегоне и проводить научно-исследовательскую работу вначале в СССР, потом в Российской Федерации, эта тема ушла, остался интерес и любовь к людям.

Когда Ричарду предложили в рамках специальной программы целый год учить русский язык, он сразу согласился. В 1961–1962 гг. он 12 месяцев учится в Армейской школе языков в г. Монтерей в Калифорнии (Defense Language Institute. Presidio of Monterey, California), затем изучает историю государства Российского, его устройство, традиции и др. в гражданском Американском университете Вашингтона (American University, Washington, DC) и в 1964 г. получает степень магистра в области краеведения России (M. A. in Russian Area Studies). Во время обучения в университете для получения языковой практики год живет в русскоговорящей семье в Вашингтоне (1962–1963 гг.). То же самое он повторит позднее и в Латвии — снимет комнату у эстонских эмигрантов с условием, что они будут разговаривать с ним по-русски.

В 1965–1967 гг. работает академическим директором в военном американском институте в Германии (U.S. Army Institute of Advanced Russian and East European Studies. Garmisch, Germany). Курирует академическую и административную деятельность русскоязычного персонала, преподавателей и студентов.

В 1968–1969 гг. он во Вьетнаме. В 1968 г. работает в штабе армии, где занимается планированием работы персонала (Plans Officer for Personnel), затем в американском посольстве в Сайгоне возглавляет группу по разработке информационной программы земельной реформы (Director of Land Reform Information Program under USAID). Тем не менее страшная война была рядом. От разрыва бомбы у него случается сердечный приступ. В 1970 г. Р. Моррис оставляет военную службу в чине подполковника армии. Всего на военной службе он находился 14 лет.

После Вьетнама Ричард, как и другие военные, лечится и проходит психологическую реабилитацию в одном из лучших медицинских центров в Калифорнии. Впоследствии горький вьетнамский опыт претворится у него в замечательную человечность. С ним несколько месяцев работают опытные психологи и, видя интеллектуальный потенциал Ричарда, советуют ему обратиться к науке.

А в это время, в конце 1960-х гг., в штат Орегон, где уже жили молокане и первая волна пятидесятников, съезжаются староверы из Китая и Турции. И в Китае, и в Турции староверы жили отдельными поселками и сохраняли традиционный образ жизни. В США им нужно было приспособиться к совершенно новым условиям, причем без знания английского языка. Им нужна была квалифицированная помощь. К тому времени Ричард уже хорошо владел русским языком. Нужно сказать, что у него вообще был интерес к языкам. Он говорил по-немецки, по-французски, а в последние годы своей жизни активно учил испанский язык. Но особенно Ричард любил русский язык, поэтому впоследствии журналисты часто

его спрашивали, нет ли у него русских корней. На что он отвечал: «Я первый русский в моей семье».

Ричард принимает решение заняться культурной антропологией, которое явится для него судьбоносным. Объектом его научного изучения становятся общины русских в Орегоне (молокане, пятидесятники, староверы). Позднее он сосредоточит все свое внимание на староверах. В 1975 г. он оканчивает Западный Вашингтонский университет в штате Вашингтон магистром социально-культурной антропологии (M.A. in Cultural Anthropology, Western Washington University). В это время Ричард живет в штате Вашингтон и ездит к староверам в Орегон на моторхоне (из англ. *motorhome* 'дом на колесах'), который разрешает ставить в своей усадьбе старовер-харбинец¹ Федор Фролов. В 1988 г. Ричард покупает в г. Вудбурне дом, в котором и живет до конца своих дней. Вудбурн для него был интересен прежде всего тем, что в этом небольшом городке и вокруг него поселились русские переселенцы. Так Орегон вначале становится его постоянным местом приездов, потом любимым местом жизни и местом, куда им постоянно приглашаются ученые, чаще всего российские.

В 1981 г. он защищает диссертацию по культурной антропологии в Орегонском университете штата Орегон (Ph.D in Cultural Anthropology, University of Oregon). Тема его диссертации — «Три группы русских в Орегоне: сравнение границ в плюралистической среде» (Three Russian Groups in Oregon: a Comparison of Boundaries in a Pluralistic Environment).

Цель данного исследования — дать культурно-этнографическое описание трех групп русских переселенцев (молокане, пятидесятники и староверы), приехавших в Орегон разными путями и в разное время, и показать концептуальные границы, которые каждая из этих групп принимает в качестве определяющих факторов своей групповой идентичности. В диссертации рассматривается, каким образом каждая из трех групп, имеющих общую этническую и культурную основу, пытается сохранить свою идентичность в пределах границ, защищающих их от влияния внешнего мира, определяется степень внешнего воздействия и степень адаптации.

Ученый приходит к заключению, что во всех трех русских группах основные изменения происходят с целью сохранения характерных границ при их динамической непрерывности. Показывается, как каждая группа находит свое место по отношению к принимающему американскому обществу и его культуре.

Обладая столь важным для этнографа качеством, как умение на родном языке переселенцев легко завязывать знакомства, переходящие в дружеские отношения, ученый сразу устанавливает с русскими переселенцами теплые и доверительные отношения.

¹ Харбинцами называют староверов, приехавших в Америку в 1960-е гг. с северо-востока Китая с главным городом Харбином.

Рисунок 2. Р. Моррис с семьей староверов-харбинцев. Штат Орегон, 1980-е гг.

Источник: фото семьи Моррис

Как пишет проф. И. В. Поздеева² в своих «Воспоминаниях о Ричарде Моррисе»³, в этом видится «не только глубокий интерес Ричарда к проблемам русского старообрядчества, но и глубокая симпатия к этим людям, хранителям древних русских традиций. <...> Доктор Ричард Моррис был особым ученым, таких не много, и их наличие очень важно для всего научного сообщества. Ричард не только жил рядом с русскими старообрядцами, он полностью разделял их проблемы и сложности жизни. <...> И все это он делал совершенно бескорыстно. Ричарда знали и уважали фактически все члены старообрядческих общин Орегона». С. Е. Никитина⁴, которая жила в доме Ричарда в Вудбурне в 1996 г., во время своей экспедиции к староверам Орегона, также отмечала, что «увидела, насколько теплые и близкие отношения были у Ричарда с его информантами — русскими старообрядцами и как они его ценили и любили».

Ричард десятками лет всячески помогал членам старообрядческих общин: в обращении к адвокату, в деле получения гражданства, в разнообразных судебных и правовых случаях. Как вспоминает М. Маккибен⁵, вхождение Р. Морриса в общину староверов начинается с преподавания курса подготовки к получению американского гражданства. Эти курсы он вел в 1980-е гг. на русском языке в социальном колледже г. Вудбурна, и посещали их в ос-

² Ирина Васильевна Поздеева — доктор исторических наук, профессор МГУ, член Археографической комиссии РАН.

³ Воспоминания И. В. Поздеевой, как и других ученых (см. ниже), были посланы мне в машинописном виде в 2016 г. в связи с первой годовщиной со дня смерти Ричарда. Занимаемые ими должности даны или на 2016 г., или указаны в скобках.

⁴ Серафима Евгеньевна Никитина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН.

⁵ Маргарет Маккибен — известный в США библиотекарь. В 1970–1980 гг. жила в Орегоне и работала в г. Вудбурн в качестве русскоговорящего представителя. Ее задача заключалась в том, чтобы «помогать русскоязычным и англоговорящим соседям понимать друг друга».

новном староверы. К концу курса он стал «не чужаком, а уважаемым учителем и известным человеком». Я являюсь свидетелем того, что даже еще в 2010-е гг. Ричард консультировал староверов индивидуально и выступал в качестве переводчика при сдаче экзамена на гражданство. Делами староверов он занимался в прямом смысле до конца своих дней, даже когда уже плохо себя чувствовал.

Рисунок 3. Урок по гражданству в Чемекета колледже. Г. Вудбурн, штат Орегон, 1980-е гг.

Источник: фото семьи Моррис

Основная монография Ричарда «Древние русские обычаи: культурные различия между тремя русскими группами в Орегоне» (Old Russian Ways: Cultural Variations Among Three Russian Groups in Oregon) была издана в 1991 г. в Нью-Йорке. В этой книге Р. Моррис дает подробную характеристику трем русскоязычным группам, проживающим в Орегоне (пятидесятники, молокане и староверы). Разделенные по религиозным признакам, они, стараясь сохранить свою идентичность, сталкиваются в США с похожими проблемами.

Р. Моррис подходит к этой теме с точки зрения «поддержания границ». Он дает подробные этнографические описания в таких областях, как религия, семья, критические жизненные события, образование, отношения с властями, одежда, пища и пищевые привычки, ритуальная чистота, язык и др. Это рассматривается и описывается с точки зрения функционирования и поддержания культурных границ, а также идентичности отдельных групп как по отношению друг к другу, так и по отношению к принимающему американскому обществу, в котором они живут.

Научная заслуга Р. Морриса состоит в том, что он первым дал широкое, глубокое и детальное этнографическое описание, анализ различных сторон духовной культуры и экономических аспектов жизни трех русских религиозных общин переселенцев в Орегон: старо-

веров, молокан и пятидесятников, сосредоточив основное внимание на староверах. В своих работах он рассматривал разные аспекты проблем сохранения их традиционного образа жизни, наблюдал изменения, происходившие в их менталитете за годы проживания в США. Ученый пришел к выводу о неизбежных отступлениях от древних традиций даже в такой, наиболее консервативной среде. Он впервые поставил вопрос о своеобразном сочетании у оregonских староверов религиозных традиций и новаций.

На примере общин староверов Орегона Р. Моррис рассматривает действенность системы возрастных, семейных, религиозных авторитетов, отмечает эволюцию значения в жизни староверов собора — общего собрания членов общины. Интересны его наблюдения над изменением роли собора во время миграции староверов и во время их расколов: разделение на поповцев и беспоповцев (1980-е гг.), раскол внутри беспоповцев на почве разного понимания перстосложения на иконах трех нижних перстов, символизирующих Троицу (2010-е гг.).

Значительный интерес представляют исследования Р. Морриса над конкретными путями и спецификой вхождения традиционных русских религиозных общин староверов в современное американское общество. Он детально изучает как экономические, так и психологические стороны этого процесса и приходит к выводу, что русские староверы смогли успешно приспособиться к современным технологиям, а также к новым формам политической и экономической организации, не потеряв при этом своих корней.

В своих работах Р. Моррис касается проблемы значения русского языка и церковнославянского в сохранении культурных традиций. Им подробно рассматривается муниципальная образовательная система в Орегоне и традиционное домашнее обучение церковнославянскому языку.

Впервые в Россию Р. Моррис приехал в 1964 г. в качестве туриста, с радостью обнаружил, что понимает русский язык, и навсегда полюбил Россию, при этом, без всякого сомнения, оставаясь большим патриотом Америки. Регулярно ездить в Россию он начал с конца 1980-х годов. В декабре 1988 г. Ричард приехал в Россию на три месяца в рамках программы обмена между учеными США и России. С этого времени начинается его сотрудничество с Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова (МГУ). Проф. И. В. Поздеева вводит его в мир традиционной русской культуры, добивается права его участия в научных археографических экспедициях в Пермскую область, которая десятилетиями была полностью закрыта для посещения иностранцами. С его приездом в Верещагинский район Пермской области связана реальная история, которую рассказала мне Ирина Васильевна. «Председатель совхоза в с. Сепыч, где была база нашей экспедиции, позвонил в соседний сельсовет и пригласил председателя сельсовета приехать в Сепыч, так как на следующий день в сельском клубе будет выступать американец. В ответ он услышал: „Что ты плетешь? Сколько ты выпил?“ Настолько нереальным казалось для всех участие в полевых работах в этом районе американского гражданина и ученого». И все же выступление Ричарда состоялось. Потом он не раз приезжал в экспедиции в старообрядческие поселения Верещагинского района. Первая совместная российско-американская экспедиция в Пермскую об-

ласть состоялась в 1989 г. За время этих экспедиций (1989–1990 гг.) Ричард сделал и подарил МГУ 500 цветных диапозитивов и слайдов.

Рисунок 4. Р. Моррис и И.В. Поздеева в экспедиции у староверов. Верещагинский р-н, Пермской обл., конец 1990-х гг.

Источник: фото участника экспедиции

Ричард всегда стремился узнать как можно больше о России, увидеть разные и новые места, посетить старообрядцев Сибири, Дальнего Востока и других далеких и малодоступных для иностранных ученых мест. Он очень любил полевую исследовательскую работу.

В 1992 и 1993 гг. Ричард с группой новосибирских исследователей выезжает в этнографо-археографические экспедиции к староверам в Эвенкию, Бурятию, в Красноярский и Алтайский края, Иркутскую и Кемеровскую области. По воспоминаниям В. Н. Алексеева⁶ «Как Ричард Моррис стал „своим человеком“ в Сибири», «Ричард оказался прекрасным дорожным спутником — надежным, сильным, веселым, находчивым и предприимчивым, легко переносившим все тяготы и лишения экспедиционной жизни, сибирских дорог по бескрайним просторам тайги, полей и гор. Среди сибирских старообрядцев, людей весьма своеобразных, „закрытых“ от мира, Ричард чувствовал себя как рыба в воде».

Был Ричард и у «семейских» Забайкалья, которыми я занималась как диалектолог с 1979 по 2006 гг. В 2010-е гг. один старовер из Орегона приехал в Забайкалье и посетил в с. Бичура моего родного Бичурского района этнографический музей. Там он с удивлением обнаружил свадебное платье одной из своих дочерей и сказал: «Это Ричарда работа». Действительно, Ричард много работал с музеями России, привозил в подарок от староверов Орегона комплекты их одежды, головные уборы, тканые пояски, образцы ручной вышивки и др.

⁶ Владимир Николаевич Алексеев — кандидат филологических наук, доцент НГУ, заведующий отделом редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки (ГПНТБ) СО РАН (1967–2010 гг.).

Нужно сказать, что методика полевой работы, тот способ общения со старообрядцами, которые вырабатывались российскими археографами, этнографами, лингвистами на протяжении целого ряда лет практической деятельности, Ричардом Моррисом были поняты и восприняты легко и естественно, что обеспечило ему, американцу, органичность вхождения в специфическую среду старообрядческой жизни не только в России. Неоднократно Р. Моррис бывал в научных экспедициях у староверов в странах Балтии, в Украине, Польше, Румынии, в Канаде. Проф. К. Красовски⁷ в своих воспоминаниях «Несколько мыслей о Ричарде Моррисе» пишет, что по инициативе Р. Морриса была проведена полевая работа в рамках экспедиции по селам русских липован в Буковине (1993 г.). Особое внимание было уделено селам-побратимам Климовцы (на румынской стороне границы) и Белая Криница (на украинской стороне границы). Ричард также дважды посетил липован Добруджи (1993, 2000 гг.).

Р. Моррис не ставил целью написание научных работ по результатам этих экспедиций, но он получал колоссальные новые знания, делал ценные психологические наблюдения, убеждался не только в своем интересе к староверам, но и в глубокой симпатии к ним. Эти знания ему очень помогали при работе со староверами Орегона.

В России проф. Ричард Моррис хорошо известен прежде всего как организатор науки. Он был одним из основных организаторов и активных участников первых международных конференций, посвященных истории и традиционной культуре русских старообрядческих центров в России и за границей, являлся соредактором серии научных сборников этих конференций (Вашингтон, США, 1985; Загреб, Югославия, 1988; Новосибирск, Россия, 1990; Варшава, Польша, 1992; Бухарест, Румыния, 1993; Хельсинки, Финляндия, 1995; Москва, Россия, 1996).

Эти первые конференции имели колоссальное значение. Впервые в русской и зарубежной науке анализировались с разных точек зрения самые разные стороны духовной и материальной культуры старообрядчества за все время его существования, а также рассматривалось современное состояние этой культуры в основных старообрядческих регионах страны и зарубежья.

Что конкретно в научно-организационном плане делал проф. Моррис? Например, при проведении симпозиума в Новосибирске (1990 г.) в его обязанности входило: организация участия в симпозиуме иностранных ученых (15 чел. из девяти стран); научное и административное координирование (переписка, сбор заявок на доклады, отбор заявок, составление программы); обязанности главы группы в Москве и при сопровождении иностранных гостей в Новосибирск, а также во время работы симпозиума в Новосибирске; осуществление научно-организационной и редакционной работы по подготовке к изданию материалов симпозиума.

На всех этих конференциях Р. Моррис выступал с научными докладами. На конференции в Новосибирске он выступил с интересным докладом «Мир молодых старообрядцев в Орегоне», в котором показал, что «мир молодых старообрядцев формируется благодаря двум факторам: стандарту поведения взрослого поколения и воздействиям внешней среды

7 Ксения Красовски — доктор филологических наук, профессор Бухарестского университета (Румыния).

окружения», что «старообрядцы в Орегоне находятся в стадии перехода от одной культуры к другой».

Нужно сказать, что Р. Моррис содействовал российским ученым в получении финансовой поддержки международных организаций или частично сам финансировал ученых для их поездок и участия в научных конференциях и симпозиумах в Германии, Югославии, Польше, Румынии и Финляндии, а также поддерживал участие в подобных конференциях в России.

Как вспоминают об этих конференциях его близкие коллеги, именно человеческие качества во многом обеспечивали ему удачу в науке. С. Е. Никитина познакомилась с Ричардом Моррисом летом 1988 г. на Международном конгрессе историков и этнографов в Загребе. «Ричард встречал нас, исследователей старообрядчества, прибывших из СССР, в зале ожидания аэропорта. Быстрый, веселый и внимательный, он сразу всех собрал, помог с вещами и повез — нет, не в гостиницу, а в арендованный им дом, словно к себе в гости. «Гостей» из разных стран собралось немало. Это была секция конгресса, посвященная проблемам изучения старообрядчества, которой руководил доктор Ричард Моррис. Многонациональное сообщество исследователей старообрядчества, выступавших на конгрессе, оказалось под одной крышей. <...>

Здесь по вечерам продолжались дискуссии по дневным докладам. Здесь можно было услышать разнообразные истории из кочевой жизни полевых исследователей. Здесь делились своим экспедиционным опытом как близкие товарищи люди, еще совсем недавно не знакомые. Эту атмосферу профессионального родства и естественного доверия, общую атмосферу душевного, почти домашнего тепла тоже создавал Ричард».

Ирена Марынякова⁸ также считает, что особенно значимы заслуги проф. Р. Морриса в объединении исследователей старообрядчества из разных стран мира. Она вспоминает 4-ю конференцию по старообрядчеству, которая проходила в Польше в 1992 г. «Конференция проходила в очень трудных экономических условиях первых лет свободной Польши. Она состоялась на Подляшии в г. Цехановце. В организационном комитете, кроме поляков, был Ричард Моррис. Конференция состоялась в большей степени благодаря ему. Он организовал добавочное финансовое обеспечение. Денег хватило на четыре дня заседания, экскурсию в старообрядческие деревни в Польше и немного осталось на издание рефератов».

Проф. К. Красовски пишет, что Ричард всегда искренне радовался научному успеху коллег и «был связующим звеном между всеми нами».

Проф. Моррис плодотворно работал в научных центрах России, университетах и музеях страны. Так, с декабря 1988-го по март 1999-го он работал в университетах и научных организациях России по проекту, поддержанному американской программой АЙРЕКС (IREX). С сентября 1991 г. по июнь 1992 г. в рамках программы Фонда Фулбрайт (Fulbright Foundation) преподавал в Новосибирском государственном университете (НГУ) этнологию и проводил спецкурсы на тему «Развитие западной этнографии» (The Development of Western Ethnographic Sciences) в университетах и музеях Сибири, Урала (Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Свердловск, Пермь), Москвы и Санкт-Петербурга (тогда Ленинграда).

⁸ Ирена Марынякова — PhD, профессор гуманитарных наук Института славистики Польской академии наук.

Ричард был очень разносторонним человеком. С 1992 г. он участвует в американской программе «Дающая надежду» (Provide Hope) по распределению помощи наиболее незащищенным группам населения России, совмещая это с научно-исследовательской работой. С февраля 1993 г. занимается проблемами вынужденных переселенцев в качестве представителя Международной организации по миграции (МОМ). В его функции входило изучение проблем переселенцев из бывших республик Советского Союза, а также создание программы помощи и ведение этой программы. Для этого он выезжал в районы проживания переселенцев; узнавал, кому и какая помощь нужна; сотрудничал с местными и центральными представителями миграционной службы. Он ставил перед собой задачу предоставлять соответствующую помощь адресно, для этого на выделенные деньги старался закупить необходимую в данном хозяйстве технику и доставить ее непосредственно ведущему хозяйству человеку. Такая деятельность не очень нравилась чиновникам, которые раньше сами занимались распределением финансов. Среди мигрантов Ричард пользовался колоссальным уважением⁹.

За пять лет при непосредственном участии Ричарда Морриса было создано 120 малых предприятий, во многом благодаря его требованиям о точечном и личном предоставлении помощи. Эта программа, по официальному мнению, положительно повлияла на развитие экономики в нескольких регионах России.

В 1998 г. его работа в МОМ была успешно завершена и официально одобрена, и он уехал домой в Орегон. А когда в следующий раз поехал в Россию по научным делам, его остановили на российской границе и больше в страну не впустили. Он предполагал, что это могло быть связано с его работой в МОМ. Это было несправедливо по отношению к Ричарду и оставило непроходящую боль в его душе до конца его дней.

Ричард обладал удивительным талантом дружбы. Среди его близких коллег были известные ученые: профессора Р. Крамми, Д. Маджеску, Р. Робсон из США, акад. Ё. Накамура (Япония), профессора И. В. Поздеева (Россия), Г. М. Прохоров (Россия), И. Марыньякова (Польша), К. Штайнке (Германия), К. Красовски (Румыния), д. ф. н. С. Е. Никитина (Россия) и др. «Ричард Моррис был другом моим и моего мужа долгие годы и, казалось, не было лет, когда его не было рядом», — делится своими воспоминаниями И. В. Поздеева. Проф. Г. М. Прохоров¹⁰ говорил, что «раз соприкоснувшись с человеком, Ричард покорял его навсегда».

У Ричарда было много друзей и среди староверов. Самым близким нашим другом был беспоповец часовенного согласия синьцзянец¹¹ Макар Афанасьевич Зенюхин [См. Morris 2022]. Ричард называл его нашим духовным отцом и народным академиком. В 2014 г. Макар А. вместе с женой ушел в Дубчесские скиты¹², где и упокоился в 2020 г. Когда он жил в скитах, мы были с ним в переписке. Письма передавались разными okazиями два-три раза в

⁹ С одной семьей русских мигрантов из Таджикистана, которые жили в г. Сергиев Посад, Ричард меня познакомил. Это замечательные люди Виктор и Татьяна Немовы. Виктор во время работы Ричарда в МОМ был его хорошим помощником в Московской области, и близкие отношения между ними сохранились до конца их жизни.

¹⁰ Гелиан Михайлович Прохоров — доктор филологических наук, профессор СПбГУ, главный научный сотрудник Института русской литературы (ИРЛИ).

¹¹ Так называют староверов, приехавших в Америку в 1960-е гг. из провинции Синьцзян (Китай).

¹² Дубчесские скиты — духовный центр староверов часовенного согласия. Расположены в Сибири на севере Красноярского края.

год. Смерть Ричарда вызвала у Макара А. гамму сильных чувств («Таких людей, как Ричард, очень мало на свете, а теперь стало еще меньше. Помоги тебе Господи перенести твою разлуку с милым Ричардом», из письма 2015 г.; «Ричард у меня с ума не сходит, как будто живой», 2018 г.; «Для меня Ричард все-то еще живой. Я его не забываю. Много было у меня друзей, но все проходящие, а Ричард незабываемый», 2019 г.).

Нужно сказать, что таким же душевным Ричард был и в семейной жизни. Он быстро подружился с моей матерью, Анной Григорьевной Сахаровой (1920 г. р.), которая стала жить вместе с нами в Орегоне, но наказала захоронить ее прах в России, что я и сделала. Ричард установил дружеские и доверительные отношения с моей дочерью Наталией и внуком Владимиром, которые тогда жили в Москве и время от времени приезжали к нам в гости.

В третьем номере за 1994 г. возобновленного журнала «Живая Старина», продолжающего традиции одноименного дореволюционного журнала, впервые появилась рубрика «Русское Зарубежье». Первым автором, представившим материалы для него, стал Р. Моррис, подготовивший фотоочерк «Старообрядцы в Орегоне», тем самым открыв для мира староверов Орегона. Еще до нашей женитьбы в декабре 2005 г. я была постоянным автором этого замечательного журнала, а после этого мы стали печатать там совместные статьи: описывать семейные обряды у староверов Орегона, писать о наших экспедициях к русским староверам Аляски и др.

Впервые мы встретились с Ричардом осенью 2004 года, когда Леонид Леонидович Касаткин¹³, Розалия Францевна Касаткина¹⁴ и я приехали по его приглашению в диалектологическую экспедицию к староверам Орегона. Я тогда работала в отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка РАН им. В. В. Виноградова. Ричард встретил нас в аэропорту г. Сиэтла, привез в Орегон, поселил в семье старовера М. А. Зенюхина и все для нас организовал. Тогда мы сделали много интересных записей диалектной речи староверов и через месяц, очень довольные результатами экспедиции, вернулись в Москву. Следующая моя экспедиция в Орегон состоялась осенью 2005 г.

Наша совместная с Ричардом работа по изучению староверов Орегона началась с осени 2005 г. Мы делали многочасовые записи речи староверов на диктофон, писали совместные статьи, выступали на научных конференциях в США, Канаде, России. Говорили и писали о тех изменениях, которые произошли со староверами за почти 60 лет их проживания в США в их повседневной жизни, религии, языке и др., об их успешной адаптации к американской экономической системе; о причинах и серьезных последствиях двух их религиозных расколов (1980-е и 2010-е гг.) и др. Значительное внимание обращали на традиционные говоры староверов трех групп (синьцзянцы, харбинцы, турчане¹⁵), имеющих разные диалектные основы их говоров, и описывали их на разных языковых уровнях, особенно лексическом; поднимали вопрос об их культурном и языковом взаимодействии; выявляли степень владения русским языком у разных поколений староверов и др. Принимали участие в проекте по Романовке — старообрядческому поселку в Китае (1936–1957 гг.),

¹³ Леонид Леонидович Касаткин — заведующий отделом диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (1998–2012 гг.).

¹⁴ Розалия Францевна Касаткина — заведующая отделом фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

¹⁵ Турчанами называют староверов, приехавших в Америку в 1963 г. из Турции.

инициатором которого являлся известный японский ученый, акад. Ёсикадзу Накамура. Мы собрали воспоминания о жизни в Романовке староверов, которые потом переселились на Запад (Орегон, Аляска, Канада), и проследили их судьбу после Романовки.

В 2007 г. по просьбе староверов для их детей и внуков мы открыли в нашем доме частную «Школу русского языка и культуры», в которой преподавали русский язык и церковнославянский на широком фоне истории и культуры России. В статьях и выступлениях мы делились своими наблюдениями об этой школе. Она просуществовала до 2020 г. Это была единственная школа в Орегоне, сочетающая светское и духовное обучение. Через нашу школу прошло около 100 учеников, из них четыре поступили в университеты. В 2020 г. староверы, глядя на нас, открыли две свои частные школы. На 2024 г. в этих школах обучалось 382 ученика.

Проф. Р. Моррис не только сам занимался систематическим изучением староверов Орегона, но активно поддерживал и продвигал изучение русских староверов в США. Так, на протяжении ряда лет (2006–2011 гг.) он организовывал в США панели по старообрядчеству на ежегодной славистической конференции «Американская ассоциация содействия славянским исследованиям» (American Association for the Advancement of Slavic Studies), на которых мы рассказывали о религиозных разногласиях внутри староверов-беспоповцев Орегона и давали языковые портреты лидерам старообрядческих общин, делились своими наблюдениями о состоянии русского языка у староверов американского происхождения и др. На этих конференциях Ричард являлся председателем панели. На них приглашались видные российские ученые, например проф. И. В. Поздеева, проф. Г. М. Прохоров.

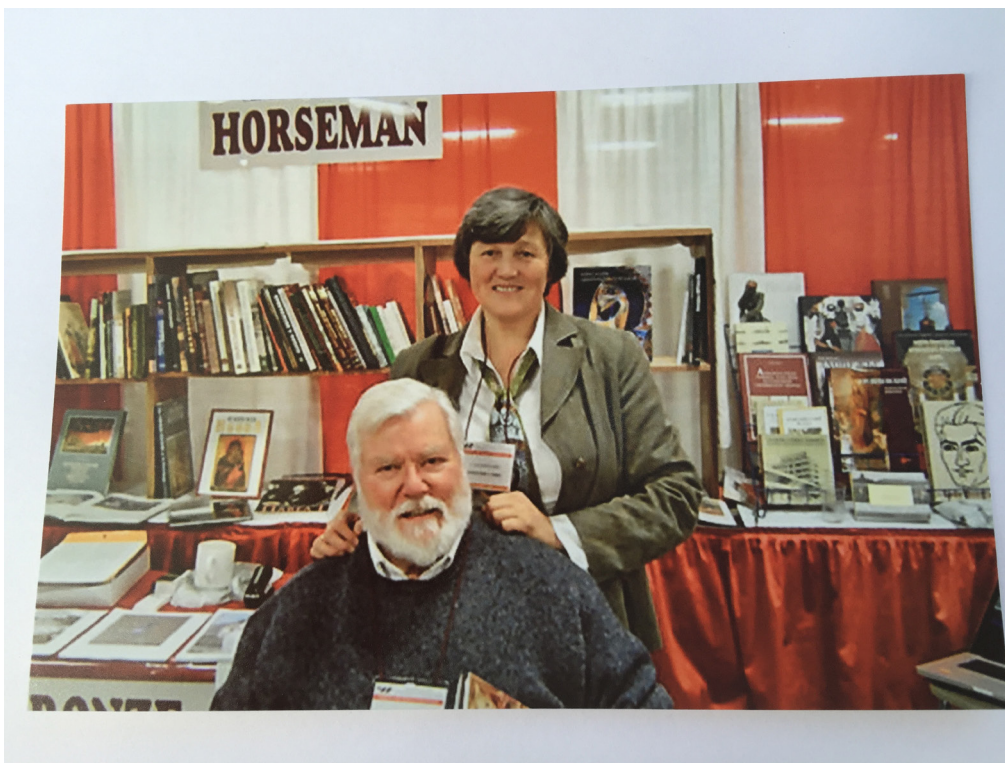

Рисунок 5. Р. Моррис и Т. Моррис на конференции AAASS в Бостоне. 2009 г.

Источник: фото хозяина киоска

Основной вывод наших исследований: изменения затронули все сферы жизни староверов Орегона, начиная с их внешнего вида, характера и сферы занятости и кончая языком и менталитетом, и этот процесс с каждым годом только усиливается, русский язык активно вытесняется английским.

Ричард Моррис много сделал для сохранения и популяризации культуры русских староверов Орегона в мире. По линии IREX и лично от себя он организовывал экспедиции, прежде всего российских ученых (археографов, лингвистов, фольклористов, этнолингвистов, этномузыковедов), в поселения русских староверов в штате Орегон. При этом брал на себя всю организационную работу — от написания приглашений до обеспечения транспортом и жильем. Он щедро делился контактами со староверами и нередко сам принимал участие в интервьюировании.

Рисунок 6. Р. Моррис и И.В. Поздеева со староверами Орегона. Орегон, 2013 г.

Источник: фото автора

Через год после смерти Ричарда, в 2016 г., Орегонский университет провел прекрасный вечер его памяти. Проф. Р. Морриса неоднократно тепло вспоминали на международных конференциях по старообрядчеству, которые проводит МГУ, а в 2019 г. его памяти был посвящен сборник докладов очередной конференции. В газете «Старообрядецъ» (Нижний Новгород) была опубликована статья «Памяти Ричарда» (№73 январь–март 2019).

Ричард Моррис прожил яркую, интересную и содержательную жизнь. Я уверена, что добрая память о нем у родных, коллег и друзей, а также у староверов сохранится надолго. Позвольте закончить статью цитатой из воспоминаний В. Н. Алексева. «Думаю, многие со мной согласятся в том, что сегодня мы остро и горестно ощущаем отсутствие Ричарда Морриса — миру живых не хватает его широты и сердечности, его ясной доброй улыбки, выдающей оптимистическое видение мира, его открытости и доброжелательности, которых

так стало не хватать нам сегодня, своеобразного англо-американского юмора. Такие человеческие качества не исключительны в мире людей, но всегда индивидуальны и неповторимы. Поэтому не будем сегодня вопрошать — по ком звонит колокол...».

Основные работы Р.А. Морриса

Сохранение и изменение этничности в полиэтнической среде // Этнические процессы в СССР и США: Материалы советско-американского симпозиума. — М., 1986. — С. 163–184.

Мир молодых старообрядцев в Орегоне // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки / Отв. ред. член-корреспондент РАН Н. Н. Покровский, доктор Р. Моррис. — Новосибирск, 1992. — С. 17–22.

Русская книга в дореволюционной Сибири: рукописная и печатная книга на востоке страны // Сб. науч. тр. — Новосибирск, 1992. — 211 с. (ред. совместно с Н. А. Алексеевым, И. А. Гузнер, Е. И. Дергачевой-Скоп).

Община староверов в Северной Америке как одна из моделей для развития демократии в России // *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie.* — Warszawa, 1994. — Pages 23–31.

Полевая работа по изучению традиционной русской культуры в США и России // Традиционная народная культура населения Урала. Материалы международной научно-практической конференции. — Пермь, 1997. — С. 34–38.

Старообрядческие общины в Северной Америке // Гуманитарный симпозиум Открытие и сообщаемость культур. — М., 1998. — С. 92–96.

Русские староверы Северной Америки: история и современность // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы V Международной научно-практической конференции 31 мая — 1 июня 2007 г. — Улан-Удэ, 2007. — С. 294–302 (совместно с Т. Моррис).

Свадебный обряд у старообрядцев Орегона // Живая старина, № 2. — М., 2007 — С. 15–18 (совместно с Т. Моррис)

Русские староверы на Аляске // Живая старина, № 1. — М., 2010. — С. 43–46 (совместно с Т. Моррис).

Дорога из Романовки на Запад // Дни в Романовке. Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930-х–1940-х годов, из собрания Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева во Владивостоке. — М., 2012. — С. 302–309 (совместно с Т. Моррис).

Староверы Орегона: экономика, религия и язык // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы VI Международной научно-практической конференции 7–8 августа 2015 г. — Улан-Удэ, 2015. — С. 81–88 (совместно с Т. Моррис)

Preservation and Change of Ethnicity in a Multiethnic Environment. Ethnic Processes in the USSR and the USA: Proceedings of the Soviet-American Symposium. Moscow, 1986, pp. 163–184 (In Russian).

Towards a Further Understanding of the Old Believers // *Cahiers Du Monde Russe Et Soviétique.* — Paris, 1987. — Vol. 28, no. 3/4 — Pages 425–428 (co-author Anton Beliajeff).

Contemporary Old Believer Settlements in Western United States: 20 Century Accommodation and Preservation // Baldur Panzer and Timo Haapenen. Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. — Heidelberg, 1988. — Pages 133–148.

The Problem of Preserving a Traditional Way of Life Amongst the Old Believers of the USA and the USSR // Religion in Communist Lands. — Chislehurst, 1990. — Vol. 18, no. 4. — Pages 356–362.

Old Russian Ways: Cultural Variations among Tree Russian Groups in Oregon. — N. Y., 1991. — 398 p.

Icons amidst Russian old believers of Oregon and Alaska // Smithsonian Institution. Russian Copper Icons and Crosses from the Kunz Collection: Castings of Faith. — Washington, D. C., 1991 — Pages 11–14 (co-authors V. B. Espinola, and R. E. Ahlborn).

Old Believers // Encyclopedia of world cultures. — Boston, 1991. — Vol. 6. — Pages 272–275.

Po Starykovsky (the old people's way): end of life attitudes and customs in two traditional Russian communities// Counts, David R., and Counts, Dorothy Ayers. Coping with the Final Tragedy: Cultural Variation in Dying and Grieving. Perspectives on Death and Dying Series (Unnumbered). — Amityville, N.Y, 1991. —no 5. — Pages 91–112.

The World of Young Old Believers in Oregon. Traditional Spiritual and Material Culture of Russian Old Believer Settlements in Europe, Asia, and America. Ed. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences N.N. Pokrovsky, Dr. R. Morris. Novosibirsk, 1992, pp. 17–22 (In Russian).

Russian Book in Prerevolutionary Siberia: Handwritten and Printed Books in the East of the Country. Collection of Scientific Papers. Novosibirsk, 1992, 211 p. (edited jointly with N.A. Alekseev, I.A. Guzner, E.I. Dergacheva-Skop (In Russian).

Russian Book in Prerevolutionary Siberia: Handwritten and Printed Books in the East of the Country. Collection of Scientific Papers. Novosibirsk, 1992, 211 p. (edited jointly with N.A. Alekseev, I.A. Guzner, E.I. Dergacheva-Skop) (In Russian).

Cultura rusilor lipoveni (rusilor credinciosi de rit vechi) în context national si international: culegere de comunicari stiintifice. — Tulcea, 1993. — Vol. 1. — 206 p. (co-author Andrei Ivanov).

The Old Believer Community in North America as a Model for the Development of Democracy in Russia. Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miesce i tradycje we współczesnym świecie. Warsaw, 1994, pp. 23–31 (In Russian).

Fieldwork on the Study of Traditional Russian Culture in the USA and Russia. Traditional Folk Culture of the Population of the Urals. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Perm, 1997, pp. 34–38 (In Russian).

Russian Molokans // American Immigrant Cultures: Builders of a Nation. — New York, 1997. — Pages 740–747 (co-author Serafima Nikitina).

Old Believer Communities in North America. Humanitarian Symposium Discovery and Communication of Cultures. Moscow, 1998, pp. 92–96 (In Russian).

The dispersion of old believers in Russia and beyond // Pentikäinen, Juha. Silent as Waters We Live: Old Believers in Russia and Abroad; Cultural Encounter with the Finno-Ugrians. Studia Fennica. — Folkloristica. — Vol. 6. — Helsinki, 1999.— Pages 103–125.

Icons Amidst Russian Old Believers of Oregon and Alaska // Byzantium in the Casting Ladle. A millennium of metal icons. — Vantaa, 2000. — Pages 194–2004.

Cultura rusilor lipoveni (rusilor credinciosi de rit vechi) în context national si international: culegere de comunicari stiintifice. — Bucuresti, 2001. — Vol. 3. — 508 p. (co-author Andrei Ivanov).

The Old Believers: The Survival of a Religious and Cultural Heritage // Folklorica. — Lawrence, 2001. — Vol. 6, no. 2. — Pages 5–10.

Russian Orthodox Old Believers: Traits of a 17 th Century Culture in the 21 st Century // Maliavin, Vladimir. Russia and the Asian-Pacific region. —Tamsui, Taipei, 2004. — Pages 22–47.

Russian Old Believers of North America: History and Modernity. Old Belief: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Relations. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference May 31 — June 1, 2007. Ulan-Ude, 2007, pp. 294–302 (jointly with T. Morris) (In Russian).

Wedding Ceremony of the Old Believers of Oregon. Zhivaya Starina, 2007, no. 2, pp. 15–18 (jointly with T. Morris) (In Russian).

Russian Old Believers in Alaska. Zhivaya Starina, 2010, no. 1, pp. 43–46 (jointly with T. Morris)] (In Russian).

The Road from Romanovka to the West. Days in Romanovka. Japanese photographs depicting a Russian Old Believer village in Manchuria at the turn of the 1930s–1940s, from the collection of the Primorsky State United Museum named after V.K. Arsenyev in Vladivostok. Moscow, 2012, pp. 302–309 (jointly with T. Morris) (In Russian).

Old Believers 2014 // <https://rscowatzekdi.net/> (co-author T. Morris, T. Osipovich).

Old Believers of Oregon: Economy, Religion, and Language. Old Believers: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Relations. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, August 7–8, 2015. Ulan-Ude, 2015, pp. 81–88 (jointly with T. Morris) (In Russian).

Литература

Юмсунова (Моррис) 2018 — Т. Б. Юмсунова (Моррис). Моррис Ричард Артелс // Старообрядоведение. Энциклопедический и библиографический словарь. Исследователи истории и культуры старообрядчества второй половины XX — начала XXI в. К XVI Международному съезду славистов в Белграде: в 3-х т. / Науч. ред. и сост. С. В. Таранец; ред. О. Г. Ровнова. — К., 2018. — Т. 1. С. 324–329.

Morris 2022 — Тамара Моррис. Несущий факел веры и родного языка (стежями судьбы одного старовера Орегона) // Acta Neophilologica. — 2022. — Vol. 24. — No. 1. P. 253–266.

References

Yumsunova (Morris) 2018 — T.B. Yumsunova (Morris). Morris Richard Artels. Old Believer Studies. Encyclopedic and Biobibliographic Dictionary. Researchers of the History and Culture of the Old Believers in the Second Half of the 20th — Early 21st Centuries. To the XVI International Congress of Slavists in Belgrade: in 3 volumes. Scientific ed. and compiled by S.V. Taranets; ed. by O.G. Rovnova. Kyiv, 2018, vol. 1, pp. 324–329. (In Russian)

Morris 2022 — Morris T. Carrying the Torch of Faith and Mother Tongue: An Oregonian Old Believer's Paths of Faith. Acta Neophilologica, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 253–266.

доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины

Трёхсвятительская ул., 4, Киев, Украина, 01001

E-mail: trimonastyrje@gmail.com

Старообрядцы в период закрытия и ликвидации Куренёвских монастырей в 1920–1970 годы

В статье изучается положение Куренёвских старообрядческих монастырей в 1920–1930-е гг., оказавших значительное сопротивление государственным органам советской власти в деле сохранения своей жизнеспособности. Рассматривается состояние монастырей во время продразверстки, коллективизации, голодомора 1932–1933 гг., большей частью спровоцированного изъятием у насельников продуктов питания. Исследуется взаимодействие старейшин монастырей, местных и высших органов власти большевиков в борьбе старообрядцев в отстаивании интересов обитателей, имевших определенные успехи и позволивших на некоторое время отсрочить закрытие святынь. Особое внимание обращено на архиереев, иноков, послушников и обычных верующих во времена защиты монастырей и вызванных в этой связи преследований и репрессий родственников старообрядческих епископов, поскольку последние, используя опыт предыдущих поколений, с успехом скрывались от обидчиков, старались вести обычную духовную жизнь, часто сопровождавшуюся внутриконфессиональной борьбой. Под давлением правительства Украинской ССР пустынножизненная жизнь в Куренёвке была подавлена, монастыри ликвидированы, имущество использовано для нужд местного колхоза и уничтожено, большая часть иноков скончалась от голода и вынуждена была выбыть в другие места. Несмотря на сформировавшийся прессинг, десятки насельников остались доживать свой век на местах, в т. ч. и неокружнический епископ Савва Балтский и всего Юга, благодаря усилиям которого в годы Второй мировой войны возобновлены богослужения в оставшемся Успенском храме староженского монастыря. Рассказывается о жизни переживавшей кризис старообрядческой общины в послевоенное время, большей частью вызванный сокращением численности своих членов под сильным давлением власти.

Ключевые слова: Украинская ССР, Винницкая область, Куренёвские старообрядческие монастыри, Белокрыницкая иерархия, окружники, неокружники, советская власть, гонения, репрессии, духовная жизнь.

...

Для цитирования: Таранец С.В. Старообрядцы в период закрытия и ликвидации Куренёвских монастырей в 1920–1970 годы // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 1. С. 23–50. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0020

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine

Tryohsvyatytska Street, 4, Kyiv, Ukraine, 01001

E-mail: trimonastyrje@gmail.com

Old Believers during the period of closure and liquidation of the Kurenevsky monasteries in the 1920s–1970s

The present study analyzes the situation of the Kurenevka Old Believer monasteries in the 1920s–1930s, which managed to resist the Soviet state authorities and preserve their viability. The state of the monasteries during the „prodrazverstka“ (forced food redistribution), collectivization, and famine of 1932–1933 provoked by the confiscation of foodstuffs, is examined. The study examines the interaction of monastery elders, local and higher Bolshevik authorities in the Old Believers' struggle to defend the interests of the monasteries, which were partially successful and allowed to delay the closure of the sanctuaries. Special attention is paid to the bishops, monks, novices and ordinary believers during the time of the defense of the monasteries and the resulting persecution and repression of the relatives of the Old Believer bishops. The latter, with the experience of previous generations, successfully hid from the offenders, and tried to lead an ordinary spiritual life, often accompanied by intra-confessional struggles. Under the pressure of the government of the Ukrainian SSR, hermitage life in Kurenevka was suppressed, the monasteries were liquidated, the property was used for the needs of the local collective farm and eventually destroyed, while most of the monks died of starvation or had to leave for other places. In spite of the pressure, dozens of the clerics remained to live out their lives locally, including the neokruzchnik Bishop Savva of Balta and the Whole South, whose efforts allowed to resume services the remaining Assumption church of the Old-women's monastery during World War II. The study presents the life of the Old Believer community in crisis after the post-war period, mostly resulting from reduced numbers of its members under the strong pressure of the authorities.

Keywords: Ukrainian SSR, Vinnitsa region, Kurenevka Old Believers' monasteries, Belokrinitskaya hierarchy, okruzniki, neokruzniki, Soviet state, persecutions, repressions, spiritual life.

...

For citation: Taranets S.V. Old Believers during the period of closure and liquidation of the Kurenevsky monasteries in the 1920s–1970s. *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 1, pp. 23–50. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0020

Рассмотрение положения православных, в т. ч. старообрядческих, монастырей в 1920–1940 гг. является одним из приоритетных направлений в современном религиоведении, историографии и источниковедении истории разных православных деноминаций. Этот процесс во многом аффилирован с открытием и вводом в научный оборот новых источников, проливающих свет на события, происходящие в духовной жизни верующих, на взаимоотношения государства и церковных институтов в Советском Союзе, в частности в период становления советской власти, продразверстки, коллективизации, времен религиозных гонений и репрессий, военного и послевоенного времени, связанного с событиями Второй мировой войны. Среди таких наиболее известных и уже достаточно изученных духовных центров русского старообрядчества, как Выго-Лексинское общежитие, Керженец, Ветка, Стародубье, Иргиз, Рогожское и Преображенское кладбища в Москве, Белая Криница, Куренёвское тримонастырьё, располагавшееся в Ольгопольском уезде Подольской губернии, изучено весьма недостаточно, несмотря на то что занимало особое место в духовной жизни старообрядцев Белокриницкой иерархии. Это ядро противокружничества сформировалось и поднялось в связи с принятием в 1862 г. известного Окружного послания и последующей горячей полемикой вокруг этого документа. В отличие от вышеперечисленных духовных центров староверов, история, традиционная культура и повседневный быт Куренёвских старообрядческих монастырей почти не изучались, конкретно это касается и периода с 1920-х по 1970-е гг. [Юхименко, 2016. С. 82–207].

Объектом исследования данной работы являются процессы, происходящие в Куренёвских старообрядческих монастырях в 1920–1930 гг. и в последующее время после их ликвидации, а его предметом — проблема существования Куренёвского тримонастырьё в условиях советской действительности, особенности жизни иноков, послушников и обычных верующих после разгрома монастырей, удел духовного и материального наследия старообрядческих обителей. Цель дознания состоит в исследовании состояния Куренёвских монастырей и судеб связанных с ними староверов в 1920–1970-е гг., которая предусматривает решение ряда задач. Среди них: изучение положения монастырей в первые годы становления советской власти; раскрытие взаимоотношений лидеров куренёвских и других старообрядческих общин с местными и высшими органами власти в борьбе за существование монастырей в 1920-е гг.; демонстрация, на основании нарративов, обстановки монастырей в начале 1930-х гг., в частности в период Голодомора; изображение функционирования обителей во время религиозных гонений и репрессий, когда пострадало множество староверов, в первую очередь связанных с укрытием старообрядческих архиереев и церковного имущества; исследование перемещения духовного и материального древнерусского и старообрядческого наследия, судеб иноков и послушников после опустошения монастырей; раскрытие состояния местной старообрядческой общины в военное и поствоенное время, вплоть до значительного сокращения ее численности и попыток местного руководства закрыть русское кладбище. Для выполнения задач применен ряд методов, в т. ч. метод комплексного и сплошного изучения выявленных источников, начиная с архивных документов и заканчивая нарративами. Широко использован историко-сравнительный метод при изучении фактов, полученных из различного рода документов, что позволило уточнить часть имеющегося

материала, в частности, первоочередность отдавалась сведениям очевидцев, тогда как сведения респондентов, полученные из других источников информации, стали второстепенными ресурсами. В рамках конкретного временного отрезка произведен детальный разбор меняющихся и уточняющихся данных с помощью ретроспективного метода.

В ходе 30-летних исследований удалось накопить значительную источниковую базу для написания данной работы. В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины посчастливилось выявить дело, касающееся ликвидации Куренёвских старообрядческих монастырей в 1920-е гг. Эти документы представлены перепиской высших, центральных и местных органов власти УССР и РСФСР, монастырских уполномоченных. Большая часть из них имеет отношение к закрытию монастырей и дальнейшей непростой судьбе иноков и послушников. Хронологически материалы охватывают период с 1923 по 1925 г. [ЦГАВО Украины. Ф. Р.-5. Оп. 1. Д. 2198].

В Государственном архиве Винницкой области удалось отработать десятки дел, аффилированных с репрессиями как старообрядцев — защитников интересов Куренёвских монастырей, так и жителей с. Куренёвка, входивших в состав местной банды. В основном это документы об аресте старообрядцев, имеющих связь с Куренёвскими монастырями. В этом ряду выделяются бумаги о заключении под стражу и производстве следствий родственников священнослужителей Никольского мужского монастыря, среди которых следует назвать сына архимандрита Куренёвского монастыря, впоследствии епископа Саввы, А.С. Суржикова и двоюродного брата З.В. Глазова, диакона монастыря, а затем и ржевского епископа Петра (Глазова). Деловые бумаги советского времени свидетельствуют о новом периоде гонений на старообрядцев в 1920–1930-е гг. [ГАВО. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 6003, 8281]. Еще одна группа документов о репрессиях 30-х гг. XX в. касается самого с. Куренёвка, где старообрядцы выступают только в качестве свидетелей. События, о которых говорится в документах, относятся ко времени Гражданской войны. В них рассказывается о существовании в 1918–1921 гг. в с. Куренёвка и ее окрестностях банды, занимавшейся убийством красноармейцев, грабежом промышленных предприятий, узкоколейных поездов, старообрядческих монастырей и населения Чечельницкого, Песчанского и Ободовского районов Подольской губернии. В 1938 г. члены бывшей куренёвской банды С.И. Пронюка были арестованы и предстали пред судом, связи с чем возникла большая переписка соответствующих органов, равно как и многочисленный фактический материал, зафиксированный в протоколах допросов свидетелей [ГАВО. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 13442, 14976, 16199, 16200, 16201, 16203].

В отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук хранятся документы старообрядческого происхождения, полученные в ходе полевых работ сотрудниками этого учреждения. Среди выявленных экземпляров следует назвать Постановление неокружнического собора под председательством епископов Петра Московского и Вениамина Балтского и всего Юга, Извещение неокружников г. Тирасполя об отступлении от единства старообрядческой Церкви епископов Петра Московского и Вениамина Балтского, Ответ тираспольского священника Симона старообрядческому епископу Вениамину Балтскому и всего Юга, датируемые 1935 г., в которых излагаются основные положения, принятые на соборе неокружников [ОР БАН. Белокриницкое собрание. № 214, 215].

Специальную группу составили нарративы, полученные автором работы во время проведения полевых историко-археографических и этнографических экспедиций, а также в результате переписки со старообрядцами, свидетелями происходивших событий. Существенную группу источников составляют воспоминания и переписка со старообрядцами второй половины 1990-х гг. В письмах свидетели, помнящие последние годы жизнедеятельности Куренёвских монастырей, представили свои весьма ценные воспоминания, касающиеся прежде всего внутренней жизни монастырей. Полученные в ходе полевых работ документы опубликованы в четырех томах сборников документов «Источники по истории Куренёвских старообрядческих монастырей» [Источники, 2006. Т. 1; Источники, 2014. Т. 2; Источники, 2019. Т. 3; Источники, 2024. Т. 4], а также в Приложении к монографии «Куреневское тримонастырье: история русского старообрядческого центра в Украине» [Таранец, 1999. С. 103].

Как исторический источник используются Похозяйственные книги основных производственных показателей колхозников с. Куренёвка из Архива Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области за 1947–1949 гг. и др. годы. Книги свидетельствуют о жителях-старообрядцах с. Куренёвка и бывших иноках и послушниках после освобождения села от немецко-фашистских захватчиков [АВСО ЧОВО. ПКППК с. Куренёвка за 1947–1949 гг. № 1, 2, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 13].

Истребление большевистским режимом торгово-промышленного капитала России, широко представленного купцами и фабрикантами старообрядцами, привело к резкому ухудшению положения монастырей в с. Куренёвка Подольской губернии, поскольку после национализации и передачи предприятий частной собственности прекратилось поступление средств на их содержание. Однако пагубно повлиять на жизнедеятельность монастырей эти обстоятельства серьезно вряд ли могли. Куренёвские обитатели обладали достаточным количеством земли, леса и сада, чтобы на достойном уровне обеспечивать свои потребности. Еще одной статьей дохода для женских монастырей являлось рукоделие. Инокини, и большей частью послушницы, поддерживали себя благодаря выполнению заказов для приверженцев своей конфессии и окружающих их жителей изготовлением одежды и предметов повседневного быта. В дальнейшем на материальное и финансовое положение монастырей катастрофически повлияла национализация земли, полное прекращение помощи богатых благотворителей, снижение экономической мощи массы средних и мелких старообрядческих хозяйств, а также вызванный этими событиями и давлением власти отток иноков и послушников. С утверждением советской власти усилилось атеистическое воздействие на верующих, возобновились гонения на старообрядцев со стороны воинствующих атеистов, причем в сравнении с дискриминацией царского правительства преследования красных приобрели более жесткие формы и методы. Под бременем этих факторов монастырская жизнь в с. Куренёвка стала угасать [Таранец, 1999. С. 80].

Неурядицы, вызванные Первой мировой войной, затем череда революционных событий в Украине и России и начавшаяся Гражданская война не могли обойти стороной Куренёвские старообрядческие монастыри. Поддерживая тесные контакты со своими единоверцами в разных регионах страны, в отличие от местного населения, иноки сразу узнали

о произошедших в столицах революционных событиях 1917 г. Наступившее беспокойное время стало первой причиной того, что монастырские насельники потихоньку, один за другим, стали покидать стены обителей. В 1918 г. в Куренёвке и ее окрестностях организовалась банда вооруженных налетчиков из коренных куренёвских жителей, в состав которой вошло более 40 человек. Ее атаманом стал местный уроженец С.И. Пронюк. Следует отметить, что мужской монастырь имел огнестрельное оружие, и сам факт его наличия отпугивал налетчиков, а вот староженский и новоженский монастыри, равно как и Чечельницкий конный завод [ГАВО. Ф. Р.-6023. Оп. 4. Д. 16200. Л. 27], Чечельницкий кожевенный завод, Чечельницкий сахарный завод, подвергались неоднократным наездам и ограблениям. В составе банды атамана С.К. Коваленко из с. Бондуровка Ободовского района свора из с. Куренёвка осуществляла неоднократные нападения на составы поездов узкоколейной железной дороги сообщением Гайворон — Рудница Одесской железной дороги, занималась грабежом пассажиров, мирного населения, расстреливала сопровождавших эшелоны красноармейцев, сторожей предприятий, инокинь и т. д. [ГАВО. Ф. Р.-6023. Оп. 4. Д. 13442, 14976, 16199, 16200, 16201, 16203]. Известны случаи, когда бандиты нападали и поджигали староженский монастырь, а затем под видом спасателей его грабили. По сведениям О.М. Аджубей, член группировки Н. Лесык убил инокиню Мамельфу, которую после монашки обнаружили мертвой в своей келье [АМИКС Украины. Материалы экспедиции. С. Куренёвка. Аджубей О.М. 9 января 2021 г.]. Ограблению подвергся и новоженский монастырь. В 1921 г. бандитизм в Куренёвке большевикам удалось подавить. Но случилась новая беда. После закрытия в 1920 г. Покровского женского монастыря в г. Черкассы в староженский монастырь с. Куренёвка стали прибывать новые инокини и послушницы, которым негде было жить, в частности Елена Кузьминична Кудрявцева и Ефросиния Матвеевна Закревская [Источники, 2014. Т. 2. С. 325]. В самой Куренёвке преследования монастырских насельников начались несколько позже, а именно в 1923 г.

2 января 1923 г. заместитель наркома НКВД Украины С.Ф. Буздалин направил распоряжение ликвидационному отделу Подольского губернского управления, в котором высказал мысль воздержаться от закрытия трех старообрядческих монастырей в с. Куренёвка, аргументируя свое решение тем, что указанные монастыри находятся в лесу, вдали от городов и железной дороги, и, соответственно, принадлежащие им здания не могут должным образом быть использованы для государственных нужд, а напротив, их закрытие только увеличило бы число бродячего монашества [ЦГАВО Украины. Ф. Р.-5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 234]. Однако 18 июня 1923 г. Тульчинская окружная ликвидационная комиссия по отделению Церкви от государства посчитала старообрядческие монастыри в с. Куренёвка закрытыми, движимое и недвижимое имущество подвергалось национализации и передаче соответствующим государственным органам, трудоспособных монахов предполагалось распустить, а престарелых, в случае их просьбы, передать на попечение отдела социального обеспечения. Власти позаботились и о находящихся при монастырях архивах. На основании циркуляра Народного комиссариата юстиции 132/7 от 21 июня 1921 г. монастырские архивы предполагалось передать на сохранение в ЗАГС, о чем следовало сообщить в архивный отдел ВИКОПИСА при Народном комиссариате просвещения [там же. Л. 239]. 20 июля решение ликвидационной

комиссии было утверждено Тульчинским исполнительным комитетом Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов. 15 сентября 1923 г. своим постановлением Подольская губернская ликвидационная комиссия утвердила решение нижестоящего органа о закрытии трех монастырей, изъятии и передаче всех строений в ведение Народного комиссариата образования, но оставляла хозяйственное имущество в распоряжении иноков. Такое решение губернской комиссии вызвало шквал критики как со стороны куренёвских, так и со стороны других старообрядцев, выступивших в защиту своих обителей.

22 февраля 1924 г. члены Куренёвских старообрядческих общин Г. Степанов, А. Суржиков, П. Глазов, Ф. Кизин, В. Суржиков, А. Соколов подали прошение в Народный комиссариат внутренних дел РСФСР, в котором просили не закрывать старообрядческие монастыри, аргументируя свою точку зрения тем, что монастыри находятся вдали от городов и железной дороги, что они достаточно бедные и при царском правительстве терпели различные притеснения как со стороны государства, так и со стороны господствующей Церкви, в связи с чем никакой поддержкой со стороны государства не могли пользоваться, а все имущество приобреталось на собственные средства и благодаря пожертвованиям сторонних лиц, имеющих прилежание к монастырям. Просители демонстрировали благосклонность к советской власти, акцентируя внимание на том, что выплачивают полагающиеся государственные налоги, включая продналог, различные страховки, гужевой и другие сборы. Но, несмотря на весомые аргументы, Тульчинский окружной исполком, а вслед за ним и Подольский губернский исполком приняли решение о закрытии монастырей. В прошении отмечалось, что местные органы власти даже угрожали выселить стариков и старух к наступающей весне, изымали не только полевою и огородную землю, в целом вытесняют монахов из принадлежащих им жилых построек, что все это делается без их ведома и согласия, что монастырские насельники находят действия местных властей несправедливыми с юридической точки зрения, поскольку при принятии подобных решений они не учитывают мнение староверов. Ходатаи просили НКВД РСФСР утвердить существование общин при старообрядческих мужском и староженском монастырях с правом проживания в них иноков и инокинь, а также сохранением статуса пользователя полевою и огородной землей и лесом [там же. Л. 230].

В поддержку куренёвских иноков поступили заявления как со стороны находящихся рядом с монастырями старообрядческих общин, так и отдаленных аналогичных селений. Под направленными в Народный комиссариат внутренних дел УССР заявлениями подписалось около 500 человек, в т. ч. около 300 староверов — под текстом заявления из с. Шура-Копиевская Тульчинского района, около 70 человек из г. Брацлав Тульчинского округа Подольской губернии, около 100 человек от общества старообрядцев сл. Жгунская Буда Гомельского района Гомельской губернии.

В заявлении шурских старообрядцев отмечалось, что существующие в с. Куренёвка старообрядческие монастыри отличаются не только своей древностью, но и являются корнем старообрядчества для всей Украины и России. Просители напоминали, что эти монастыри, равно как и все старообрядчество, как со стороны монархии и государства, так и со стороны господствующей Церкви терпели разные гонения и насилие, что обители эти не

отличались излишним богатством, но, напротив, вели скромный образ жизни, жили бедно, самостоятельно обрабатывая полевою землю, и в основном из этих доходов кормили своих насельников. Ходатаи просили признать Куренёвские старообрядческие монастыри действительными [там же. Л. 248].

Временно исполняющий обязанности наркома внутренних дел НКВД УССР С.Ф. Буздалин, ссылаясь на просьбы старообрядцев и аргументируя свою позицию тем, что Куренёвские монастыри находятся в лесу, вдали от городов и железной дороги, и, следовательно, их здания не могут использоваться надлежащим образом, считал возможным воздержаться от их закрытия [там же. Л. 254]. 6 марта 1924 г. начальник административного отдела НКВД РСФСР Зайцев перенаправил прошение старообрядческих общин мужского и староженского монастырей в административный отдел НКВД УССР [там же. Л. 275]. В этой связи 26 марта заместитель наркома внутренних дел НКВД УССР Черлюнкевич срочно требовал от Подольского губернского административного отдела дать объяснения о причинах закрытия Куренёвских старообрядческих монастырей, идущее вразрез с принятым 12 декабря 1923 г. циркуляром НКВД за № 456, приостанавливавшим всякое закрытие монастырей [там же. Л. 225].

31 марта 1924 г. начальник Подольского губернского административного отдела Яшин писал в вышестоящий орган, что не располагает сведениями о закрытии Куренёвских монастырей. Напротив, он упоминал об отправке в г. Тульчин уже названного циркуляра, затем копии приказа НКВД о наложении запрета на закрытие монастырей, а потом и телеграммы с предложением наркома внутренних дел приостановить закрытие Куренёвских монастырей [там же. Л. 256]. Оправдывая свои действия, 25 апреля Тульчинский окружной ликвидационный комитет напоминал, что уже второй раз информировал вышестоящие органы о том, что Куренёвские монастыри фактически не закрыты, тем не менее материалы по этому делу предполагалось рассмотреть в ближайшее время [там же. Л. 255].

На самом же деле проблема закрытия монастырей стояла куда острее. Иноки отправили в Харьков и Москву своего представителя А. Ковалева, на которого возложили задачу информировать правительственные органы о действиях Чечельницкого райисполкома, пытавшегося продать монастырские строения и в этой связи требовавшего скорейшего выселения инокинь, проживающих в староженском монастыре. Об этом сообщалось также в телеграмме священноинока мужского монастыря Саввы (Суржикова), ходатайствующего об издании срочного распоряжения правительства о прекращении продажи «святыни старообрядчества всей России» [там же. Л. 227а]. Однако его телеграмма мало помогла делу, поскольку Чечельницкий райисполком действовал не самостоятельно, а на основе решения Малого Президиума Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета от 26 августа 1924 г., принявшего решение отказать старообрядческой общине при Куренёвском староженском монастыре и продолжить выселение насельников из жилых помещений [там же. Л. 214]. Аналогичная телеграмма поступила в правительственные органы от уполномоченного инокинь староженского монастыря Акима Ковалёва, в которой гонимые просили ВУЦИК не выселять их из келий до весны [там же. Л. 204]. В телеграмме А. Ковалёва на имя председателя ВУЦИК Г.И. Перовского, помимо уже упомянутой просьбы, указывались

причины отказа выселения: жительницы староженского монастыря ссылались на холод, старость и бесприютность [там же. Л. 206]. 21 января 1925 г. от самого же архимандрита Саввы Чечельницкий райотдел милиции, в присутствии понятых из Чечельника, требовал дать подписку о согласии на выселение из своего жилья насельниц староженского монастыря, подписать которую священноинок отказался [там же. Л. 214 об.]. Вместо нее 25 января он в соавторстве с другими жителями с. Куренёвка, а именно С.С. Глазковым и И.Ф. Закревским, как уполномоченные Куренёвских монастырей подали жалобу на имя председателя ВУЦИК Г.И. Петровского.

В жалобе куренёвские старообрядцы критиковали царское правительство, делавшее свой упор на официальное православие и притеснявшее старообрядчество как религиозное течение, подчеркивали, что, несмотря на явные антипатии русской монархии к староверам, последние при прежней власти все же добились своего легального существования. В бумаге жалобщики демонстрировали не только свою образованность, но и глубокую эрудицию, связанную со знанием происходящих в стране политических событий и тех принципов общественной жизни, которые провозгласила Октябрьская революция. Авторы приветствовали детище большевиков — советскую власть, провозгласившую равенство, братство, свободу совести. Особо ценили староверы такое ее положение, как отделение Церкви от государства, поскольку, в отличие от поддерживаемого правительством официального православия, ранее они никогда не претендовали на особую связь и поддержку со стороны государства. Авторы письма не без оснований отмечали, что поскольку Церковь и религия советской властью не уничтожены, а только отделены от государства, то теперь и старообрядчество имеет такие же права, как и другие религиозные объединения, на свободное исповедание своей веры. При этом утверждении ходатаи ссылались на разъяснения, печатавшиеся в советских газетах и читаемые в местной общине. Исходя из этого, они осмеливались критиковать власть на местах, которая, по их мнению, якобы не понимала политики центрального правительства и продолжала притеснять старообрядцев [там же. Л. 218].

Далее священноинок Савва (Суржиков), С.С. Глазков и И.Ф. Закревский рассказывали о самих монастырях и особенностях их вероучения, указывали на то, что в с. Куренёвка издревле действуют три вековые старообрядческие святыни, известные приверженцам древнего благочестия по всей России, при этом отмечая, что в своем религиозном учении мужской и староженский монастыри придерживались непринятия Окружного послания, тогда как новоженский монастырь, наоборот, принимал это послание. Авторы упрекали Тульчинский окружной ликвидационный комитет в том, что он, не разбираясь в сущности существующих дифференциаций между обителями, своим решением пытался соединить два разных женских монастыря в один монастырь, не учитывая их религиозных различий [там же. Л. 219].

Авторы сообщали, что на основании решения Чечельницкого райисполкома в староженском монастыре было снесено десять жилых строений и два жилых строения в мужском монастыре. Именно эти обстоятельства, равно как и последовавшее от властей повторное распоряжение о вторичной продаже монастырского имущества, побудили ходатаев подать жалобы в Москву и Харьков. 24 января 1925 г. Чечельницкий райисполком потребовал высе-

ления 58 инокинь и послушниц староженского монастыря для дальнейшей продажи оставшихся зданий. Упоминается о доставленной из Чечельника милицией бумаге, объявлявшей о массовом выселении из келий инокинь староженского монастыря и отказе дать властям в том подписку. Жалобщики напоминали, что Куренёвские монастыри не были их собственностью, но являлись достоянием старообрядцев всей России и что единолично распоряжаться имуществом моральных прав у куренёвских жителей не имелось [там же].

Савва (Суржиков), С.С. Глазков и И.Ф. Закревский считали распоряжения Чечельницкого райисполкома и Тульчинского окрисполкома незаконными, аргументируя свою точку зрения тем, что выселять людей в холодное время года, даже если это были бы и инокини, бесчеловечно, к тому же из имеющихся 58 насельниц староженского монастыря большинство дряхлые старухи возрастом от 60 до 80 лет, а одной из них и того более — 110 лет. Ходатаи отмечали, что куренёвскими общинами уплачены все налоги и поэтому, согласно распоряжениям власти, они имеют полное право на легальное существование, к тому же все монастырские строения застрахованы, а предложение властей о выселении инокинь староженского монастыря в новоженский монастырь означает полное непонимание существующих религиозных разногласий, к тому же в новоженском монастыре тривиально не хватало места. В очередной раз авторы акцентировали внимание на том, что староженский монастырь отрицал Окружное послание, тогда как новоженский монастырь, напротив, его принимал, и что в этой связи между ними существует вековая вражда, поэтому соединять эти обители в одно место никак нельзя. Авторы тут же оговаривались, что их противники окружники тоже имеют право на свое существование, поскольку обитель игуменьи Фаины (Долгополовой) тоже была зарегистрирована компетентными органами и исправно уплачивала налоги. В заключение просители добавляли, что Куренёвские старообрядческие общины не имели никаких политических интересов, а снос и продажа монастырских строений носит спекулятивный характер, поскольку продавались вполне годные, прочные, жилые и хозяйственные постройки [там же. Л. 220].

Савва (Суржиков), С.С. Глазков и И.Ф. Закревский просили Г.И. Петровского детально ознакомиться с положением дел в Куренёвских монастырях и добиться от подчиненных ему служащих прекращения попыток продажи монастырских строений и выселения из них иноков и послушников. Ходатаи уповали на большевистскую справедливость и настаивали на том, что имели все права на свое существование, к тому же общинами были уплачены все налоги и ликвидация монастырей была бы несправедлива даже с юридической точки зрения. Просили у Г.И. Петровского срочного и справедливого решения поднятой ими проблемы. Ее выполнение позволило бы дожить свой короткий век насельникам монастырей в более-менее человеческих условиях. При этом жалобщики подчеркивали, что старообрядцы своим религиозным учением всегда старались никому никогда ни в чем не мешать [там же. Л. 221].

Нельзя не сказать, что аргументированная жалоба куренёвских старообрядцев не имела воздействия на представителей высшей власти. Уже 3 февраля 1925 г. начальник административного отдела НКВД УССР Невский писал Подольскому губернскому административному отделу о полученной телеграмме от уполномоченных Куренёвских старообрядческих

монастырей, из которой властям стало понятно, что Чечельницкий райисполком все же проводит выселение иноков из их жилья и занимается ликвидацией монастырей. НКВД указывал райисполкому на категорическую необходимость строго придерживаться прежних распоряжений властей и к ликвидации монастырей никаких мер не принимать [там же. Л. 222]. 12 февраля отправлено отношение Тульчинского окружного админотдела аналогичного содержания Чечельницкому райисполкому, причем за точным исполнением этого распоряжения предписывалась личная ответственность компетентных служащих [там же. Л. 207]. О том же самом 13 февраля телеграфировал в Чечельник начальник Подольского губернского админотдела Ладога, а на следующий день он же — в Управление делами ВУЦИК [там же. Л. 215]. 14 февраля 1925 г. Управление делами Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета отправило отношение наркому внутренних дел, в котором информировало о реагировании председателя Г.И. Петровского на жалобу уполномоченных монастырей на незаконные действия Чечельницкого райисполкома и просило предоставить сведения о результатах проведенной работы [там же. Л. 217]. 21 февраля об этом же начальника милиции Чечельницкого района информировал председатель Чечельницкого райисполкома [там же. Л. 211]. 27 июля Управление делами ВУЦИК уведомило НКВД о телеграмме представителей Куренёвских старообрядческих монастырей, которые сообщали, что продажа монастырских строений и выселение из них насельников приостановлены [там же. Л. 223].

Естественно, что в сложившейся ситуации, когда Церковь не отделялась от государства, но фактически уничтожалась, добиться положительного решения вопроса уполномоченным было невозможно. Несмотря на всю критику царского правительства местными старообрядцами, оно, как и верующие этой конфессии в целом, руководствовались одинаковыми ценностями и нравственными критериями, базировавшимися на христианском восприятии мира. Совсем иное отношение к религии мы наблюдаем между верующими и большевиками, ставившими в основу своего мировоззрения атеизм, причем в его самых крайних формах. Провозглашенные во время революции принципы братства, равенства и свободы совести, к сожалению, оставались лишь на бумаге. По факту церковные институты не отделялись от государства, а повсеместно истреблялись, и было совсем уже не важно, являлось ли старообрядчество при прежнем режиме частью государственной машины или не являлось, подвергалось оно гонению царской властью или нет. Рождалась новая мораль с двойными подходами, с двойными стандартами в решении важных для человека и общества вопросов.

В 1928 г. в с. Куренёвка был закрыт Николо-Успенский новоженский монастырь. Вне всяких сомнений, это событие ускорило приближение смерти еще довольно не старой игуменьи Фаины (Долгополовой), скончавшейся 8 августа 1928 г. на 67-м году жизни. Монастырские здания и имущество послужили основой и материальной базой для создания учреждаемого колхоза [Таранец, 1999. С. 81]. В 1930 г. на территории новоженского монастыря был образован колхоз «Червоне поле». В 1933 г. с храма новоженского монастыря сняли купола, а само сооружение временно преобразовали в сельский клуб, но затем храм был разобран, из материала которого в 1935 г., равно как и из храма мужского монастыря, построен большой колхозный зерносклад. В кельях этой же обители сельские активисты

устроили колхозную контору, которая просуществовала вплоть до 1970 г. [Источники, 2019. Т. 3. С. 286], а также в них расположились кабинеты начальников местной власти, магазин, общеобразовательная школа и библиотека [АМИКС Украины. Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. С. Куренёвка. Довгань Мария Павловна. Запись 1995 г.]. На кладбище новоженского монастыря было похоронено шесть инокинь, но после того, как монастырь закрыли, могилы были вскрыты, а гробы с прахом усопших перенесли на русское мирское кладбище [Источники, 2014. Т. 2. С. 331].

Как известно, в староженском монастыре богатые инокини и послушницы строили жилище для себя на собственные деньги. С приходом советской власти монастырские кельи разрушили, а инокинь и белиц, которые в них жили, большей частью разогнали [там же. С. 323]. Староженский монастырь просуществовал до 1929 г., затем его закрыли и в некоторых кельях организовали детский так называемый «майdan», действовавший вплоть до 1937 г. Но из этого монастыря ушли не все инокини, несколько из них осталось, в частности Нинанида, Марфа, Ефросиния и Иван Закревские [АМИКС Украины. Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. С. Куренёвка. Аджубей О.М. 18 марта 2024 г.]. Из Успенской церкви сначала сделали склад, а потом открыли сельский клуб, действовавший в этом же помещении до 1965 г., фактически до постройки нового здания Дома культуры в центре села. Здание бывшей Успенской церкви власти не оставили, а разрушили в 1980-е гг., употребив полученный материал для нужд колхоза [Источники, 2019. Т. 3. С. 286].

В отличие от женских монастырей закрыть и ликвидировать мужской монастырь оказалось непросто. Старообрядческие иноки оказывали твердое и решительное сопротивление властям. Наибольшей последовательностью в отстаивании древнеправославной святыни отличались священноинок Савва (Суржиков), игумен Авраам (Суржиков), епископ Петр (Глазов), иноки Галактион (Степанов) и Анатолий (Соколов), послушник Варфоломей Суржиков, которым власти создали нетерпимые условия жизни. Большая часть из них являлись выходцами из близлежащей слободы Пилипоновки, поэтому каток преследований прокатился не только по монастырским старцам, но и по их родственникам, живущим в Пилипоновке. Органы госбезопасности обнаружили, что ликвидировать монастыри удастся тогда, когда удастся разорвать родственные связи старообрядцев, поскольку они оказывали крепкую, а порой даже отчаянную поддержку друг другу.

Отказ дать согласие на закрытие монастырей и отправленное письмо председателю ВУЦИК ГИ. Петровскому привели в ярость местные органы власти, которые буквально повсеместно начали преследовать Савву (Суржикова). Архимандрит вынужден был на некоторое время покинуть Куренёвку и уйти на баштаны к своим единоверцам под м. Голованевск Подольской губернии. Имея походную церковь и иконостас, он служил там литургии, исповедовал, крестил, совершал другие жизненно важные требы. Слухи о деятельности священноинока скоро достигли инстанций НКВД, и началась очередная погоня по поимке старообрядческого священнослужителя. Из рассказов свидетелей известно, что как-то раз, скрываясь от преследователей — внутренних органов, престарелый Савва убегал через луг, где мальчики пасли скот. Предчувствуя, что ему не удастся скрыться, а сил у деда оставалось мало (было около 80 лет от рождения), он присел возле сидящих у костра мальчиков-пастуш-

ков и буквально растворился в пространстве, причем сидевшего рядом с ними в годах человека не видели ни мальчики, ни подоспевшие преследовавшие его гонители. А на вопрос чекистов: «Не видели ли вы здесь пробегавшего с бородой старика?» — те ответили, что не видели [Таранец, 2002. С. 43]. Таким образом Савве удалось скрыться, но дальнейшая его судьба имела весьма печальные последствия.

28 января 1930 г. в Пилипоновке был арестован его сын Андриан Софронович Суржиков, которого органы НКВД обвиняли в совершении контрреволюционных преступлений, в том числе в том, что он держал тесную связь с родным отцом — монастырским священником, настоятелем Куренёвского старообрядческого монастыря, кроме того, скрывал у себя печать мужского монастыря, ранее по решению властей подлежащую изъятию, выступал против национализации церковного дома у пилипоновского священника о. Стефания Гребенщикова [ГАВО. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 6003. Л. 45, 66]. Антисоветским элементом А.С. Суржиков был признан еще и потому, что до 1925 г. исполнял обязанности старосты Покровской старообрядческой церкви с. Пилипоновки, являлся зятем крупного бершадского арендатора Максима Петрикеевича Перфилова. При обыске дома у А.С. Суржикова была найдена та самая печать. На допросе одна из свидетельниц, К.М. Перфилова, говорила: «Поддерживает связь со своим отцом — настоятелем Куренёвского монастыря. Печать, найденная у него при обыске, принадлежит именно этому монастырю. Для чего он ее хранил — трудно сказать, однако какая-то цель была, поскольку все печати, согласно предписанию админотдела, были из всех церквей и монастырей изъяты» [там же. Л. 21 об.]. Кроме того, допрашиваемая добавила: «Относительно печати, найденной у обвиняемого Суржикова, могу сказать: несколько лет назад эту печать админотдел требовал у отца обвиняемого, который служит в Куренёвском монастыре священником, но тогда этой печати не было в монастыре, как будто пропала. Оказывается, она была для какой-то цели сдана на хранение обвиняемому Суржикову — сыну священника Куренёвского монастыря» [там же]. Далее женщина выступает в защиту обвиняемого, отмечая, что никакого участия в антисоветской деятельности он не принимал, наоборот, в 1927 г. избирался членом Пилипоновского сельского совета, был членом сельского крестьянского общества, однако эти слова уже не имели для власти никакого значения. К тому же допрашиваемый А.А. Жупанов добавлял, что «отец его — священник в Куренёвском монастыре (Чечельницкого р-на), обвиняемый часто ездит в монастырь к своему отцу. О печати — ничего не знаю» [там же. Л. 22 об.]. Еще в одном обвинительном протоколе изложены результаты допроса Ф.И. Кривоносова, который тоже свидетельствовал: «Обвиняемый Суржик Андриан — сын священника Куренёвского монастыря, связь с отцом и монастырем держит постоянную и тесную. Для какой цели спрятал монастырскую печать — не знаю. Обвиняемый Суржиков — зять бывшего мелкого помещика и посессора Перфилова Максима, с коим, естественно, держит связь. Суржиков сопротивлялся советской власти во время изъятия дома у священника под школу вплоть до того, что не будет посылать в эту школу своих детей» [там же. Л. 46 об.].

Вероятно, сам А.С. Суржиков понимал важность выдвинутых против него обвинений и пытался как-то смягчить предстоящее очевидное наказание. В свое оправдание он говорил: «Печать, найденная у меня при обыске и принадлежащая когда-то Куренёвскому

старообрядческому монастырю, принесена в мою квартиру отцом моим, иеромонахом. Для чего он ее прятал — я не знаю; она находилась в сундуке моего отца, так как я даже не знал о ее нахождении в моем доме», но эти оправдательные сведения мало помогли делу [там же. Л. 58 об.]. После ареста А.С. Суржиков домой не вернулся и, быстрее всего, был расстрелян без решения суда, поскольку из дела не видно, чтобы он был расстрелян, но родственники о дальнейшей его судьбе ничего не знали. Оставшихся его четверых детей тайком разобрали родственники, поставившие их на ноги и давшие, как говорится, «путевку в жизнь» [Титарчук, 2008. Вып. 2. С. 175].

Никольский мужской монастырь фактически просуществовал до 1933 г. Малолетний очевидец этих событий С.А. Копяков в своих воспоминаниях отмечал, что с 1929 по 1933 г. он бывал еще в действующем монастыре [Источники, 2019. Т. 3. С. 299]. По его сведениям, начиная с 1932 г. под давлением власти жильцы мужского монастыря стали потихоньку расходиться, причем «уходили кто куда, а вернее, уходили те, кто имел куда уйти (к родственникам, знакомым). Многим уходить было некуда, и они в 1933 г. погибли от голода» [там же]. Среди погибших голодной смертью Сергей Антонович называл своего хорошего знакомого стряпчего Антония, у которого крысы изгрызли тело на руках и ногах. С.А. Копяков отмечал, что голод в монастыре начался не из-за того, что там закончились продукты питания, а оттого, что сельские активисты изъяли у иноков съестные припасы. Отвечая на вопрос автора о причинах упадка монастырей в Куренёвке, Сергей Антонович писал: «Серёжа! Главной причиной упадка монастырей ты считаешь голод. Нет, Серёжа, главная причина — это то, что монастыри лишились земли. Землю забрали, лес забрали, сад забрали. За счет чего жить? Вот монахи и доживали на своих запасах. Я тебе писал, что уже до 33 года монахи стали уезжать кто куда (к родственникам, знакомым). К 33 году там оставались те, кому некуда было уходить, вот голод их и доконал. Ты, Серёжа, не представляешь, что такое голод. Голодает не один человек, [а] все село, весь район, вся область, вся Украина и другие. Это страх. Люди друг друга боятся. Думаю, что часть запасов забрали у монахов люди. Я их не осуждаю. Голод заставил это делать. То, что я видел, слышал от других, запомнил, Серёжа, описал тебе, не тая, не скрывая, не преувеличивая и не унижая» [там же. С. 302].

В 1933 г. из мужского монастыря в колхоз был доставлен ранее принадлежащий обители котел для приготовления пищи монастырской братии. Как отмечали очевидцы, несмотря на всю скудность приготавливаемой в нем похлебки, в достаточном количестве даже ее не хватало для всех желающих кормиться. Кроме того, следует отметить, что питание в колхозе не было бесплатным, за него нужно было отрабатывать на колхозном поле. Как известно, запасы провианта иссякли в 1932 г., когда советское правительство приняло решение о повышении плана хлебозаготовки на 44%, что дало право на местах к массовому изъятию съестных припасов и созданию искусственного голода. Эта трагедия не могла не обойти стороной и Куренёвку, у жителей которой сельские активисты отняли большую часть запасов продовольствия, что привело к значительной гибели людей. В этой связи из района прибыл уполномоченный контролер, составлявший списки погибших от голода [Источники, 2014. Т. 2. С. 332]. По некоторым собранным сведениям, в селе тогда погибло 410 его жителей, при этом в администрации колхоза и сельсовета находились начальники, которые

до крайности готовы были усугубить и до того тяжелое положение крестьян. В частности, больше всего умерло людей как раз на Галашовке, где бригадиром 3-й пахотной бригады был Тимофей Глазков, добивавшийся от людей выполнения поставленных объемов работы, и большинство из колхозников их выполняли, но были и те, кто в силу разных причин с поставленными задачами не справлялся, в связи с чем бригадир приказывал выдавать им только полпорции приготовленной на кухне похлебки, а это приводило к обессилению организма и дальнейшей гибели людей [там же. С. 331]. В отличие от украинцев русских старообрядцев в Куренёвке умерло значительно меньше, возможно, этому способствовала закалка организма многочисленными постами, которых староверы придерживались строго согласно церковному календарю. Среди скончавшихся от голода следует назвать уже упомянутого выше инока мужского монастыря стряпчего Антония, иконописца Николая Васильевича Туманова, Петра Иосифовича Кудрявцева, Акулину Кудрявцеву, Федора Говорова и некоторых др. [там же. С. 324] Но в целом следует отметить тот положительный факт, что в колхозной столовой было организовано централизованное питание для голодающих, иначе голодных смертей могло бы быть гораздо больше.

В 1933 г. иноков мужского монастыря разогнали. В дом своего сына Антона Копякова из монастыря вернулся послушник Василий Копяков, правда, он там долго не жил и скончался в 1934 г. Следует отметить, что, несмотря на жестокие гонения и закрытие Куренёвских монастырей и в целом выдавливание властями их насельников, внутри всей страны в принципе старообрядцев в передвижении не ограничивали, в т. ч. и в решении своих насущных духовных дел.

Чтобы сокрушить монастырскую жизнь в Куренёвке, властям следовало выдавить из нее руководящие органы монастырей, с чем успешно справились. Архимандрит Савва вынужден был скрываться у своих родственников на баштанах, епископ Петр (Глазов) — уехать в Тверскую губернию, а епископ Вениамин Балтский и всего Юга — скрыться к своим единоверцам в с. Шура-Копиевская Подольской губернии. Тем не менее, несмотря на очень тяжелые последствия для Куренёвских монастырей и старообрядческого духовенства в целом, неокружнический епископат продолжал вести достаточно активную духовную жизнь, не забывая, как ни странно, и о внутриконфессиональной полемике. Даже в период явных гонений Балтская и всего Юга епархия по-прежнему держала старообрядцев-неокружников в тонусе, а сам епископ Вениамин проводил энергичную церковную деятельность, не соглашаясь с решениями своего высшего руководства.

Известно, что в 1934 г. в с. Шура-Копиевская Вениамин неоднократно был замечен в пьяном виде и так время от времени совершал литургию. Глядя на эту историю и не сочувствуя, в каких условиях приходится служить архиерею, местные жители хотели посадить его на грабарку и вывезти за село подальше, другими словами — изгнать и так гонимого советской властью епископа. Правда, такого мнения придерживались не все староверы. Во избежание позора, к тому же ссылаясь на престольный праздник, отмечавшийся в Шуре 21 сентября, прибывший из Тирасполя о. Симон с трудом упросил собравшихся не делать этого ради праздника, и нужно отдать должное — люди его послушались.

После этих событий верующие направились с жалобой к московскому первопрестольному епископу Геннадию, который потребовал письменного доклада для проверки противозаконной деятельности южного епископа Вениамина. Требуемые объяснения были отправлены, а через некоторое время к Геннадию для комментариев явился и сам Вениамин, и тоже в пьяном виде. При первой же встрече архиерей начал делать своему подопечному выговор, обличая его в пьянстве и небрежении, что вызвало сопротивление со стороны Вениамина, который тотчас же повернулся и ушел. После произошел конфликт между этими духовными лицами, причины которого, как мы уже знаем, крылись совсем в другом.

В начале 1930-х гг. епископы Петр (Глазов) и Вениамин осудили действия управляющего Московской епархией епископа Геннадия за то, что тот, будучи незрячим, рукоположил во епископа священноинока Даниила, правда впоследствии отрекшегося от своего сана [ОР БАН. Белокриницкое собрание. № 214]. В этой связи 27 февраля 1935 г. священник г. Тирасполя Симон обвинял находящегося в с. Шура-Копиевская Вениамина в незаконном отступлении от главы неокружников Геннадия, что Вениамин стал вторгаться в не принадлежащую ему Московскую епархию, которая, согласно постановлению Освященного собора от 14 июня 1917 г., принадлежала епископу Геннадию. 5 декабря 1935 г. в д. Печатники Вениамин в нетрезвом виде разрешил в священнослужении о. Алексея Носова, ранее запрещенного епископом Геннадием. В церкви д. Печатники, выступая перед молящимися, говорил: «Я вашего епископа Геннадия не признаю» [там же], не признавал он и рукоположение в епископский сан священноинока Даниила на Казанскую епархию. Вениамин стал поддерживать ржевского епископа Петра, ставшего претендовать на московский престол, несмотря на то что тот был занят епископом Геннадием. Известно, что Петр (Глазов) был поставлен епископом Ржевским и наместником Московским на соборе 1929 г. в помощь престарелому епископу Геннадию.

23 января 1935 г., без ведома Геннадия Московского, епископы Петр и Вениамин конфиденциально собрались в Орехово-Зуево на совещание для того, чтобы разорвать отношения с епископом Геннадием, и приняли по этому поводу акт, в котором призывали своих сторонников признавать Геннадия «как не имущего священного сана и благодати хиротонии» [там же], что вызвало бурю негодования среди части неокружников. Например, тираспольские священнослужители и попечители церкви отмечали, что все это делалось «ради свободного жития и самовольности», что у Петра и Вениамина не было никакого сострадания к престарелому и немощному Геннадию, потерявшему зрение и лишившемуся возможности совершать какое-либо архиерейское служение. Епископ Вениамин издал поддельный акт и разослал его по приходам. В нем он писал, что «доношение было к епископу Геннадию от трех лиц, священноиерея Симона и прочих, и что со священноиереями и с прочими совместно рассмотрели незаконные доношения» [там же]. Тираспольский священник изобличал мятежных архиереев в том, что они не пригласили на совещание епископа Геннадия, проводили его тайком без ведома Геннадия в его Московской епархии, и это несмотря на то, что бумаги доносчиков на Вениамина еще лежали у Геннадия без рассмотрения. Епископ Геннадий пытался умиротворить Церковь и с этой целью посылал два раза в Орехово-Зуево и четыре раза в Москву к епископу Петру, чтобы он явился к нему для обсуждения

вопросов о заключении мира, но Петр отказался ехать к Геннадию и в Москве объявил, «что если епископ Геннадий откажется от управления Московской епархией и письменно передаст ему свои полномочия, лишь тогда возможен с ним мир» [там же]. Таким образом, епископ Петр оставил свою Ржевскую кафедру и переехал на жительство в Московскую епархию, предполагая извергнуть из сана больного епископа Геннадия. Сторонники последнего упрекали Вениамина и Петра, что они являются виновниками раздора. 25 февраля 1935 г. старообрядцы-неокружники г. Тирасполя приняли решение выйти из подчинения епископа Вениамина, равно как и епископа Петра, причем их решение поддержали неокружнические общины с. Плоского Херсонской губернии, с. Покровки Бессарабской губернии и некоторых других населенных пунктов [там же].

Несмотря на явные нестроения внутри неокружников, на них беспощадно продолжали давить власти. В 1933 г. в с. Куренёвка на колхозный двор, который расположился на территории новоженского монастыря, было доставлено несколько десятков подвод, груженных иконами, старопечатными книгами, древними рукописями, другой церковной утварью из Никольского монастыря. По сведениям А.И. Годованого, среди них встречались и пергаменные свитки времен Киевской Руси, создание которых могло исчисляться временем не позже XIV в. Из пергаменных листов местные трактористы делали прокладки для сельскохозяйственной техники. Все остальное долгое время лежало во дворе под открытым небом. Жители Куренёвки даже не подходили к этой куче и боялись что-либо из нее взять. С.А. Копяков вспоминал, как вдоль их дома везли монастырское имущество, и люди, которые этим занимались, были не куренёвские жители. В целом семья Копяковых стала свидетелями разграбления монастыря и церкви, они являлись очевидцами уничтожения церковных ценностей, которые активисты рубили, рвали и жгли на кострах. Другое имущество использовалось на колхозной кухне как топливный материал, а, к примеру, самые большие иконы стали материалом для устройства клеток для содержания свиней, служили топливным материалом для сухофруктовых сушен [АМИКС Украины. Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. с. Куренёвка. Годованый А.И. Запись 1995 г.]. В 1935 г. разобрали и перевезли на территорию бывшего новоженского монастыря Никольский храм, а затем, как было сказано выше, использовали его материал под строительство колхозного зерносклада, который существует и в настоящее время [там же. Недзеленко М.Ф. Запись 1995 г.].

Однако кое-что из монастырских вещей староверам удалось взять, например, уставщица новоженского монастыря Верения (Берёзова) пыталась спрятать в доме К.Я. Луценко священническое облачение, но, когда местные большевистские активисты узнали об этом, они устроили глумление над священническим саном: надевали ризы и ходили по селу, таким образом высмеивая верующих [Источники, 2014. Т. 2. С. 333]. Много старопечатных книг, рукописей и периодических изданий старообрядцев было получено в ходе проведения археографических экспедиций МГУ им. Ломоносова в 1970-е гг., много вывезено как самими старообрядцами, так и теми, кто зарабатывал на церковных ценностях за пределами Куренёвки, много как ненужное закапывалось в могилы вместе со смертью их владельцев. Так случилось во время похорон Евдокии Калкатовой, когда вместе с гробом в могилу опустили мешок с богослужебными книгами.

Большевикам не удавалось сломить дух староверов силовыми методами. Продолжение арестов и расстрелов мы наблюдаем и в 1937 г. Из документов следственного дела о старообрядце с. Пилипоновке Бершадского района Захаре Васильевиче Глазове, жизнь которого была тесным образом связана с Куренёвским мужским монастырем, видно, что 12 сентября 1937 г. он был арестован органами внутренних дел. Власти обвиняли его в антисоветской деятельности, дискредитации руководителей коммунистической партии и советского правительства. Как оказалось, в 1930 г. он принимал участие в укрытии от преследований органами НКВД своего двоюродного брата, монастырского деятеля епископа Петра (Глазова), как нам уже известно, ставшего неокружническим епископом Ржевским и наместником Московским. Органы НКВД обвиняли Петра в контрреволюционной деятельности [ГАВО. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 8281. Л. 8] и намеревались выслать на Север [там же. Л. 13].

В тяжелые для сельских жителей 1930-е гг. и сам З.В. Глазов не жалел обличительных слов для властей. Старовер обвинял советскую власть в применении карточной системы, создании колхозов путем использования методов крепостного права, акцентировал внимание на причинах голода, отмечая: «Жидаы забрали в нас хлеб, а теперь морят нас из голоду» или «Весь хлеб забрали жидаы по государственной цене, почти задаром, а сейчас нам то же жидаы продают по 90 к. и 1 р. 50 к. за килограмм, которые держат у своих руках всю власть, и что хотят, то и делают» [там же. Л. 8]. Он известен также такими высказываниями: «Когда Ленин умирал, Сталину наказывал, чтоб он хлеба не давал, сала не показывал», «Набрали в партию рабочих батраков, чтобы нас грабить, ограбили, а теперь их с партии выгоняют». На дверях колхозной мастерской однажды написал: «Двадцать лет существования советской власти мы еще не изжили карточную систему и крепостного права» [там же. Л. 5].

Из биографии З.В. Глазова известно, что родился он в 1902 г. в слободе Пилипоновке, работал плотником, собственного дома не имел, а жил в хозяйстве отца, однако, несмотря на это, был определен властями как кулак-экспроприатор. Захар Васильевич был женат на Евдокии Изотовне, имел троих детей: Екатерину, Даниила и Артемия [там же]. В вину обвиняемому ставилось и то, что он являлся сыном уставщика Пилипоновской старообрядческой церкви и, несмотря на то что его отец собственной земли не имел, а только содержал две пары лошадей, одну корову, несколько свиней, арендовал сады и земли под баштаны, занимался спекуляцией, сбывая урожай в Николаеве, Одессе, Первомайске и других населенных пунктах. В 1927–1928 гг. отец был лишен избирательных прав, что стало причиной его вступления в 1930 г. в колхоз, однако в голодный 1933 г. он вышел из состава колхоза. В 1935 г. З.В. Глазов обложен крупным налогом, и он вновь вынужден был вступить в колхоз [там же. Л. 13].

Председатель пилипоновского колхоза Х.В. Надольский считал З.В. Глазова опасным человеком, который с издёвкой относится к советской власти и к которому следовало бы принять предупредительные меры. Согласно обвинительному заключению исполняющего должность начальника районного отделения НКВД младшего лейтенанта государственной безопасности Спивака и начальника гайсинской оперативно-следственной группы старшего лейтенанта государственной безопасности Лебедева, Глазова причислили к первой категории антисоветского, контрреволюционного элемента и решением тройки Управления

НКВД Украинской ССР по Винницкой области подвергли расстрелу [там же. Л. 21 об.]. В протоколе от 18 сентября 1937 г. констатировалось: «Обвиняется в том, что с целью вредительства пролез в колхоз, разлагал трудовую дисциплину, пытался всячески дискредитировать вождя коммунистической партии и членов советского правительства, распространял антисоветские анекдоты и писал на стенах лозунги контрреволюционного содержания, разжигал среди населения национальную вражду, поддерживал связь с репрессированным контрреволюционным элементом. Глазова Захария Васильевича расстрелять и имущество, ему принадлежащее, — конфисковать» [там же. Л. 25]. Тем не менее, несмотря на сопровождавшиеся угрозами действия со стороны властей, З.В. Глазов виновным себя так и не признал.

После гибели сына архимандрит мужского монастыря Савва (Суржиков) снова вернулся в Куренёвку, где власти о нем не забыли. Невзирая на его довольно преклонный возраст, а было ему около 80 лет, Савву сделали посыльным при местном сельском совете. Очевидно, не без науськивания районных властей работники сельсовета гоняли его с разными многочисленными поручениями, и все удивлялись, как он справлялся в таких летах с такой большой нагрузкой. Впоследствии Савва и сам вспоминал, что он молился Святителю Христову Николе, который в тяжелые минуты «брал его на руки и выносил на гору» (Куренёвка находится на довольно гористой местности). С большой долей вероятности Савву рукоположили в сан епископа Балтского и всего Юга после смерти Вениамина (мог быть рукоположен не ранее 1935 г.). В этом сане он пребывал до самой своей кончины в 1946 г.

Из биографии Саввы (в миру Софрона Ивановича Суржикова) известно, что родился он приблизительно в 1860 г. в с. Пилипоновке Ольгопольского уезда Подольской губернии. Его родители занимались земледелием: брали в аренду земли и сады, выращивали бахчу и подсолнечник, сушили яблоки, груши, сливы и пред Рождеством все это сбывали на рынках Николаева и Вознесенска. От первого брака отца у Софрония был брат Назар и сестра Лукерья, от второго брака — братья Аверьян и Венедикт. Софрон был женат. У него родилось четверо детей: старший сын Тимофей (умер в молодости), дочери Ксения и Матрона и младший сын Андриан. А.С. Суржиков тоже был женат, вел самостоятельное хозяйство, как уже говорилось, избирался старостой Покровской церкви с. Пилипоновки. Известно, что жена Софрона Ивановича Ирина Панфиловна очень болела, поэтому по ночам он уходил в церковь и там подолгу молился, прося у Господа прощения. Благо ключи от церкви у него при себе всегда были, поскольку он исполнял обязанности пономаря. Тем не менее Ирина умерла на 38-м году жизни. Софрон Иванович вырастил и определил своих детей и ушел в Куренёвский мужской монастырь, где принял иночество. В монастыре ему много раз предлагали стать черным священником, но он отказывался, аргументируя свою позицию тем, что на священника возлагается двойная нагрузка: он должен будет нести перед Богом ответственность не только за себя, но и за своих духовных чад. Тем не менее через некоторое время Савву рукоположили с сан священноинока, а немного позже избрали архимандритом Никольского мужского монастыря.

Епископ Савва терпел жесткие преследования со стороны местных властей, но упорно продолжал молиться и вести соответствующий христианину образ жизни, благодаря чему достиг духовного совершенства. Известно, что он неоднократно посещал неожиданно от-

крывшиеся пещеры Куренёвских монастырей, некоторое время в них находился, поклонялся мощам усопших, молился и возвращался обратно. Савва обладал даром ясновидения и исцеления больных и немощных. В 1931 г. благодаря его молитвам на три года продлил жизнь матери, чтобы ее дети не остались малыми сиротами. Мог предвидеть смерть людей, и было немало случаев, когда он спасал их от смерти. В 1938 г. в Голованевском лесу, где семья Суржиковых держала баштаны, сообщил своей дочери о близкой кончине ее девочки и о необходимости выезжать и похоронить ее на кладбище с. Пилипоновки [Источники, 2019. Т. 3. С. 308].

После закрытия мужского монастыря в с. Куренёвка некоторое время епископ Савва (Суржиков) жил в доме Семена Копякова [там же. С. 296], затем в доме Анны Солодухиной [АМИКС Украины. Материалы экспедиции. С. Куренёвка. Аджубей О.М. 18 марта 2024 г.]. Ухаживали за ним две ее дочери, Прасковья и Ирина, которые не только готовили кушать, но и отапливали дом. Присматривала за епископом и инокиня Верения (в миру Вера Дорофеевна Берёзова), которая с 1906 по 1928 г. являлась уставщицей Куренёвского новоженского монастыря. После закрытия последнего некоторое время она жила во дворе своего родного брата С.Д. Берёзова. Савва знал, когда умрет, и говорил инокине Верении: «Грей водичку, составляй тайну, быстрее давай причастие, я буду умирать» [Источники, 2019. Т. 3. С. 303].

Скончался епископ Савва в ночь с 3 на 4 декабря 1946 г. и был похоронен на мирском старообрядческом кладбище с. Куренёвка, поскольку на монастырском кладбище захоронения уже были запрещены [там же. С. 305]. Похоронили епископа без священника, поскольку окормлявший близлежащую общину с. Пилипоновки о. Стефаний Гребенщиков, ссылаясь на болезнь ног и отсутствие сил далеко идти, а очевидно, что другой возможности добраться у него тогда не было, отказался отпевать покойного, но, вероятнее всего, он просто боялся открыто совершать чин погребения. Епископ Савва пережил своего пострадавшего за веру сына, закрытие и разрушение Куренёвских старообрядческих монастырей, но до конца своих дней оставался верным своему месту и сану и древнеправославной вере в целом.

В отличие от Никольского храма кельи мужского монастыря простояли вплоть до изгнания нацистов и большей частью разобраны только в 1945 г. В некоторых из оставшихся жилых строений жили лесники Дохнянского лесничества Игнат Гнатковский и Кондрат Белоус [там же. С. 286]. В годы Великой Отечественной войны нацисты пригнали сюда еврейское население округа, которое там только перезимовало и было отправлено дальше. Последним, кто жил в монастыре до 1947 г., был куренёвский старовер Яков Сирачёв. После него в монастыре уже никто не жил. В селе же проживала его семья, в частности жена Ульяна и трое детей: Павла, Анна и Гурий [АМИКС Украины. Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. С. Куренёвка. Шепитко И.И. Запись 1996 г.]. После войны некоторые кельи мужского монастыря использовались под птичник, благодаря чему непродолжительное время сохранялись, остальные подверглись разрушению. Произвольно некоторые жители Куренёвки разобрали и фундамент храма, беря кирпич на строительство собственного жилья.

В годы Великой Отечественной войны исполнительную власть румынского оккупационного режима в с. Куренёвка олицетворял староста и несколько полицейских. Несмотря на то что румынские власти являлись оккупационными, жизнь в селе нормализовалась, население стало жить относительно спокойно. Населенный пункт будоражили разве что появлявшиеся изредка мелкие или крупные партизанские соединения и отряды, которые Куренёвка привлекала не только близостью к лесу, но и наличием в каждом старообрядческом дворе традиционных русских бань, позволяющих помыться большому количеству партизан [Таранец, 1999. С. 90]. Румыны разрешили старообрядцам совершать богослужения в сохранившемся храме Успения Пресвятой Богородицы староженского монастыря. О его открытии много ходатайствовал активист С.С. Глазков. Часто служил в восстановленном храме епископ Савва Балтский и всего Юга. Богослужения совершались вплоть до 1954 г., пока здание снова не переоборудовали под сельский клуб.

То, что Куренёвские монастыри были известны далеко за пределами Украины, хорошо прослеживается в годы Второй мировой войны, когда воевавшие на разных фронтах куренёвские жители встречались с людьми, бывавшими в этих обителях или слышавшими о них. Принимавший участие в освобождении от фашистов г. Будапешта житель с. Куренёвка Иван Луценко вспоминал, что в Венгрии ему удалось повстречаться с неким священником, который много рассказывал ему о Куренёвских монастырях и показывал иллюстрации с их изображением [Источники, 2019. Т. 3. С. 288]. Воевавший в Болгарии Иван Усатый встретил в этой стране бывших иноков мужского монастыря, которые во время гонений 30-х гг. XX в. через Балту покинули Куренёвку и ушли к своим единоверцам в Болгарию. В 1945 г. Сергей Копяков во время прохождения службы в румынском г. Тульча повстречал местных староверов, которые знали Никольский монастырь и хвалили уклад его жизни [там же. С. 297].

В конце 40-х гг. XX в. в Куренёвке продолжали жить семейства русских старообрядцев Архиповых, Берёзовых, Борисовых, Глазковых, Говоровых, Даниловых, Евстафьевых, Закревских, Золотарёвых, Зябченко, Ивановых, Калкатовых, Кирсановых, Копяковых, Кравцовых, Крепаковых, Кудрявцевых, Печниковых, Солодухиных, Шленских [АВСО ЧОВО. ПКППК с. Куренёвка за 1947–1949 гг. № 1, 2, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 13]. Несколько сотен других староверов, особенно насельников монастырей, покинуло село в конце 20-х — начале 30-х гг. Тем не менее в 1946 г. в с. Куренёвка продолжали жить более двух десятков иноков и бывших послушников всех трех монастырей, среди которых следует назвать уже много раз упоминавшегося епископа Балтского и всего Юга Савву (Суржикова), иноков и послушников мужского монастыря Фоку Перфиловича Тарасова, Якова Калистратовича Чернышова и Ивана Федоровича Закревского, уставщицу инокиню новоженского монастыря Верению (Берёзову), инокиню староженского монастыря Капитолину (Шленскую), послушниц староженского монастыря Прасковью Петровну и Феодосию Платоновну Архиповых, Марфу Саввовну, Ефросинию Матвеевну и Нинаниду Саввовну Закревских, Пелагею Ивановну Золотарёву, Марфу Митрофановну Зябченко, Степаниду Мелентьевну Никулич, Евдокию Матвеевну и Марфу Савельевну Перфиловых, Устинью Филимоновну Солодухину, Валентину Николаевну Туманову. Из них только Закревские остались жить в кельях староженского монастыря, всем другим пришлось приобрести собственное жильё или перейти на

жительство к своим родственникам или знакомым. Как упоминалось выше, епископ Савва жил во дворе Анны Солодухиной в принадлежавшем ей втором доме [АМИКС Украины. Материалы экспедиции. С. Куренёвка. Аджубей О.М. 18 марта 2024 г.]. Присматривающая за ним инокиня Верения (Берёзова) жила во дворе своего брата С.Д. Берёзова в специально обустроенной для этого лачуге, но под давлением властей вынуждена была выехать в с. Плоское Одесской области, где в 1964 г. скончалась и похоронена [Источники, 2014. Т. 2. С. 321]. Инокиня Капитолина (Шленская) приобрела собственное жильё, послушница Валентина Туманова вернулась в дом своего отца. Другие монастырские насельники рассредоточились по дворам старообрядцев-мирян.

После закрытия последнего Успенского храма богослужения совершались по домам. В основном служили у Саввы Глазкова, Анны Даниловой, Акима Чернышова, дьяка Якова Плотникова. Оставшиеся в селе инокини и послушницы в большинстве своем одни занимались рукоделием, другие работали в колхозной огородной бригаде. Те из них, кто по возрасту или состоянию здоровья уже не мог работать в колхозе, на праздники пекли пшеничные пряники, в т. ч. лошадки с красными глазками, меняли их на продукты питания у односельчан и таким образом выживали. Некоторые скромно запасались на целый год тем, что тайком ходили христославить на Рождество в Балту, Пилипоновку, Винницу, в частности, здесь следует упомянуть инокиню Капитолину (Шленскую), которая по скудности своего уровня жизни много бедствовала и страдала. Только в преклонном возрасте власти ей стали начислять мизерную пенсию в размере 7 руб. в месяц. Этих денег обычно не хватало, чтобы хоть как-нибудь прокормиться [там же. С. 324].

При каждом из монастырей существовало отдельное кладбище. Кладбище Никольского монастыря занимало площадь до одного гектара земли. Оно находилось хотя еще на территории монастыря, но уже на опушке леса. На кладбище мужского монастыря было похоронено несколько сотен иноков и послушников. На могилах богатых насельников устанавливались черные и белые известняковые, гранитные и мраморные надгробия и плиты с надписями, которые во время разорения монастыря с могил были сняты. Последние из памятников местные жители забрали во время Великой Отечественной войны для изготовления жерновов. Эти действия властей и обычных людей вызвали тихое возмущение старообрядцев, но никто открыто выступить против них не посмел [Источники, 2019. Т. 3. С. 299]. На кладбище бывшей мужской обители сохранилась единственная именная могила, в которой покоится прах инока Даниила (в миру Дорофея Васильевича Берёзова), жителя с. Куренёвка, который после смерти жены Фотинии в 1908 г. ушел в монастырь, где принял иноческий постриг и до конца своих дней жил там и молился. Скончался инок Даниил 14 мая 1911 г. [Источники, 2014. Т. 2. С. 320]. Кроме того, там же похоронены другие куренёвские, пилипоновские и балтские старообрядцы, постригавшиеся в иноки или несшие в нем послушание [Источники, 2019. Т. 3. С. 296].

Кладбище при староженском монастыре занимало до полугектара земли. На нем тоже на богатых могилах устанавливались каменные надгробия. С ликвидацией монастыря все они были снесены и употреблены местными жителями на хозяйственные нужды, а само кладбище отдано под обычный сельский огород. Полностью разрушено небольшое кладби-

ще новоженского монастыря, причем из земли были выкопаны даже кости усопших. Также пострадала могила игуменьи Фаины (Долгополовой), которая скончалась 8 августа 1928 г. и была похоронена у алтаря Николо-Успенской церкви. Могила была осквернена безбожниками во время коллективизации, как говорили очевидцы, «кости настоятельницы монастыря валялись по всему колхозу» [Источники, 2014. Т. 2. С. 321] до тех пор, пока их кто-то не собрал и не перезахоронил на мирском кладбище, как и прах из других могил. В 1970-е гг. председатель местного колхоза В.И. Пецко пытался закрыть и мирское старообрядческое кладбище с. Куренёвка, однако сделать ему это не удалось, поскольку местный активист С.С. Глазков специально ездил в Киев и добился в министерстве разрешения на продолжение его функционирования [Источники, 2014. Т. 2. С. 333].

Таким образом, материальное и финансовое положение монастырей подорвала советская национализация земельных и лесных ресурсов, полное прекращение пожертвований богатых благотворителей, снижение экономической мощи обычных старообрядческих хозяйств, отток иноков и послушников из монастырей. Уступая просьбам монастырских старейшин, высшие органы власти Украинской ССР только на некоторое время воздержались от закрытия старообрядческих монастырей в с. Куренёвка, аргументируя свою позицию тем, что указанные монастыри находились в лесу, вдали от городов и железной дороги, поэтому их строения должным образом не могли использоваться, а старообрядцы продолжали последовательно отстаивать свои святыни, особенно лидеры старообрядческих общин Г. Степанов, А. Суржиков, П. Глазов, Ф. Кизин, В. Суржиков, А. Соколов, которые 22 февраля 1924 г. подали прошение в Народный комиссариат внутренних дел РСФСР, а 25 января 1925 г. монастырские уполномоченные архимандрит Савва (Суржиков), С. Глазков и И. Закревский — жалобу на имя председателя ВУЦИК Г. Петровского. Тем не менее эти ходатайства не имели должного воздействия на представителей высшей власти, и добиться положительного решения вопроса куренёвским уполномоченным так и не удалось, поскольку пришедшие к власти большевики нарушали один из выдающихся постулатов революции, где религиозные институты не отделялись от государства, но фактически уничтожались.

В результате жестких преследований духовных лиц староверов в 1928 г. был закрыт Николо-Успенский новоженский монастырь, в 1929 г. закрыт Успенский староженский монастырь, в 1933 г. закрыт Никольский мужской монастырь, который, в отличие от женских обителей, ликвидировать властям оказалось довольно сложно, поскольку иноки оказали властям последовательное сопротивление, сочетавшееся с успешной вековой практикой укрытия старообрядческого духовенства, арестовать которое было невозможно. Власти не сразу обнаружили, что ликвидировать монастыри им удастся только тогда, когда будут разорваны крепкие родственные отношения. В этой связи 28 января 1930 г. в с. Пилипоновке Бершадского района был арестован сын священноинока Саввы А.С. Суржиков, а 12 сентября 1937 г. — двоюродный брат епископа Петра (Глазова) З.В. Глазов, которых органы НКВД обвиняли в совершении контрреволюционных преступлений и расстреляли. Последним событием закрытия мужского монастыря, поставившим точку в его истории, стал голодомор 1932–1933 г., вследствие которого в обители были изъяты все имеющиеся съестные запасы, отчего погибла часть иноков, а остальных властям удалось разогнать. В 1933 г. кафедра Балтского и

всего Юга епископа временно переместилась в с. Шура-Копиевская Тульчинского района Винницкой области. В 1935 г. уничтожены храмы мужского и новоженского монастырей, из материала которых построено колхозное зернохранилище, а в храме староженского монастыря устроен сельский клуб.

В период репрессий значительную роль в духовной жизни местных старообрядцев продолжали играть епископ Савва (Суржиков) и С.С. Глазков, благодаря стараниям которых в военное и послевоенное время в Куренёвке теплилась духовная жизнь, а часть иноков и послушников продолжала оставаться на своих местах, оказав тихое, но героическое сопротивление советской власти в борьбе за существование древних духовных центров. После окончательного закрытия храмов богослужения совершались по домам, но в целом, несмотря на предпринятые советской властью усилия, монастырская жизнь в Куренёвке была подавлена. Разорение старообрядческих обителей стало основной причиной падения духовной образованности, через ломку традиционной системы ценностей произошло снижение нравственного уровня людей, из села утекла значительная часть не только иноков и послушников, но и старообрядцев-мирян, которые уже не имели при обителях места работы, а затем выехало и другое, не старообрядческое население.

В 1998 г., во время историко-археографической и этнографической экспедиции в г. Бершадь Винницкой области, нам удалось записать духовный стих, как нам тогда сказали, о гибели Куренёвских старообрядческих монастырей, и долгое время мы считали его оригинальным сочинением. Однако в ходе нашей дальнейшей научной работы обнаружилось, что он бытовал и среди заволжских старообрядцев и был обнародован после разрушения Иргизских монастырей как плач по этим монастырям. После разрушения Иргиза прошло более века, и мы снова его услышали у староверов на расстоянии нескольких тысяч километров от прежнего места бытования, а именно в с. Пилипоновке Винницкой области, но уже как плач по Куренёвским монастырям, закрытие и ликвидация которых для старообрядцев стали большой трагедией, нанесшей значительный удар по их духовной жизни.

Боже, приидоше время до нас,
Они бо рекоша, еще прежде нас:
Пустыня была, всем прибежище,
ныне воже всем нет убежища.
Оставлен храм, кличет нас Создатель,
златом и серебром богатый храм.
Жила братия, как и мать вела,
разогнали их по своим местам.
Дождалися мы жестокой зимы,
выгнали нас безо всякой вины.
Прохожу не могу весь лес пройти,
осматриваю разны приметы.
Никто не выходит, никто не встречает,
только лес головой качает.
Где праведный суд, там его не стало,
но превратно время, время настало.
Жила обитель больше ста лет,
она й опустела и уже ей нет.
Был звон легивленный и как гром гремел,
собрал разны птицы, сладко песни пел.

Они уже ж замолкли и нет ничего,
повило-потдело, травой заросло.
Перестаньте пети великий артист,
скоро вылетайте за море от нас.
Скажите за морем, что здесь нет,
к нам не прилетайте к будущему лет.
Пускай распевает здесь одна сова,
летучие мыши, воробьев стада.
Аралат-гора, Аралат-река,
Каспийское море, последние века.
Снеговые горы покрывают их,
песчаные степи засыпают их.
А моря и реки недалече есть, во веки аминь.
Потоп страшный был начался, народ видел — испугался.
Не увидит, не увидит, не убежит, не убежит.
Горько ж плакали, плакали-рыдали, как покрыло их водами.
Быть им там, быть им там, быть им там.

Литература

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 1.

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 2.

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 3.

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 4.

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 6.

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 9.

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 10.

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 11.

Архив Вербского старостинского округа Чечельницкой общины Винницкой области. Похозяйственная книга основных производственных показателей колхозников с. Куренёвки за 1947–1949 гг. № 13.

Архив Музея истории и культуры старообрядчества Украины. Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. Годованый Адам Иванович. С. Куренёвка. Запись 1995 г.

Архив Музея истории и культуры старообрядчества Украины. Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. С. Куренёвка. Довгань Мария Павловна. Запись 1995 г.

Архив Музея истории и культуры старообрядчества Украины. Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. С. Куренёвка. Недзеленко Матвей Франкович. Запись 1995 г.

Архив Музея истории и культуры старообрядчества Украины. Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. Шепитко Иван Иванович. С. Куренёвка. Запись 1996 г.

Архив Музея истории и культуры старообрядчества Украины. Материалы экспедиции. С. Куренёвка. Аджубей Ольга Маркеловна. 9 января 2021 г.

Архив Музея истории и культуры старообрядчества Украины. Материалы экспедиции. С. Куренёвка. Аджубей Ольга Маркеловна. 18 марта 2024 г.

Государственный архив Винницкой области. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 13442. Дело по обвинению Хливного Ивана Никифоровича. 1937–1963 гг. 28 л.

Государственный архив Винницкой области. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 14976. Дело по обвинению Шереметы Наума Тимофеевича, Перепелицы Григория Климовича, Шепитко Филиппа Ильича. 1937 г. 97 л.

Государственный архив Винницкой области. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 16199. Дело по обвинению Хливного Василия Никифоровича. 1937–1974. 59 л.

Государственный архив Винницкой области. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 16200. По обвинению Караман Родиона Порфирьевича. 1938–1974 гг. 78 л.

Государственный архив Винницкой области. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 16201. По обвинению Аджубей Ивана Семеновича. 1938–1974 гг. 73 л.

Государственный архив Винницкой области. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 16203. Дело по обвинению Шепитко Семена Никифоровича. 1937–1974 гг. 51 л.

Государственный архив Винницкой области. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 6003. По обвинению Суржикова Андрея Сафроновича и др. 1930–1995 гг. 80 л.

Государственный архив Винницкой области. Ф. Р-6023. Оп. 4. Д. 8281. Уголовное дело Глазова Захария Васильевича. 1937 г. 50 л.

Источники по истории Куренёвских старообрядческих монастырей второй половины XIX — середины XX века: В 5-ти т. Сборник документов / сост. С.В. Таранец. Киев; Куренёвка: 7БЦ, 2024. Т. 4. 432 с.

Источники по истории Куренёвских старообрядческих монастырей конца XVIII — XX в.: В 5-ти т. Сборник документов / сост. С.В. Таранец. Киев; Куренёвка, 2019. Т. 3. 380 с. XXXII ил.

Источники по истории Куренёвских старообрядческих монастырей XIX — первой половины XX в.: В 5-ти т. Сборник документов / сост. С.В. Таранец. Киев, 2006. Т. 1. 360 с.

Источники по истории Куренёвских старообрядческих монастырей XIX — первой половины XX века: В 5-ти т. Сборник документов / сост. С.В. Таранец. Киев; Куренёвка, 2014. Т. 2. 388 с. XXXII ил.

Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. Белокриницкое собрание. № 214.

Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. Белокриницкое собрание. № 215.

Таранец С.В. Епископ Савва Куренёвский // Белая Криница. 2002. № 2–3. С. 43–44.

Таранец С.В. Куренёвское тримонастырье: история русского старообрядческого центра в Украине (1675–1935 гг.). Киев, 1999. 159 с.

Титатчук В. Голодомор 1932–1933 гг. в с. Пилипоновке (сведения очевидцев) // Судьба старообрядчества в XX — начале XXI в.: история и современность. Сборник научных трудов и материалов / отв. ред. и сост. С.В. Таранец. Киев, 2008. № 2. С. 163–186.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 2198. Устав епархиального управления синодальной Церкви окружных и районных объединений религиозных общин Подольской губернии и переписка с админотделом губисполкома о централизации монастырей и передаче церквей религиозным общинам. 1923–1925 гг. 158 л.

Юхименко Е.М. Старообрядчество: история и культура. М., 2016. 851 с.

References

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 1. (In Russian)

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 2. (In Russian)

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 3. (In Russian)

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 4. (In Russian)

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 6. (In Russian)

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 9. (In Russian)

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 10. (In Russian)

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 11. (In Russian)

Archive of the Verbsky starostinsky district of the Chechelnytsia community of Vinnytsia region. Household book of the main production indicators of collective farmers. Kurenevka for 1947–1949, no. 13. (In Russian)

Archive of the Museum of History and Culture of the Old Believers of Ukraine. Memoirs of Old Believers and about Old Believers. Hodovany Adam Ivanovich. v. Kurenevka. Recorded 1995. (In Russian)

Archive of the Museum of History and Culture of the Old Believers of Ukraine. Memoirs of Old Believers and about Old Believers. Doygan Maria Pavlovna. v. Kurenevka. Recorded 1995. (In Russian)

Archive of the Museum of History and Culture of the Old Believers of Ukraine. Memoirs of Old Believers and about Old Believers. Nedzelenko Matvey Frankovich. v. Kurenevka. Recorded 1995. (In Russian)

Archive of the Museum of History and Culture of the Old Believers of Ukraine. Memoirs of Old Believers and about Old Believers. Shepitko Ivan Ivanovich. v. Kurenevka. Recorded 1996. (In Russian)

Archive of the Museum of History and Culture of the Old Believers of Ukraine. Expedition materials. v. Kurenevka. Adzhubey Olga Markelovna. January 9, 2021. (In Russian)

Archive of the Museum of History and Culture of the Old Believers of Ukraine. Expedition materials. v. Kurenevka. Adzhubey Olga Markelovna. March 18, 2024. (In Russian)

Central State Archive of the Supreme Bodies of Government and Administration of Ukraine. Fund R.-5. Inventory 1, pp. 2198. (In Russian)

Department of Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences. Belokrinitsky meeting, no. 214. (In Russian)

Department of Manuscripts of the Library of the Russian Academy of Sciences. Belokrinitsky meeting, no. 215. (In Russian)

Sources on the history of Kurenevsky Old Believer monasteries of the 19th — first half of the 20th centuries: In 5 volumes. Collection of documents. Comp. S.V. Taranets. Kyiv, 2006, vol. 1, 360 p. (In Russian)

Sources on the history of the Kurenevsky Old Believer monasteries of the 19th — first half of the 20th century: In 5 volumes. Collection of documents. Comp. S.V. Taranets. Kyiv; Kurenevka, 2014, vol. 2, 388 p. (In Russian)

Sources on the history of the Kurenevsky Old Believer monasteries of the late 18th — 20th centuries: In 5 volumes. Collection of documents. Comp. S.V. Taranets. Kyiv; Kurenevka, 2019, vol. 3, 380 p. (In Russian)

Sources on the history of the Kurenevsky Old Believer monasteries of the second half of the 19th — mid 20th centuries: In 5 volumes. Collection of documents. Comp. S.V. Taranets. Kyiv; Kurenevka, 7BC, 2024, vol. 4, 432 p. (In Russian)

State Archives of Vinnytsia Region. Fund R-6023. Inventory 4. File 6003. On charges of Surzhikov Andrey Safronovich and others. 1930–1995, 80 p. (In Russian)

State Archives of Vinnytsia Region. Fund R-6023. Inventory 4. File 8281. Criminal case of Glazov Zakhariy Vasilyevich. 1937, 50 p. (In Russian)

State Archives of Vinnytsia Region. Fund R-6023. Inventory 4. File 13442. Case on charges of Khlivny Ivan Nikiforovich. 1937–1963, 28 p. (In Russian)

State Archives of Vinnytsia Region. Fund R-6023. Inventory 4. File 14976. The case against Sheremeta Naum Timofeevich, Perepelitsa Grigory Klimovich, Shepitko Filipp Ilyich. 1937, 97 p. (In Russian)

State Archives of Vinnytsia Oblast. Fund R-6023. Inventory 4. File 16199. The case against Khlivny Vasily Nikiforovich. 1937–1974, 59 p. (In Russian)

State Archives of Vinnytsia Oblast. Fund R-6023. Inventory 4. File 16200. The case against Karaman Rodion Porfiryevich. 1938–1974, 78 p. (In Russian)

State Archives of Vinnytsia Oblast. Fund R-6023. Inventory 4. File 16201. The case against Adzhubei Ivan Semenovich. 1938–1974, 73 p. (In Russian)

State Archives of Vinnytsia Oblast. Fund R-6023. Inventory 4. File 16203. Case against Semyon Nikiforovich Shepitko. 1937–1974, 51 p. (In Russian)

Central State Archives of the Supreme Authorities and Administration of Ukraine (TsGAVO). Fund R-5. Inventory 1. File 2198. Charter of the diocesan administration of the synodal Church of district and regional associations of religious communities of the Podolsk province and correspondence with the administrative department of the provincial executive committee on the centralization of monasteries and the transfer of churches to religious communities. 1923–1925, 158 p. (In Russian)

Taranets S.V. Bishop Savva Kurenevsky. Belaya Krinitza, 2002, no. 2–3, pp. 43–44. (In Russian)

Taranets S.V. Kurenevskoye Trimonastery: history of the Russian Old Believer center in Ukraine (1675–1935). Kyiv, 1999, 159 p. (In Russian)

Titatchuk V. Holodomor 1932–1933. in the village Piliponovka (eyewitness accounts). The fate of the Old Believers in the 20th — early 21st centuries: history and modernity. Collection of scientific works and materials. Kyiv, 2008, vol. 2, pp. 163–186. (In Russian)

Yukhimenko E.M. Old Believers: history and culture. Moscow, 2016, 851 p. (In Russian)

главный специалист отдела публикации исторических документов, Российский государственный архив литературы и искусства

Россия, Москва, ул. Выборгская, д. 3, корп. 2

E-mail: joli-maslova@yandex.ru

Письма Дмитрия и Николая Большаковых к В.Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ)

В статье приведены краткие биографии основателей книготорговой фирмы Большаковых — Тихона Федоровича и Сергея Тихоновича. Материалы переписки из фондов архива показывают взаимоотношения В.Г. Дружинина с продолжателями семейного дела, антикварами и букинистами Дмитрием Сергеевичем и Николаем Сергеевичем Большаковыми. С первым историка связывали неформальные отношения, позволяющие стать для него учителем и наставником, в том числе в деле книжной торговли. Переписка со вторым строилась исключительно на коммерческих отношениях. На основе архивных документов автор рассматривает принцип формирования коллекции икон и книг историка и археографа Василия Григорьевича Дружинина. В частности, показан механизм подбора всех томов «Материалов для истории раскола за первое время его существования», вышедших под редакцией профессора Московской духовной академии Н.И. Субботина. При сопоставлении сведений из корреспонденции, хранящейся в архиве, со списком арестованных по делу Братства имени протопopa Аввакума автором выявлена точная дата рождения Д.С. Большакова и факт его ареста в 1932 г. В одном из его писем проводится анализ сочинения Л.Н. Толстого «Исповедь», обнаруживающий духовные поиски и искреннее желание Д.С. Большакова быть настоящим христианином.

Ключевые слова: христианство, старообрядчество, Братство имени протопopa Аввакума, переписка, книготорговля, антиквариат, библиофил, коллекция, В.Г. Дружинин, династия Большаковых, Д.С. Большаков, Н.С. Большаков, Л.Н. Толстой, Н.И. Субботин.

...

Для цитирования: Маслова Ю.В. Письма Дмитрия и Николая Большаковых к В.Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ) // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 1. С. 51–70. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0030

Main Expert of the Department for Publication of Historical Documents, Russian State Archive of Literature and Art

Russia, 125212, Moscow, Vyborgskaya str., 3, building 2

E-mail: joli-maslova@yandex.ru

Letters from Dmitry and Nikolai Bolshakov to V.G. Druzhinin (based on the Russian State Archive of Literature and Art)

The article contains brief biographies of the founders of the Bolshakov bookselling company — Tikhon Fedorovich and Sergey Tikhonovich. Correspondence materials from the archive show the relationship of V.G. Druzhinina with the successors of the family business, antiquarians and second-hand booksellers Dmitry Sergeevich and Nikolai Sergeevich Bolshakov. The historian had an informal relationship with the former, which allowed him to become a teacher and mentor, including in the book trade. The correspondence with the second was based solely on commercial relations. Based on archival documents, the author examines the principle of forming a collection of icons and books by historian and archaeographer Vasily Grigoryevich Druzhinin. In particular, the mechanism of selection of all volumes of “Materials for the history of the schism for the first time of its existence”, edited by Professor of the Moscow Theological Academy N.I. Subbotin, is shown. Comparing the information from the correspondence stored in the archive with the list of those arrested in the case of the Brotherhood named after Protopop Avvakum, the author revealed the exact date of birth of D.S. Bolshakov and the fact of his arrest in 1932. One of his letters analyzes L.N. Tolstoy’s essay “Confession”, revealing D.S. Bolshakov’s spiritual quest and sincere desire to be a true Christian.

Keywords: Christianity, Old Believers, Brotherhood named after Archpriest Avvakum, correspondence, bookselling, antiques, bibliophile, collection, V.G. Druzhinin, Bolshakov dynasty, D.S. Bolshakov, N.S. Bolshakov, L.N. Tolstoy, N.I. Subbotin.

...

For citation: Maslova Ju.V. Letters from Dmitry and Nikolai Bolshakov to V.G. Druzhinin (based on the Russian State Archive of Literature and Art). *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 1, pp. 51–70. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0030

Династия купцов-старообрядцев Большаковых является классическим примером семейного дела в области книжной торговли. Основатель семьи Тихон Федорович Большаков (1794–1863) был крупным антикваром, коллекционером, уникальным знатоком старопечатной и рукописной книги. Приехав в Москву из Боровска двенадцатилетним мальчиком, он сначала торговал кожами, потом увлекся собиранием и торговлей старыми книгами, став не просто книготорговцем, но настоящим книговедом, чьи познания были признаны научным сообществом. Русский и советский антиквар-букинист и библиофил П.П. Шибанов так характеризовал основателя династии: «Благодаря начитанности, хотя и без малейшего образования, и любви к старине, Тихон Федорович скоро привлек к себе внимание всех жаждавших просвещения. В его лавке можно было встретить, наряду с сапожником и крестьянином, пришедшими за подошвами и голенищами, и юношу-студента, и ученого, и коллекционера. Первым он отпустит нужный им материал, со вторыми сразу заговорит о русской науке, преимущественно о старине, об отдаленной истории и ее памятниках, об этих древних рукописях и книгах, обильно украшавших полки его лавки. Калайдович, Ундольский, Снегирев, Изм. Ив. Срезневский, Строев, Уваров и многие другие были его постоянными посетителями» [Шибанов, 1925. С. 203–204].

С 1848 г. Т.Ф. Большаков — член-соревнователь Московского общества истории и древностей российских, с 1853 г. — член-корреспондент Императорской публичной библиотеки. Более сорока лет он собирал старопечатные книги, рукописи, агиографические сочинения, иконы, церковную утварь и лицевое шитье. Т.Ф. Большаков не только позволял исследователям пользоваться своей коллекцией, но и сам занимался научными исследованиями. В последние три года жизни он составил свод творений Максима Грека, собрав 216 сочинений греческого монаха, писателя и переводчика.

Сергей Тихонович Большаков (1842–1906) с раннего возраста служил в лавке отца, участвовал в поездках «за стариной», набираясь опыта в книготорговом деле. Унаследовав семейное дело после смерти Тихона Федоровича, стал официальным комиссионером Румянцевского музея, Публичной библиотеки в Петербурге, Московского университета, Общества истории и древностей российских. Сергей Тихонович практиковал не только пересылку товара по почте, но и рекламу книготорговой и антикварной фирмы, рассылая визитные и почтовые карточки с адресом лавки для заказа, что сделало фирму Большаковых известной и в России, и за рубежом.

Благодаря первым двум представителям семейства Большаковых сформировались самые знаменитые собрания: Е.В. Барсова, Ф.И. Буслаева, В.Г. Дружинина, М.П. Погодина, Д.А. Ровинского, А.С. Уварова, В.М. Ундольского, И.Н. Царского и др. Когда в мае 1906 г. Сергея Тихоновича не стало, семейное дело перешло к его сыновьям Дмитрию и Николаю, ставшим владельцами «Книжной и киотной торговли наследников С.Т. Большакова». О книготорговой деятельности братьев Большаковых можно судить по переписке с историком В.Г. Дружининым, хранящейся в фонде Дружининых в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Василий Григорьевич Дружинин (1859–1936) — ученый, археограф, палеограф, действительный статский советник. После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета защитил и опубликовал диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII в.» (1889). В том же году В.Г. Дружинин поступил на службу в Русское археологическое общество, а с 1896 г. работал в Археографической комиссии Академии наук. Он являлся членом Императорского Русского географического общества, Императорского Русского технического общества, Комитета попечительства о русской иконописи, был членом ревизионной комиссии Общества любителей древней письменности, Российского военно-исторического общества, Тверской ученой архивной комиссии, Совета Киевской духовной академии, Уральского общества любителей естествознания. Последнее из упомянутых научных обществ связано с его коммерческой деятельностью: В.Г. Дружинин был председателем правления Кыштымских горных заводов, уполномоченным и членом совета Съездов уральских горнопромышленников (1905–1906). Коллекционирование старообрядческих рукописей, книг, медного литья и икон, целенаправленное изучение старообрядчества сделало Василия Григорьевича одним из первых крупных специалистов по старообрядческой истории и культуре.

В фонде Дружининых находится переписка с Дмитрием Сергеевичем Большаковым, адресовавшим Василию Григорьевичу десять писем (1903–1910 гг.). Благодаря им мы смогли уточнить дату рождения Дмитрия — 8 февраля 1882 г. Унаследовав дело отца, он стал руководить петербургской книжной лавкой, отдав брату Николаю московскую торговлю. В советские годы Дмитрий Сергеевич, родившийся в Москве, жил в Ленинграде, недалеко от железнодорожной станции Шувалово, по ул. Варваринской, д. 37. Нам удалось обнаружить имя Д.С. Большакова в «Санкт-Петербургском мартирологе», согласно которому он работал бухгалтером в «Ленпищеторге». 21 апреля 1932 г. Дмитрий Сергеевич был арестован по делу Братства имени протопopa Аввакума [Санкт-Петербургский мартиролог, 2002. С. 294].

Братство имени протопopa Аввакума было создано в Петрограде в марте 1922 г., однако официально зарегистрировано только в октябре 1923 г. Целью братства было прославление епископа Павла Коломенского, протопopa Аввакума, диакона Федора, боярыни Морозовой и других старообрядческих мучеников, пострадавших за древнее благочестие. В начале января 1930 г. братство подало государственным властям заявление о самороспуске. Первые аресты членов братства начались в ночь с 13 на 14 апреля 1932 г., после Марьина стояния. Тогда было арестовано все белокриницкое духовенство и около 160 человек, состоявших в братстве [Лопатин, 2020. С. 78]. Д.С. Большаков был осужден 28 ноября 1932 г. по статье 58 УК РСФСР, пункты 10–11 (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти; организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений). Приговор гласил: лишить права проживания в 12 пунктах и Уральской обл. на три года с прикреплением к определенному месту жительства [Санкт-Петербургский мартиролог, 2002. С. 294]. Реабилитирован 31 августа 1989 г.

Читая ранние письма Д.С. Большакова, которому только исполнился 21 год, можно почувствовать, что их с В.Г. Дружининым связывали довольно теплые отношения. Василий Григорьевич выступал в роли наставника и учителя молодого человека, чьим мнением юноша очень дорожил. Именно поэтому, обращаясь к нему, Дмитрий писал с большой буквы «Государь» и «Многоуважаемый».

В первом письме Дмитрий рассуждает о фундаментальных вопросах бытия — о счастье, истине, учении Христа, о звании «христианин»:

**«Москва 8-го января 1903
Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Очень Вам благодарен за поздравление и добрые пожелания. Поздравляю и Вас с Новым годом и желаю Вам как можно больше счастья и радости в нем.

Из Вашего письма я вижу, что Вы действительно поняли меня; я именно и говорил про то, что я получил некоторое успокоение, придя к убеждению, что, только следуя заповедям Христа, человек может найти и счастье, и цель своей жизни. Из Ваших слов я ясно увидел, что учение Христа не есть идея достижения только жизни вечной в блаженном состоянии в загробной жизни, но достижения именно такого состояния (хотя "блаженное" в житейском смысле звучит странно как-то) в жизни на земле, т. е. такой жизни, живя которой человек чувствовал бы целесообразность ее и приближался бы к истине. Но жить и приближаться к истине, значит, жить и трудиться, работать, любя других как братьев. Любить всех без исключения, и злых, и хороших, и развратных, и нравственных, глупых и умных — как трудно это! Возможно ли? Часто спрашиваю я себя, хватит ли у меня¹ сердца для такой любви, хватит ли силы на такую работу? Что если не сумеешь найти в каком-нибудь человеке те хорошие стороны, которые скрыты в нем и, не увидя их, не полюбишь его? Обидят тебя глубоко, оскорбят твои лучшие чувства и не [с]умеешь оправдать того человека в твоих глазах. И так еще раз, и еще. Вот ведь чего я сильно боюсь, прежде чем назвать себя христианином, великим именем! Тогда я буду только лицемер, жалкий паяц и кривляка.

И вот я думаю назвать себя христианином только тогда, когда я почувствую, что во мне достаточно сил для христианской жизни, в тот момент я осмелюсь называться так. А теперь я хочу только подготовиться к этому и ничто так сильно не желаю, как энергии и любви» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 1–2 об.].

Далее Большаков высказывает свое мнение о книге Л.Н. Толстого «Исповедь», которую ему рекомендовал почитать В.Г. Дружинин. Сам факт такой рекомендации не случаен. Дядя Василия Григорьевича Александр Васильевич Дружинин (1824–1864) — русский писатель, критик и переводчик, был близко знаком и дружен с Л.Н. Толстым. Корней Чуковский, описывая эволюцию их взаимоотношений, признается: «Записки и дневники Дружинина до сих пор неизвестны в печати. Я познакомился с ними благодаря любезности его племянника, археографа В.Г. Дружинина. Он же предоставил мне письма Л.Н. Толстого, напечатанные в настоящей статье. Ныне они вошли в Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого» [Чуковский, 2012. С.46]. Для старообрядцев имя Л.Н. Толстого связано и с освобождением старообрядческих епископов Аркадия Славского, Алимпия Тульчинского и Конона Новозыбковского, содержавшихся свыше 20 лет в тюрьме Спасо-Ефимиевого монастыря. Писатель

1 Далее зачеркнуто: «любв[и]».

принял деятельное участие в их судьбе, рассказав о заточенных епископах другу и последователю, тульскому губернатору Л.Д. Урусову. Тот, в свою очередь, рассказал о «сидельцах» министру внутренних дел Н.П. Игнатьеву. По докладу министра Александр III распорядился освободить старообрядческих епископов, что и произошло 8 сентября 1881 г.

Дмитрий Сергеевич Большаков, познакомившись с «Исповедью», полемизирует с Толстым, показывая самостоятельность и смелость суждений. Он подвергает сомнению следующие слова писателя: «Сколько раз я завидовал мужикам за их безграмотность и неученость. Из тех положений веры, из которых для меня выходили явные бессмыслицы, для них не выходило ничего ложного; они могли принимать их и могли верить в истину, в ту истину, в которую и я верил. Только для меня, несчастного, ясно было, что истина тончайшими нитями переплетена с ложью и что я не могу принять ее в таком виде» [Толстой, 1991. С. 103–104]. Дмитрий вместо «зависти мужикам» Толстого выбирает иной путь — «я завидую только умным и сильным»:

«Прочел Вашу книжку и, признаться, не все понравилось мне в ней. Например, автор ее, кажется, пришел к такому убеждению, что настоящей веры и силы жизни нет совсем в интеллигенции, а есть она только в простом народе. Берет он этот народ как нечто целое, стадное, без разнообразия индивидуумов, и притом должно быть только русский простой народ, самый темный из [всех] простых народов Европы, который сам еще только "оглашен" чистым христианским учением (а не культом), сам нуждается в христианско-духовном просвещении прежде, чем быть учителем и проповедником христианства, за исключением его малой части. Затем, [зачеркнуто] автор может быть и может "завидовать мужикам за их безграмотность и неученость" но я, каюсь, не могу этого делать — я завидую только умным и сильным; не могу и опрощаться, как проповедует а[в]тор в своей книжке, п[отому] ч[то] мое стремление развиваться и самосовершенствоваться. К тому если бы я и стремился к этому, то, при всем своем громадном желании сделать это, не мог бы, мне кажется, опроститься настолько, чтобы вполне походить на него и жить также, забывая все остальные требования любознательного разума, ищущего пищи в науке, в знании. Знание же и наука — противники веры и религии прост[ого] народа, говорит он. Наоборот, говорит он, ищите другого знания, знания веры.

"Знание веры вытекает, как все человечество с его разумом, из таинственного начала. Это начало есть Бог, начало и тела человеческого и его разума"². Я не понимаю ясно этих слов. Я не могу понять, как у не имеющего конца мироздания и его вечной жизни, было когда-то начало, и это начало было Бог. Не было бы начала, не было бы и Бога, по его мнению? Как это начало всему и Бог — одно и то же? Еще страннее, что это начало, т.е. Бог, был началом и тела человеческого и разума его. Пожалуй, отсюда можно заключить, что один лишь человек, благодаря такому его великому началу, есть маленькая-маленькая модель Бога, Бог в миниатюре?

Я не думаю смеяться над этим убеждением человека, но говорю, что оно не понятно мне и не так кажется очевидно истинным, как автору. Вот что он строит на этом: "Как преемственно от Бога дошло до меня тело, как дошли до меня мой разум, мое постигновение жизни и потому все те ступени развития этого постигновения жизни не могут быть ложны" (ст. 78)³ [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 2 об. — 4].

² Цитата из «Исповеди» Л.Н. Толстого.

³ Слово «Знание», словосочетание «все человечество», «начало весму и Бог» — подчеркнуто в письме автором.

От «Исповеди» Д.С. Большаков переходит к философским вопросам христианства, восторгаясь призывом апостола Павла, своими словами передавая текст Послания к Галатам, который в синодальном переводе звучит так: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя» (Гал. 5: 13–14). Далее Большаков сравнивает толстовскую «Исповедь» с сочинением «Сеть веры» «какого-то чешского старинного проповедника». Автором обличительного труда «Сеть веры», содержащего критику государства и господствующей церкви, является чешский проповедник XV века Петр Хельчицкий. Дмитрий Сергеевич ошибочно полагает, что он умер через сожжение, путая с кончиной другого чешского проповедника — Яна Гуса:

«Ну как же тут не вспомнить Ваших слов, что философия (по-моему, даже и христианская) никогда не добьется верного и истинного решения вопросов жизни, начала и конца, происхождения человека. А философия в христианском учении только затемняет, по-моему, смысл и самую суть этого свободного учения о великой любви.

О его свободе от закона я с восхищением читал послания ап[остола] Павла к "безрассудным" Галатам. "Вы, братия, призваны на свободу; да не будет только свобода угождением плоти; служите друг другу любовью. Ибо весь закон исполняется в едином слове сем: возлюби своего ближнего, как самого себя". Мне думается, что словом "безрассудные" Павел упрекает Галатов в недостатке здоровой рассудочности и правильного взгляда на суть дела и еще именно за излишние рассуждения о второстепенных предметах и словопрения о них.

Но да не уподоблюся и я, грешный раб Божий и Вам, безрассудным Галатам, и да не буду более утруждать Ваше зрение и внимание, и оставлю придирки, а лучше принесу Вам сердечное спасибо и за книгу, и за письмо.

Еще два словечка. Помните, автор говорит в заключение, что он видел сон, как он лежит в сети и как потом чуть не соскользнул в бездну, но остался лежать спиной на одной помочи и, смотря в небо, тем самым сохранил равновесие.

Эта сеть опять напоминает мне "Сеть веры" какого-то чешского старинного проповедника, сожженного католиками за это сочинение, которое в наше время чуть ли не было само сожжено "кафоликами". И вот некоторые люди добрые с длинными языками говорили, что "г[осподи]н автор проповедует не свое, а излагает учение этого проповедника, заимствуя его из «Сети веры», том № 53 "Изящной словесности" (?), изд[ание] Академии Наук СПб. год (?) которую мне очень хотелось бы достать» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 4–5].

В конце письма Д.С. Большаков спрашивает мнение В.Г. Дружинина о журнале «Новый путь». Журнал, существовавший с 1903 по 1904 г., возник как естественное продолжение идей религиозно-философских собраний петербургского общества. Это был собственный печатный орган символистов, в частности Д. Мережковского и З. Гиппиус. Главным редактором журнала был П.П. Перцов, но фактически редактированием занималась Гиппиус. В «Новом пути» печатались К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок, Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Иванов, Ф. Сологуб и другие. Д.С. Большаков как читатель выказывает неподдельный интерес к вопросам религиозно-философского плана, давая ироничную оценку изданию — «милый журнальчик»:

«Какое Ваше мнение о журнале "Новый путь"? По критике "Нов[ого] вр[емени]" кое-что в нем кажется странным. Вот что там пишет Н.М. Минский: "Я лично считаю свободу религиозной совести величайшим благом жизни и соответственное изложение законодательства — неотложной реформой, от которой больше, чем от других, зависит наше будущее... Но ведь сектант опасен не только для себя. Он, по убеждению верующего, очаг духовной лжи. И если ему предоставить свободу действия, он заразит своей ложью "беспомощных" и "ни в чем неповинных" сынов истинной церкви. В этом смысле правы те, кто приравнивает свободную пропаганду сектантства к свободной продаже опиума; с равным правом можно приравнять ее к свободному распространению заразных болезней". Недурно, прямо в "свободном" духе нашего времени, хотя и отзывается, правда, немного николаевским временем или XVII-м столетием.

Там же "наш известный критик" Д.С. Мережковский доказывает, что Хлестаков и Чичиков никто иное как черти, самые обыкновенные черти! Милый журналчик! Не посоветуете ли подписаться на него? Говорю серьезно, п[отому] ч[то], может быть, там и дельные статьи будут, как, напр[имер], Розанова.

Извините, что долго не отвечал, хотел ответить вчера, да заболел, весь день провалялся. Сегодня немного голова болела, а как сел Вам писать, моментально прошла.

Извините, что заболтался так, и, пожалуй, надоед! До свиданья, может быть, на масленице увижусь с Вами и отведу душу. Но как бы не обмануть Вас — очень здесь много дел отцу, и один не поеду, п[отому] ч[то] не много пользы было бы от этого.

С совершеннейшим почтением,

искренно уважающий Вас

Д. Большаков.

Как мне хочется поговорить с Вами: два словечка растянулись на два листочка!» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 5 об. — 6].

Второе письмо Д.С. Большакова, сохранившееся в фонде В.Г. Дружинина, написано спустя месяц. Небольшое по объему, оно говорит о серьезной внутренней работе, которую вел юноша: Дмитрий читает Евангелие, размышляет о словах Василия Григорьевича, пытается «окрепнуть духом»:

«Москва 7-го февраля 1903

Милостивый Государь

Многоуважаемый

Василий Григорьевич!

Не знаю, как выразить Вам свою радость и глубокую благодарность за Ваш бесценный для меня подарок. Но как он мне ни дорог, мне еще дороже и приятнее Ваша память обо мне. Жалею, что я-то не могу сейчас ничем отплатить Вам, но Бог приведет, в будущем может быть и придется.

Про свое времяпрепровождение скажу Вам то, что я сейчас читаю Евангелие, которое получило для меня теперь глубокий и важный интерес; Ваши слова стоят всегда передо мной, как только что сказанные, и я работаю, сколько могу, чувствую себя от этого лучше, но старые раны и разочарования только как бы затянулись, а не зажили совсем; так сложились обстоятельства.

Вот кончу в этом году, приеду к Вам в Петербург жить на зиму, будем говорить с Вами, и я окрепну духом. Желаю Вам всего лучшего; всей душой преданный и уважающий Вас Д. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 7–8].

Из третьего письма Д.С. Большакова мы узнаем его точную дату рождения, семейный уклад, характер автора. Он также описывает свой круг общения, давая характеристики друзьям, превознося достоинства каждого, что показывает благородство души и умение ценить дружбу. Самооценка «я из них самый легкомысленный» может свидетельствовать, безусловно, о скромности автора. Из письма мы узнаем, что большинство друзей, как и сам Дмитрий, учатся в Московском Александровском коммерческом училище — среднем специальном учебном заведении для приготовления к торговой деятельности юношей из купеческих, мещанских, ремесленных и крестьянских семей. В письме упоминаются «худяковские» лекции по биологии, которые посещает один из товарищей. Речь идет, вероятно, о Николае Николаевиче Худякове (1866–1927) — микробиологе и физиологе растений, докторе философии и магистре ботаники. С 1912 г. Н.Н. Худяков был профессором кафедры ботаники Московского коммерческого института, читал лекции в коммерческом училище, Народном университете им. А.Л. Шанявского, популярные лекции в Политехническом музее. Дмитрий Сергеевич мечтает поступить в учебное заведение в Петербурге, где живет «любимый и любящий человек» В.Г. Дружинин:

«Москва, 16-го февраля 1903

Милостивый Государь

Многоуважаемый

Василий Григорьевич

Поздравляю Вас с наступающим Великим постом, наступление которого так заметно у нас в Москве, и который еще накладывает на 7 недель какой-то особый отпечаток на московскую жизнь.

Не знаю, но по крайней мере у нас в семье готовятся к нему и будут проводить его по стародавним обычаям, в молитве и посте. Папа даже 2 раза говеет: на первой и последней неделе, хотя, мне кажется, он не великий грешник, а, напротив, редкий по доброте и простоте человек.

Сегодня он вернулся из Петербурга и привез мне дорогой Ваш подарок, ожидаемый со дня на день с большим нетерпением. Еще раз Вам за него глубокое, сердечное спасибо.

Сегодня ко мне придут товарищи, которые тоже горят таким же нетерпением поскорее увидеть эту редкую книжицу, о которой мы так много слышали, и вот мы почитаем ее вместе сегодня вечером. Я ее считаю Вашим подарком мне в мое совершеннолетие, которое исполнилось мне 8-го с[его] м[есяца]. Все полученные подарки в этот день от немногих, но искренно любящих меня лиц, будут всю мою жизнь лучшим воспоминанием, дорогим символом и драгоценной для меня вещью.

Папаша мне говорил, что Вы вспоминали меня и так отнеслись ко мне, что мне даже заглазно стыдно стало. Ну как Вам не грех так расхваливать меня? Ну-ка я вдруг после Ваших слов да возгоржусь нехорошей гордостью, буду много думать о себе? Тогда ведь Вам большой грех будет! Тогда и товарищи мои, которых я так люблю, откажутся от меня! Да как и не любить таких? Милые, простые люди, умницы, славные, чистые и высоконравственные. Не блещут они в обществе остроумием, внешностью (один даже и не бывает в таком, т. е. многолюдном и блестящем обществе), но зато втихомолку потихоньку развиваются, читают, мыслят. Те часы, которые мы проводим за книгой или за разговором с весело шипящим и гудящим самоварчиком, в комнатке со скромной обстановкой, для нас бывают самыми приятными и счастливыми.

Я из них самый легкомысленный — может быть, потому, что жизнь так счастливо сложилась для меня, щедрою рукою сыплет на меня подарки и счастье, пока улыбается мне и на мою долю выпадает мало зла, и поэтому-то, может быть, я разъезжаю по гостям, выезжаю (хотя теперь редко) на балы, в театр, на лекции, на каток хожу; словом, бываю всюду, где мне приятно или весело.

Богомол, так звать моего первого товарища, к которому жизнь не так-то ласкова, постоянный мой спутник везде и всюду, только на каток перестал ходить. Он сколько раз говорил мне: "как это так я могу веселиться, когда обстоятельства моей жизни слагаются так неблагоприятно для меня — сколько здоровых щелчков дает жизнь, а я веселюсь и не горюю особенно, тогда просто непрослительно тем, кто кукуется и ноет, жалуется на скуку, когда жизнь окружает его всевозможными удобствами, не знают ни печали, ни заботы!". Его ум уже достаточно развит, настроен критически и здраво, характер почти сформировался. Это самый старый приятель-закадык.

Другой Нижегородцев, умница и идеалист, необыкновенно милый и прямой, и еще упрямый вдобавок (с ним мы, т. е. я и он, еще допускаем некоторые сентиментальности, как целоваться, напр[имер], при случае). Этот со мной кроме гостей, театра, концерта и лекций никуда не ходит, да и то редко в последние три.

Третий, Александров, самый дельный, самый развитой и умный из нас; по складу ума реалист. Замечательно тихий, скромный и золотое сердце. Этот уж кроме гостей, да и то, только ко мне и Нижегородцеву, изредка, никуда не выходит. В театр или концерт и не затащить насильно; из лекций посещает только Худяковские по биологии, т. к. он охотник страстный до естественных наук. Мечтает об естественном факультете в Университете, но поступить не может, т. к. средства не позволяют ждать год и сидеть без дела.

У нас в Александр[овском] Училище он первым учеником давно идет, медалист, хотя и не для медали так хорошо учится. По окончании (в этом году) весной надо держать выпускной экзамен, следовательно, для поступления в Университ[ет] пришлось бы будущей дожидаться, он хочет поступить в какое-нибудь высшее училище и хотелось бы ему в Петербург ехать, но, говорит, там труднее жить будет, п[отому] ч[то] знакомства нет, а без него урок трудно достать будет. Но все-таки мы с ним говорили и о Горном институте. Туда бы, говорит, хорошо поступить, да попасть, наверное, трудно, много кандидатов (этого, по-моему, ему бояться нечего) и плата, вероятно, там мне не по карману. Но все-таки, говорит, если можно, достань программу.

Вот если бы я Вас не затруднил, Василий Григорьевич, не будете ли добры послать нам ее бандеролью; конечно, и говорить лишнее, как мы были бы Вам за это благодарны.

Извините, может быть я утомил Вас своей пустой болтовней, но, знаете ли, что-то хотелось мне сегодня поговорить с Вами, вот я и написал целый столбец, ответа на который и ждать не буду, п[отому] ч[то] не хочу отвлекать Вас от дела, а ведь у Вас, я знаю, так много его.

Пожалуйста, поэтому не пишите мне ответа, по крайней мере скоро, а только так разве в свободную минуту малюсенький, в две строчки, я и за это буду очень благодарен.

А как было бы хорошо, если бы Александров поехал в Петербург; мы стали бы жить с ним вместе, это, во-первых, а во-вторых, у меня было бы тогда два любимых и любящих человека в Петербурге; ведь правда?

Извините великодушно, что не сумел переслать на этот раз Вам книгу. Я завязал ее и велел убрать в чемодан брату, для передачи Вам, а он заторопился, да так и оставил на письменном моем столе, и я ее опять под замок. Слово свое сдержал: никому не давал читать из товарищей.

Мне очень бы хотелось отблагодарить Вас чем-нибудь, но не знаю, как; буду надеяться на будущее, авось Бог приведет.

С совершенным почтением,
искренно уважающий Вас

Д. Большаков»

[РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 9–14].

В следующем послании, отправленном в апреле 1903 г., звучит своеобразное продолжение темы веры, начатой ранее критикой «Исповеди» Л.Н. Толстого. Дмитрий не склонен к духовному нигилизму, поэтому не торопится делать серьезных выводов о собственной вере, пытаясь во всем разобраться и понимая, что для этого требуются знания. Он озабочен и своим будущим, размышляя о том, где продолжить обучение. Д.С. Большаков остановился на двух учебных заведениях: Горном институте Императрицы Екатерины II, престижном учебном заведении, имеющем столетнюю историю существования, и недавно открывшемся Императорском Санкт-Петербургском политехническом институте. После утверждения в мае 1902 г. Положения о Политехническом институте занятия начались на экономическом, электромеханическом, кораблестроительном и металлургическом отделениях, которые считались наиболее перспективными для технического развития России. В письме Дмитрий с нескрываемым беспокойством размышляет о своем поступлении:

**«Москва 8/IV 1903
Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Посылаю Вам с папашей Вашу книгу. Еще раз благодарю Вас, извините, что так долго держал ее. Она меня очень заинтересовала и дала много нового, но веры не прибавила. Да об этом говорить я еще не решаюсь, не смею объявить себя атеистом или иначе, "по-своему" верующим; я еще так мало знаю всего, так еще не развит, что рассуждать мне о серьезнейших, неразрешимых почти, вопросах было бы наивно крайне и смешно. Для постройки здания, грандиозного и прочного, нужен фундамент надежный и солидный, каменный фундамент. Этот фундамент я и хочу сначала заложить для своего будущего здания, и считаю, что закладку его можно осуществить лишь в серьезном самообразовании, в всестороннем развитии, и все силы своего ума и способностей я сначала употреблю на это. Теперь же я не только созидать, не могу разрушать того, что было построено не мною и не для меня.

У меня есть к Вам большая просьба. Мне очень хотелось бы иметь программу Горного института, и вот если она у Вас есть под руками, дома, то не будете ли добры прислать ее мне для просмотра, я буду Вам очень благодарен. Или укажите способ как достать ее, я написал бы с просьбой о высылке ее.

Еще мне хотелось бы очень (и очень, очень нужно) знать, принимают ли, т. е. допускают ли туда на экзамен из нашего среднеучебного заведения, Александровского Коммерческого Уч[илища], велик ли, труден ли очень конкурс? Вот в Политехникум принимают, и там уже есть один из наших, но, к сожалению, там только живущие ученики, а это не удобно.

Будьте так добры, Василий Григорьевич, передайте папаше лично ответ, или черкните на лоскутке бумаги, а то я боюсь, что он забудет или не так передаст.

Простите, что я так назойлив, но я думаю, что Вы великодушно извините меня, раз поверите, как это мне необходимо нужно и важно знать. Позвольте летом в начале июня приехать к Вам, т. е. я в это время думаю приехать в Петербург, поговорить и посоветоваться обо всем лично. Или Вы на лето уедете куда-нибудь? И я Вас, вероятно, не застаю уже?

Искренно уважающий Вас Д. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 15–16 об.].

Выбирая жизненный путь, Д.С. Большаков решает попробовать поступить, согласно совету В.Г. Дружинина, сразу в несколько высших учебных заведений, скрывая свои тревоги от «папаши»:

**«Москва 29-го апреля 1903 г.
Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Письмо Ваше от 25 с[его] м[есяца] и программу получил, за что очень-очень Вам благодарен. Большое Вам спасибо за добрый совет: попробовать счастья сразу в нескольких высших учебн[ых] зав[едениях]. Совершенно верно, что при такой конкуренции желающих поступить, число которых в несколько раз превосходит число вакантных мест, да еще и при такой постановке дела, как прием не по конкурсам аттестатов, как бывало в Политехникуме, а по конкурсам на приемных экзаменах, иначе действовать и нельзя; тут уж поступление есть случай и "счастье", как говорят, каждого.

В Политехникум поступить было бы не менее приятно, чем в Горный институт им[ени] Е[катерины] II, но неудобство заключается в том, что жить придется в училище, а на вольной квартире нельзя.

В мае, в конце, после 26-го, когда у нас кончатся экзамены, я с товарищем приеду в Петербург и Вы не откажите тогда нам своим советом.

Папаша благодарит Вас за память и за поклон, и шлет Вам низкий, до сырой земли, поклон. Он раньше меня думает быть в Петербурге у Вас, и лично побеседовать, но, конечно, не о моем поступлении в высшее учеб[ное] зав[едение], об этом желании он еще не знает, т. к. я не говорю ему о нем, как о не решенном в окончательной форме.

Получили ли Вы Вашу книгу? Она была убрана у отца, кот[орому] я передал ее, просил передать лично, а он, отложив свою поездку, без моего ведома отослал ее Вам с нашим служащим. Хотя он и не станет смотреть, и я знаю, отчасти, его аккуратность, но все-таки беспокоюсь.

Еще раз Вам большое спасибо. Желаю Вам всего лучшего.

Искренно уважающий Вас

Д. Большаков»

[РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 17–18 об.].

В сентябре 1904 г. Д.С. Большаков приехал в Петербург, где жил и работал В.Г. Дружинин, решив поступать в Политехнический институт. Он радуется приезду и началу нового этапа в жизни, собираясь встретиться со своим наставником и учителем:

**«С[анкт]-П[етер]б[ург] 4.IX.1904
Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Во вторник, 1-го с[его] м[есяца] я приехал в С[анкт]-Петербург и, т. к. об этом ни в каких петербургских газетах не отмечено, я считаю долгом уведомить Вас об этом сам. Какое счастье! — с вокзала проехал прямо в Политехникум, где и занял комнату под № 272 в I-м общежитии. Бываю в городе "почти каждый и всегда", к Вашим услугам. Позвольте повидаться с Вами, когда Вам удобно (кроме этого воскресенья, среды и четверга).

С искренним уважением, Ваш Дмитрий Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 19].

Следующее письмо, сохранившееся в фонде В.Г. Дружинина, написано через два года после поездки юноши в Петербург для поступления в высшее учебное заведение. Дмитрий Сергеевич пишет в трудную минуту: внезапно умер отец и теперь ему надо возглавить семейное дело. В Москве осталась лавка на Старой площади у Ильинских ворот, в Петербурге — в Апраксином дворе. Он надеется на помощь и совет старшего друга и учителя:

«Москва 14.V.1906
Милостивый Государь
Уважаемый
Василий Григорьевич!

Примите нашу искреннюю сердечную благодарность за выраженное Вами сочувствие к глубокому нашему горю.

Покойный батюшка считали Вас по духу одним из самых милых и близких его сердцу людей. Вы и для меня были всегда старшим другом и наставником, и я смею надеяться, что не останусь и теперь без необходимой мне нравственной поддержки в трудной жизненной борьбе, при ответственном положении "старшего" в семье.

Фирма не останется без продолжателя ее и руководителя в моем лице, но без указаний и поддержки мне будет трудно, и я прошу Вас о них, уважаемый Василий Григорьевич, как близкого мне человека, и уверен, что не встречу отказа.

Моя матушка, брат и сестры искренно благодарят Вас за сочувствие.

На той неделе надеюсь побывать в Петербурге, как поуправлюсь здесь с делами. Позвольте завернуть к Вам.

Искренно Вас уважающий

Дм. Большаков

P.S. Наше отделение в Петербурге останется закрытым до моего приезда». [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 20–21].

Следующие два письма Д.С. Большакова становятся по-деловому сухими, без лирических отступлений и философских рассуждений, которые мы находили в ранней корреспонденции. Теперь он — глава семейного антикварного и книготоргового дела, которое хотя и «союзное» с братом, но у каждого самостоятельное:

«26. II.1907
Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Григорьевич,

Желаю Вам здоровья и всего наилучшего.

При сем оставляю Вам только что присланные Материалы по вопр[осам] зем[ли] и крест[ьян], изд[ание] Рябушинского, с пересылкой 1.50 к[опеек] и предлагаю для Вашей Библиотеки или для Библиотеки И[мператорской] Ак[адемии]:

Псалтырь, изд[анный] Пафнутием Овчинниковым в Львове 5 р.

Окружное Послание. Коломыя. 1876 г. 3.50 к.

За ответом зайду сюда, если позволите. С искренним уважением Д. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 22].

«6 апреля 1907
Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!

Желаю Вам здоровья и всего наилучшего.

Покорнейше Вас прошу выдать иконы и книгу моему посланному В. Кудряшову. К сожалению, не мог сам собраться, заехать за ними.

При сем посылаю Вам на рассмотрение серебряные поморские застезки старинные. Не угодно ли приобрести? Цена (15 р.) — 13 р.

(на обороте)

Резной старинный крест 10 р.

Панагия резн[ая] на дер[еве] 10 р.

Складни: Страсти Хр[истовы] 15 р.

Эти вещи взяты мной на комиссию. Говорят, что новые серебр[яные] застёжки помор[ские] по 12 р. продают, насколько это верно — не знаю.

Кроме того, не получали ли Вы от брата поморской рукописи в 4-ку, о которой он пишет; ответ благоволи́те дать мне по рассмотрении ее (если она уже у Вас).

Если что пожелаете оставить для себя, денег платить не беспокойтесь. Я брату уплачу тогда 25 р. Если это Вам удобнее, как я полагаю. Но должен заметить, что это делаю для Вашего удобства, не предупреждая брата. У нас с ним в этом отношении строгая регламентация и самостоятельное у каждого, хотя и союзное, ведение дела.

Если и ничего не пожелаете взять, безразлично и независимо от этого, уплачу сполна весь свой долг к Пасхе с благодарностью. Вы мне очень помогли, душевное спасибо.

Искренно Вас уважающий

Дм. Большаков»

[РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 23–24].

Со временем руководство семейным делом взял на себя младший брат, вследствие чего к середине 1910-х гг. антикварная, книжная и иконная торговля «наследников Сергея Тихоновича Большакова» была переименована в торговлю «Николая Сергеевича Большакова».

Родился Н.С. Большаков 19 марта 1889 г. [Маслова, 2018] В мае 1909 г. окончил курс Московской практической академии, состоял в числе действительных слушателей Московского коммерческого института. В 1920-е гг. окончил литературно-художественное отделение факультета общественных наук (ФОН) Московского государственного университета, работал в Государственном историческом музее, состоял секретарем бывшего Румянцевского музея и Московского Губмузея, был в комиссии по истории древнерусского искусства при Научно-исследовательском институте археологии и искусствознания. В 1927 г. Н.С. Большаков работал в Государственной академии художественных наук (ГАХН). В 1930 г. академия была закрыта, многие ее сотрудники арестованы. Николаю Сергеевичу повезло — он не попал в их число, а встал на биржу труда.

В 1932 г. в Москве открылся Научно-исследовательский институт художественной промышленности (НИИХП), где Н.С. Большаков занял должность старшего научного сотрудника и художественного руководителя по обработке дерева. В этой должности он написал несколько научных исследований: «Национальный орнамент славяно-русских рукописей и народное искусство» (М., 1946), «Владимир Иванович Соколов. Художник Загорской артели» (М., 1948), «Пути развития современных промыслов художественной росписи по дереву» (М., 1949), «Миниатюрная резьба по дереву» (М., 1950). Рукописи хранятся во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства.

В фонде В.Г. Дружинина сохранилась корреспонденция Николая Сергеевича Большакова. Из нее мы узнаем предпочтения коллекционера и практические шаги книготорговца по комплектованию библиотеки Дружинина. В первом письме Н.С. Большаков пред-

лагает Василию Григорьевичу купить поморские рукописи «Титин» и «Меч духовный». Труд поморского автора Ивана Алексеева «Титин» представляет собой полемическое сочинение, написанное около 1752 г. Это беседа между старообрядцем-поповцем («вопрошающим») и беспоповцем («отвещающим»). Участники излагают различные точки зрения по эсхатологическим вопросам. В свою очередь, название «Меч духовный» носили разные литературные памятники XVII и XVIII вв., которые также имели религиозно-полемическую тематику. Мы не можем точно сказать, какое именно сочинение под таким названием было предложено для приобретения Дружинину.

Из переписки следует, что Н.С. Большаков помог археографу собрать все девять томов «Материалов для истории раскола за первое время его существования», вышедших в 1874–1894 гг. под редакцией профессора Московской духовной академии Н.И. Субботина. В «Материалах...» были опубликованы «известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования». Наличие данного издания в личной библиотеке В.Г. Дружинина было необходимо историку для работы, в частности, для будущей книги «Писания русских старообрядцев» (1912). Подбор требовал определенных усилий со стороны книготорговца: нужно было найти не просто все тома, а именно хорошие по сохранности экземпляры. В частности, 2-й том издания, содержащий акты, относившиеся к собору 1666–1667 гг., изначально предложенный на продажу, не имел нескольких первых листов. Желание Дружинина иметь том с полной сохранностью вызвало дальнейшие поиски антиквара. В переписке отразились и поиски произведений старообрядческого медного литья, а также уникального артефакта — «железной печатки из Выгорецкого Пустынножительства».

Мы публикуем девять писем Н.С. Большакова, дающих представление о формировании личной библиотеки и коллекции декоративно-прикладного искусства В.Г. Дружинина:

**«13-го октября 1910 г.
Глубокоуважаемый
Василий Григорьевич,**

Желаю Вам всего наилучшего и посылаю глубокий поклон.

Имею честь уведомить Вас, что мною посланы Вам сегодня почтою две поморские рукописи соч[инение] Андрея Дионисьевича, которыми Вы заинтересовались по нашему каталогу. Благоволите просмотреть их и, если пожелаете оставить за собой, не откажите выслать следуемые за обе рукописи 75 рублей. Менее взять не имею возможности.

О получении посылки не откажите меня уведомить.

Не подходящие ли будут для Вашей библиотеки нижеследующие две вновь приобретенные мною поморские рукописи в 4° л.:

1) "Титин". Книга о случаях последнего времени. Потрясет вельми ббб число. Предисловие и 13 глав. 237 листов. Ценою 40 рублей.

2) "Меч духовный". Часть третья. О святей Евхаристии. Предел первый. Глава первая. Аще и нужно есть причастие животворящ[их] таин Христов[ых] ко спасению, обаче не имущу где причаститися может спасен быти. В этой же книге помещен Список с послания Андрея Дионисьевича "Свидетельство о табаке". О числе и о имени антихриста и проч[ие] выписки (из Жития Андрея Юродивого, кн[ига] Георгия Писидийского и проч[ее]), всего 406 листов (из котор[ых] 324 листа приход[ятся] на "Меч Духовн[ый]", 32 л[иста] посл[ание] Андр[ея] Дионисьевича (то и другое хоро-

шего поморского письма) и на последующих 50 лист[ах] помещены разные выписки о табаке и прочее (не поморского письма). Цена этой книги 50 р.

Что же касается "Материалов по расколу" ред[акции] Субботина, то означенный мною в каталоге № 1-й экземпляр уже продан. В настоящее время у меня есть неполный экз[яр], а именно без 6-го и 4-го томов, т. е. семь книг без перепл[ета], хорошей сохр[анности], ценою 40 р.

Если найдете что-либо из выше поименованного подходящим для себя — благоволите сообщить, — немедля вышлю.

В ожидании Вашего почтенного ответа,
остаюсь с совершенным почтением, Ваш покорный слуга
Николай Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 4-5 об.].

«20-го X — 1910 г.

**Глубокоуважаемый
Василий Григорьевич,**

В ответ на Ваши 2 почтенные письма имею честь уведомить Вас, что мною посланы Вам на рассмотрение еще 2 поморские рукописи: "Титин" и "Меч духовн[ый]". Цена Вам известна. За "Материалы" без двух томов менее 40 р. взять не могу. Что же касается цены за отобранную Вами рукопись, то за нее могу с Вас взять 50 р.

В ожидании Вашего почтенного ответа остаюсь Ваш покорный слуга
Николай Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1].

«28-го октября 1910

**Глубокоуважаемый
Василий Григорьевич,**

В ответ на Ваше почтенное письмо от 25-го окт[ября] с[его] г[ода] имею честь уведомить Вас, что после долгих и упорных трудов мне удалось собрать для Вас полный экземпляр в 9 томах "Материалов для истории раскола", изд[анных] Моск[овским] Бр[атством] Св[ятого] Петра Митр[опо-
лита], под редакцией Субботина, каковые и отосланы Вам сегодня почтою. За них я положу с Вас вместе с отобранною рукописью сто рублей. Цена эта крайняя. Уступить из нее ничего не могу.

Осмеливаюсь поставить Вам на вид, что за самое последнее время цена за "Материалы" Субботина очень сильно возросла (доходят до 70 руб.). Что же касается обозначенной в моем каталоге цены за "Материалы" 50 р., то они у меня были в начале года, когда еще на них цена была ниже. Конечно, тот первый экземпляр давно уже продан.

В следующем ближайшем выпуске своего каталога цена им будет значительно повышена.

Прошу извинить меня, что я Вас утомляю излишними подробностями, но, надеюсь, что Вы простите. Если Вы найдете возможным оставить Рукопись и "Материалы" в вышеозначенной цене, то благоволите перевести деньги на мое имя в Москву.

Относительно "Титина" — менее 40 рублей взять не могу.

Про продажу рукописей Г[осподи]ном Егоровым Г[осподи]ну Шибанову я ничего не слышал и, во всяком случае, сильно сомневаюсь в этом.

В ожидании Вашего благосклонного ответа остаюсь с совершенным почтением к Вам Ваш покорный слуга Н. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 2-3].

**«1-го ноября 1910 г.
Глубокоуважаемый
Василий Григорьевич,**

В ответ на Ваше почтенное письмо от 30-го X с[его] год[а] имею честь уведомить Вас, что за 9 томов "Материалов" Субботина менее пятидесяти рублей (50 р.) взять не имею возможности.

Еще раз должен Вам сказать, что в настоящее время полный экземпляр "Материалов" представляет большую редкость, и, приобретая его, я не столько стремился к наживе, как хотел удовлетворить Ваше желание и доставить Вам полный экземпляр. Но, конечно, если Вы данный экземпляр находите недостаточно хорошим для собрания, то я очень извиняюсь перед Вами, что осмелился побеспокоить Вас присылкой такого экземпляра (опять-таки повторю, найденного мною после продолжительных поисков).

Осмелюсь сообщить Вам, что при покупке II-го тома "Материалов" я сам обратил внимание, что в нем не хватает заглавных листов, но когда я справился у своего знакомого собирателя о 2-м томе, то и у него оказалось не хватает во 2-м томе этих же листов. Возможно, конечно, что это только досадное совпадение, но возможно и другое предположение.

Итак, если Вы найдете возможным оставить данный экз[емпляр] "Материалов", благоволите выслать 100 р., если же нет — не откажите вернуть его и прислать 50 руб. за оставленную Вами рукопись.

Еще раз извиняюсь перед Вами за причиненное беспокойство, остаюсь с совершенным почтением к Вам, Ваш покорный слуга Николай Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 6–7].

**«3-XI-[19]10 г.
Глубокоуважаемый
Василий Григорьевич,**

В дополнение моего письма имею честь уведомить Вас, что сейчас мною приобретены 6 томов (1–3, 7–9) "Материалов", из них 1-й том без титульных листов, а остальные все хорошей сохранности. Если Вам будет угодно, то я могу Вам переменить второй том (конечно, без приплаты), так, чтобы у Вас был вполне хороший экземпляр (цена, конечно, прежняя — 50 р.). Если угодно, уведомите. Немедленно могу выслать второй том (в обложке) и с титульными листами.

С почтением, Н. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 8].

**«8-го XI-1910 г.
Глубокоуважаемый
Василий Григорьевич,**

Приносим Вам глубокую благодарность за выраженное Вами согласие в Вашем почтенном письме от 2-го с[его] м[есяца] на покупку книг, имею честь уведомить Вас, что деньги сто рублей за оставленные Ваши книги, и две поморские рукописи, не подошедшие Вам, я получил, за что приношу Вам глубокую благодарность.

Что же касается II тома "Материалов" то я его Вам послал 6-го с[его] м[есяца] почтой, и надеюсь, что Вы уже его получили.

Как только попадетсЯ I-й том хорошей сохранности, немедленно Вам вышлю для обмена на Ваш.

Что попадетсЯ из поморских рукописей, почту своею обязанностью прислать Вам на рассмотрение.

Еще раз выражая Вам свою сердечную признательность за Ваше доброе отношение к нашей фирме, имею честь быть с совершенным почтением к Вам, Вашим покорнейшим слугою Николай Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 9–9 об.].

**«5-го Октября [1]911 г.
Глубокоуважаемый
Василий Григорьевич,**

Сим имею честь уведомить Вас о получении перевода 86 руб., в расчет за купленн[ые] Вами книги, за что остаюсь глубоко Вам благодарным.

На днях пособеру Вам новую партию книг, которую пошлю Вам на рассмотрение. Остаюсь Ваш покорный слуга Н. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 10].

**«Москва, [1]915-III-18
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Поздравляю с наступающим Великим Праздником и желаю Вам и всему Вашему семейству полного благополучия и доброго здоровья.

В ответ на Ваше почтенное письмо имею честь уведомить Вас, что за Створы Деисус менее 25 рублей я взять не имею возможности.

Что же касается тех створ с Седмицей, которые Вы изволили видеть у Степ[ана] Ив. в Петрограде, уведомляю, что они уже, к сожалению, проданы.

Как Вам уже, кажется, передавали, мне предлагают железную печатку с деревянной круглой ручкой, из Выгорецкого Пустынножительства, оттиск которой при сем прилагаю. Назначают за нее сто рублей. Если Вас она заинтересует, не откажите уведомить.

Приношу Вам глубокую благодарность за хлопоты по отправке обратно моих вещей, которые я с почты получил.

Остаюсь с совершенным почтением и уважением к Вам,
Ваш покорный слуга Н. Большаков.

PS. Приношу Вам глубокое извинение за задержку ответом, но у меня были такие обстоятельства, что раньше ответить не имел ни малейшей возможности»

[РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 11–11 об.].

**«[1]915-IV-8. Москва
Многоуважаемый
Василий Григорьевич,**

Желаю Вам всего наилучшего.

Уведомляю Вас, что следуемые за створы 25 р. я получил. Приношу Вам свою благодарность за уплату.

Я Вам посылал оттиск с печати "Выгорецкого пустынножительства", которую мне предлагают. Если она Вам представляет хоть какой-нибудь интерес, благоволиите уведомить, за какую цену Вы желали бы ее приобрести. Если прикажете, могу Вам ее послать на рассмотрение.

Если Вы будете в Москве, не откажите заглянуть ко мне — есть интересные поморские картины и святцы в рамке (с изображением в цветах и деревьях месяцев).

В ожидании Вашего ответа, остаюсь с совершенным почтением к Вам Н. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 12–12 об.].

Помимо писем, в архивном деле сохранилась записка Н.С. Большакова к Дружинину, без даты, написанная на блокнотном листе карандашом:

«Уважаемый

Василий Григорьевич,

Очень жалею, что Вас не застал.

Оставляю Вам на рассмотрение:

Диоптру. 4° поморск[ая]. 85 р. (в ней имеется подпись на тарабарском языке),

Соборный Свиток поморск[ого] письма. 4° = 15 р.

Створы с годом на крышке, золочен[ые]. 7233 года — 75 р.

Створы Деисус с эмалью в кружочк[ах] — 30 р.

Прошу Вас ответить мне непосредственно в Москву, Старая площадь, у Ильинских ворот, книжн[ая] и иконная торговля, Николаю Сергеевичу Большакову.

Также, если Вам все, или какие-либо вещи неподходящи, благоволите вернуть их почтой в Москву по вышеозначенному адресу.

Остаюсь с соверш[енным] почтен[ием] Ваш покорный слуга Н. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 13].

Публикация писем Дмитрия и Николая Большаковых выполняет тройкую задачу: во-первых, иллюстрирует умственную жизнь в среде старообрядчества на примере Д.С. Большакова, во-вторых, наглядно показывает практику книготорговой деятельности в России до 1917 г., в-третьих, является важным шагом к реконструкции творческой биографии историка и археографа В.Г. Дружинина, одного из первых ученых, начавшего систематически изучать историю и культуру старообрядчества.

Литература

Лопатин А. Богословские курсы как одно из направлений деятельности старообрядческого Братства имени протопопа Аввакума в Ленинграде 1920-х гг // Словесность и история. 2020. № 4. С. 70–84.

Маслова Ю.В. Н.С. Большаков — достойный внук знаменитого деда // Культурное наследие России. 2018. № 1. С. 23–29.

Попова-Яцкевич Е.Г. Василий Григорьевич Дружинин, его предки и родственное окружение // Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936). СПб.: БАН, 2010. С. 121–135.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 167. Оп. 1. Д. 97. Письма Большакова Дмитрия Сергеевича Дружинину Василию Григорьевичу. 8 января 1903 — 25 декабря 1910.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 167. Оп. 1. Д. 98. Письма Большакова Николая Сергеевича Дружинину Василию Григорьевичу. 20 октября 1910 — 8 апреля 1915 и б. д.

Санкт-Петербургский мартиролог: [священнослужители — жертвы репрессий]. Сост.: В.М. Шкаровский, Т.Н. Таценко. СПб.: Миръ, О-во святителя Василия Великого, 2002. 416 с.

Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? Л., 1991.

Чуковский К.И. Собрание соч.: В 15 т. Т. 9: Люди и книги. М., 2012.

Шибанов П.П. Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля: пособие для работников книжного дела. Под. ред. М.В. Муратова, Н.Н. Накорякова. М.-Л.: ГИЗ, 1925. С. 201–265.

Юхименко Е.М. Научное творчество В.Г. Дружинина в контексте общественно-культурной жизни конца XIX — начала XX в. // Памяти Василия Григорьевича Дружинина, (1859–1936). СПб.: БАН, 2010. С. 14–26.

70 References

Chukovsky K.I. Collection of Op.: In 15 vols. Vol. 9: People and books. Moscow, 2012. (In Russian)

Lopatin A. Theological Courses as an Activity of the Old Believer Brotherhood Named after Archpriest Avvakum in Leningrad in the 1920s. *Texts and History*, 2020, no. 4, pp. 70–84. (In Russian)

Maslova Yu.V. N.S. Bolshakov — a worthy grandson of the famous grandfather. *Cultural Heritage of Russia*, 2018, no. 1, pp. 23–29. (In Russian)

Popova-Yatskevich E.G. Vasily Grigorievich Druzhinin, his ancestors and family circle. In memory of Vasily Grigorievich Druzhinin (1859–1936). St. Petersburg: BAN, 2010, pp. 121–135. (In Russian)

Russian State Archive of Literature and Art. Fund 167. Inventory 1. File 97. Letters from Bolshakov Dmitry Sergeevich to Druzhinin Vasily Grigoryevich. January 8, 1903 — December 25, 1910. (In Russian)

Russian State Archive of Literature and Art. Fund 167. Inventory 1. File 97. Letters of Bolshakov Nikolai Sergeevich Druzhinin Vasily Grigoryevich. October 20, 1910 — April 8, 1915 and without date. (In Russian)

Shibanov P.P. Antique book trade in Russia. *Book trade: a handbook for book workers*. Edited by M.V. Muratov, N.N. Nakoryakova. Moscow-Leningrad, 1925, pp. 201–265. (In Russian)

St. Petersburg Martyrology: [clergy are victims of repression]. St. Petersburg: Mir, St. Basil the Great, 2002, 416 p. (In Russian)

Tolstoy L.N. Confession. What is my faith? Leningrad, 1991. (In Russian)

Yukhimenko E.M. Scientific creativity of V.G. Druzhinin in the context of social and cultural life of the late 19th — early 20th centuries. In memory of Vasily Grigorievich Druzhinin, (1859–1936). St. Petersburg: BAN, 2010, pp. 14–26. (In Russian)

кандидат философских наук, доцент, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

E-mail: kozhurin@list.ru

К биографии рижского духовного наставника Ивана Васильевича Волкова

Биографии старообрядческих духовных лидеров, учителей, начетчиков и духовных наставников — важная часть истории русского старообрядчества. Личность всегда играла огромную роль в этом самобытном духовном движении. На основе редких архивных документов, ранее не публиковавшихся, автор раскрывает новые биографические подробности жизни восьмого настоятеля Рижского молитвенного храма во имя Успения Божией Матери Ивана Васильевича Волкова (1764 — после 1840). Его имя не раз встречается в полицейских делах первой половины XIX века. В этот период Рижская федосеевская община становится одним из крупнейших и влиятельнейших духовных центров старообрядчества. Духовное служение И. В. Волкова в Рижской старообрядческой общине пришлось на начало репрессий против староверов со стороны правительства императора Николая I. Фигура духовного наставника И. В. Волкова показана на фоне жизни рижского старообрядческого общества того времени.

Ключевые слова: раскол, религия, старообрядчество, Рижская Гребенщиковская старообрядческая община, федосеевцы, рижские старообрядцы, беспоповцы, духовные наставники, культура старообрядчества.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (проект № 36ВГ) «Формирование мировоззрения и систематических представлений о сущности и динамике развития российской цивилизации и государственности как фундаментальных составляющих общеобразовательной подготовки студентов при изучении дисциплины "Основы российской государственности"».

...

Для цитирования: Кожурин К.Я. К биографии рижского духовного наставника Ивана Васильевича Волкова // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 1. С. 71–82. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0040

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy of Man, Herzen State Pedagogical University of Russia

48 Moika Emb., Saint-Petersburg, Russia 191186

E-mail: kozhurin@list.ru

To the biography of the Riga spiritual mentor Ivan Vasilyevich Volkov

Biographies of Old Believers' spiritual leaders, teachers, scribes and spiritual mentors are an important part of the history of Russian Old Believers. Personality has always played a huge role in this distinctive spiritual movement. Based on rare archival documents that have not been published before, the author reveals new biographical details of the life of the eighth prior of the Riga Prayer Church in the Name of the Assumption of the Mother of God, Ivan Vasilyevich Volkov (1764 — after 1840). His name appears more than once in police cases of the first half of the XIX century. During this period, the Riga Fedoseevsky community became one of the largest and most influential spiritual centers of the Old Believers. The spiritual ministry of I. V. Volkov in the Riga Old Believer community was at the beginning of repression against Old Believers by the government of Emperor Nicholas I. The figure of spiritual mentor I. V. Volkov is shown against the background of the life of the Riga Old Believer society of that time.

Keywords: schism, religion, Old Believers, Riga Grebenschikov Old Believers community, fedoseevtsy, Riga Old Believers, bespopovtsy, spiritual mentors, culture of Old Believers.

The research was supported by an internal grant from the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 36VG) "Formation of a worldview and systematic ideas about the essence and dynamics of the development of Russian civilization and statehood as fundamental components of general educational training for students when studying the discipline 'Fundamentals of Russian Statehood'".

...

For citation: Kozhurin K.Ya. To the biography of the Riga spiritual mentor Ivan Vasilyevich Volkov. *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 1, pp. 71–82. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0040

Материалы о страницах истории рижских староверов, духовных наставниках и церковных деятелях, которые внесли большой вклад в сохранение древлеправославия, но чьи биографии и деятельность оставались почти неизвестными, в последние годы не раз появлялись на страницах Календаря Древлеправославной Поморской Церкви [Иванов, 2022; Юхименко, 2020; Яковлева, 2022; Яковлева, 2023]. В недавнее время доктором исторических наук из Риги А. И. Ивановым была предпринята попытка создать обобщающий труд по истории Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины «Сказание о Рижской Гребенщиковской старообрядческой общине» [Иванов, 2021], также в Риге была издана рукопись А. И. Воловича «Пятидесятилетие Гребенщиковского училища в г. Риге. Исторический очерк состояния училища с 1873 г. по 1923 г.», подготовленная к изданию еще столетие назад, но увидевшая свет лишь в наши дни [Волович, 2022]. Однако остается еще немало «белых пятен», восполнить которые помогают архивные материалы.

Биография рижского духовного наставника Ивана Васильевича Волкова (1764 — после 1840), к сожалению, до сих пор практически была обойдена вниманием исследователей. Его имя не раз встречается в полицейских делах первой половины XIX века. Отчасти ряд документов, связанных с этим деятелем рижского староверия и находящихся в Латвийском Государственном историческом архиве в Риге, был опубликован Т. Д. Фейгмане в «Рижском старообрядческом сборнике» [Документы о правовом статусе староверов Риги, 2011. С. 115, 116, 123, 164, 167]. Содержащиеся там факты также встречаются в вышеназванной книге А. И. Иванова [Иванов, 2021. С. 84, 113]. Однако нами в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга были обнаружены документы, проливающие дополнительный свет на жизнь и судьбу этого авторитетного духовного наставника.

Иван Васильевич Волков родился в 1764 году в деревне Тискады Режицкого уезда Витебской губернии, где находилась крупнейшая федосеевская община с самой древней в той местности моленной. Оттуда он бежал в Пруссию, по-видимому, из-за рекрутского набора, как это нередко происходило в то время в Прибалтийских и Западных губерниях Российской империи. Из Пруссии Волков возвратился по Всемилодивейшему манифесту, изданному при восшествии на престол императора Александра I в 1801 году. Прослужив после своего возвращения несколько лет певчим в Дьяконовской (Гребенщиковской) и Панинской моленных и при этом занимаясь время от времени торговлей овощами, он был через несколько лет после «созжжения форштатов» (в июле 1812 года, во время наступления наполеоновской армии) посвящен в старой моленной иноком Гавриилом в духовные наставники. А. И. Волович, ссылаясь на изданное в Москве в Синодальной типографии «Увещение» (1840), называет его восьмым по счету (после инок Гавриила) настоятелем Рижского молитвенного храма [Волович, 1927. С. 12].

Под «Рижскими статьями» 1813 года подпись «ригского жителя» Ивана Васильева стоит десятой. По предположению Н. А. Морозовой, этот Иван Васильев «видимо, может быть отождествлен с известным рижским наставником Иваном Васильевичем Волковым» [«Рижские статьи», 2011. С. 318]. Если это так, то уже в 1813 году Волков занимал достаточно высокое положение во внутренней иерархии Рижского старообрядческого общества.

В обширном секретном рапорте, составленном архимандритом Боровского перво-классного монастыря, ректором Санкт-Петербургской духовной академии Венедиктом (Григоровичем) (будущим викарным епископом Ревельским, а затем — архиепископом Олонецким и Петрозаводским), «Сведения, собранные в городе Риге неофициальным образом о духе тамошних раскольников и о причинах нерасположения присоединиться к Православной Церкви, во исполнение по 7-му пункту Указа Святейшаго Синода от 21 Марта 1833 года» говорится следующее о наставнике Иване Васильеве Волкове: «Рижский мещанин, родился в Режицком уезде Витебской Губернии, состоит при моленной с 1801 года и возведен в должность наставника вышеозначенным же иноком Гавриилом, также по избранию общества» [РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 544. Л. 39 об.].

Далее Венедикт пишет о высоком положении и авторитете духовных наставников в Рижском старообрядческом обществе: «Вообще наставники пользуются большим уважением и полною доверенностью. Они у раскольников как патриархи. Наставники поставляются в сию должность общим выбором раскольническаго сословия. Вместе с попечителями общества, коих есть около 15 человек из самага богатейшаго купечества, они составляют так называемый Церковный Совет, управляющий всеми делами секты. Совещания свои титулуют в народе Соборами, разумеется для того, дабы придать своим толкам более важности и силы... Наставники носят верхнюю одежду широковатую на подобие рясы, без пояса сверху оной; на голове у них шапочка наподобие скуфьи с опушкою; выходят всегда с тростию в руках» [РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 544. Л. 40 об. — 41].

В августе 1826 года наставник Иван Волков, отказывавшийся молиться во время богослужения за царя, был удален из моленной «за таковое же зло», отдан под полицейский надзор и предан суду [ЛГИА. Ф. 1. Оп. 10. Д. 106. Л. 3; Рижский старообрядческий сборник, 2011. С. 164].

В 1827 году он был вновь привлечен к суду, на этот раз за «перекрещение» двух женщин. Из протокола съезжего двора 2-й Форштадтской части города Риги следует:

«В 18-й день Декабря 1827 года тогдашний частный пристав Шимановский осведомился вечером в 6-ть часов, что правоверная русская женщина по имени Авдотья Васильева, и еще другия женщины будут перекрещены в Старообрядческой моленной, куда оне уже отправились. — В оном протоколе далее значится, что он Шимановский по тому, что по множеству молящихся, которые в продолжение ночи находятся в моленной, невозможно было войти в оную и отыскать тех, на коих сделан был донос, приказал он четверем Полицейским чиновникам наблюдать за моленною в продолжении ночи, которые на другое утро рапортовали, что в полночь во 2-м часу началась молитва, в 3 была стоплена крестильная комната и около 6 часов внесена в оную вода, после сего они оставили свое место, поелику опасались, что будут примечены. Частный Пристав поручил по том оным чиновникам обождать Авдотью Васильеву в квартире ея, где она и была взята под арест в 9-ть часов и после разных отговорок призналась, что она в то же утро наставником Иваном Васильевым Волковым была перекрещена вместе с женщиною Акулиною, отыскание коей равномерно было предписано. В следствие сего частный пристав пошел в моленну и удостоверясь что крещение было действительно совершено, донес о том Г. Полицеймейстеру, который немедленно отправился в моленну, обревизовал метрические книги и отметки, в которых однакож совершеннаго над женщинами крещения записанным неказалось, приказал арестовать

и отвести на съезжий двор смотрителя крестильной комнаты Осипа Петрова и отысканных водоносцев Амельяна Сергеева и Семена Ананьева, которые тотчас признались, что по приказанию Волкова два раза должны были наполнять большую купель водою; а перед замкнутою комнатою удалившагося наставника Волкова оставил трех часовых с приказанием арестовать сего последнего при возвращении его. — Смотритель крестильной комнаты Осип Петров так же признался, что обе женщины Авдотья и Акулина перекрещены были наставником Волковым утром в 6-ть часов, и что он по приказанию Волкова вместе со слепою девкою Афимьею и женщиною Прасковьею Ивановою был восприемником их, что и подтверждено было последне упомянутыми женщинами, когда оне равным образом немедленно приведены были на съезжий двор» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 — 1829 г. Д. 150. Л. 39–39 об.].

Также и отысканная к тому времени женщина Акулина Захарьева призналась, что она в «означенное время» была перекрещена наставником Волковым.

20 декабря в присутствии полицеймейстера, нескольких полицейских чиновников и попечителя моленной Адрияна Панина была отперта келья еще не возвратившагося наставника Волкова и составлена опись его книгам, наличным деньгам и заложенным у него вещам. Всё это было отослано на съезжий двор.

Во время проведения обыска возвратился Волков, как он объявлял, из деревни и на сделанный ему допрос хотя и признался в окрещении обеих помянутых женщин, однако же утверждал, что они назывались «раскольницами», которые сомневались в том, были ли окрещены в своем детстве.

После прибытия 22 декабря священника Симеона Пospelова как депутата с духовной стороны на съезжий двор приступили к формальному допросу обвиняемых.

Наставник Волков повторил свое признание относительно окрещения обеих женщин с замечанием, что он только по их неотступной просьбе решился совершить над ними крещение, при котором свидетелями были смотритель крестильной комнаты Осип Петров и вышеупомянутые живущие в моленной женщины Афимья и Прасковья. Сначала он утверждал, что, кроме этих двух женщин, никаких взрослых людей никогда более не перекрещивал, однако потом признался, что уже года два или три тому назад перекрестил одного приказчика по просьбе «правоверной жены его» и по выдаче ею письменного обязательства, что она жаловаться не будет, а также священнику господствующей церкви доноса не сделает, и что упомянутый приказчик, имени которого не знает, уже помер.

Акулина Захарьева сначала отпиралась, но затем на очной ставке с Прасковьей Ивановой (ее крестной матерью) во всем призналась. Авдотья Васильева также подтвердила факт крещения, а также сказала, что при крещении должна была отречься от Сатаны и церкви (имеется в виду господствующая церковь). На это Волков сказал, что отречение было только от Сатаны, а затем признался, что на самом деле знал о принадлежности женщин ранее к господствующей церкви.

О том, что новокрещенные должны были отказываться не только от Сатаны, но и от господствующей церкви, показали присутствовавшие при крещении слепая девка Афимья Кондратьева (30 лет) и смотритель крестильной комнаты Осип Петров (77 лет, родом литвянин, католик, перекрещенный Волковым в 1812 году). При этом все поименованные лица жаловались на жестокость Волкова и по случаю учиненных признаний просили о защите.

Была сделана опись книг, найденных при обыске у Волкова. Из числа этих книг 23 были признаны «неподозрительными» и возвращены попечителям моленной Панину и Колпакову, а 15 объявлены «предосудительными» и удержаны. Опись «предосудительных книг» была нами обнаружена в другом, более позднем деле, связанном с рижскими староверами:

«Список

Найденных у наставника Ивана Васильева Волкова подозрительных книг старообрядческого исповедания.

1. Скитское покаяние.
2. Требник.
3. Житие и отчасти исповедание чудес Преподобного Василия Новаго.
4. История о отцах и страдальцах Соловецких.
5. Цветник Почаевской типографии.
6. Цветник Гродненской типографии.
7. Рукописная книга о тайне св. крещения и проч. св. таин.
8. Копия вероисповедания старообрядческого христианства.
- 9 и 10. Синодики рукописные.
11. Выписка из писания св. Апостол.
12. Один лист на обе стороны описанный.
13. 14. и 15. Три тетради, писанные рукою наставника Ивана Васильева Волкова» [РГИА. Ф.

1284. Оп. 197 — 1837 г. Д. 50. Л. 22].

(Спустя 10 лет рижский военный губернатор и лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор барон М. И. фон дер Пален 17 мая 1837 года отправил эти книги в Министерство внутренних дел в Санкт-Петербург, сообщая при этом, что тетрадь под № 8 «неизвестно каким образом из Рижского Магистрата пропала и по всем приложенным стараниям до ныне неотыскана». В свою очередь, министр внутренних дел Д. Н. Блудов «препроводил» полученные книги и рукописи вместе с описью митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Серафиму 16 июня 1837 года. Следствие о пропавшей тетради продолжалось и в 1838 году, однако никаких результатов не дало.)

Также наставник Иван Волков был допрошен по поводу найденных у него бумаг, наличных денег, долговых обязательств и заложенных вещей. Среди бумаг было найдено свидетельство о крещении упомянутого выше приказчика Ивана Иванова Милованова. При этом Волков признался в перекрещивании еще 10 человек, имен которых не помнит.

14 февраля 1828 года арестованного Волкова вместе с другими прикосновенными к делу лицами передали в Рижский Магистрат. Вслед за этим Лифляндское губернское правление при предписании от 15 февраля 1828 года препроводило в Магистрат для рассмотрения и законного определения поступившее в это правление из Управы благочиния донесение съезжего двора 2-й Форштадтской части касательно совершенного другим наставником, Мироном Карповым, перекрещения здешнего обывателя Юды Никифорова — в дополнение к производящемуся над Волковым делу. Наставник Мирон Карпов¹ сначала вовсе отрицал факт перекрещения не только Никифорова, но и других, взрослых, кроме купца Андабургского (о чем над ним производилось следствие), но затем сознался, что по приказанию прежних старших наставников перекрестил нескольких взрослых людей, имен которых не помнит.

¹ По сведениям «Дегуцкого летописца», в 1839 г. утонул в Двине [Маркелов, 1990. С. 212, 247].

Попечители моленной обратились к властям с просьбой о выдаче им найденных у наставника Волкова денег и прочих вещей, однако им было объявлено, что до назначения духовного депутата их прошение удовлетворено быть не может.

Духовным депутатом по делу Волкова был назначен священник рижской Александро-Невской церкви Симеон Поспелов, и в следующие дни следствие над Волковым и его соподсудимыми было продолжено. При повторных допросах подсудимые несколько изменили свои показания: в частности, Волков заметил, что 10 человек были перекрещены не лично им, а за все время его пребывания в моленной, т. е. и другими наставниками тоже; перекрещенные женщины на этот раз показали, что отрекались только от Сатаны, а не от господствующей церкви.

13 марта 1828 года был допрошен Юда Никифоров и в тот же день отпущен. Также были отпущены из-под ареста Прасковья Иванова и Акимья Кондратьева. По поводу состояния здоровья Волкова было истребовано лекарское свидетельство.

На время праздничных дней Пасхи, с устного согласия рижского военного и генерал-губернатора лифляндского, эстляндского и курляндского, освобожден был и Волков «для хождения на молитву за поручительством» (2 марта 1828 г.).

По истечении праздничных дней Пасхи поступило известие об ухудшении здоровья Волкова, что не позволяло ему вернуться под арест. Было вытребовано медицинское свидетельство, но по распоряжению Управы благочиния Волкова было приказано снова арестовать.

22 мая 1828 года попечителям Гребенщиковской моленной были выданы из числа взятых у Волкова денег принадлежащая моленной сумма 404 рубля 62 ½ копейки серебром и 13 рублей 2 копейки медью.

В ночь с 22 на 23 июня арестованный смотритель крестильной комнаты Осип Петров умер в тюрьме от нервного паралича.

Попечители не оставляли попыток освободить наставника Волкова из заточения. В июне 1828 года исполняющий должность генерал-губернатора предписал освободить его на поруки попечителей моленной и богадельни (купцов Андрея Михайлова Пименова, Ивана Иванова Леонтьева, Кондратия Абросимова и Кузьмы Григорьева Желтова) с тем, чтобы он в любое время мог быть снова доставлен в суд. Поручители также обязались отвечать за то, что Волков не будет жить в моленной и совершать какие-либо духовные требы. В результате Волков из-под ареста был освобожден. Через два дня на поручительство освободили и Авдотью Васильеву с Акулиной Захарьевой как менее виновных. Следствие затянулось на несколько лет ввиду отсутствия четких и ясных законов относительно «раскольников».

Между тем вступивший на престол в 1825 году император Николай I, начавший свое царствование с подавления восстания декабристов, развернул беспощадную борьбу против любого проявления инакомыслия — как в светской сфере, так и в религиозной. Вскоре эта волна докатилась и до Риги. «Начинается интенсивная переписка между высшими государственными учреждениями по поводу искоренения старообрядчества, в которую были вовлечены генерал-губернатор, министр внутренних дел и лично император. В 30-х годов XIX века начинается самая мрачная и трагическая страница в истории рижского старооб-

рядчества. Застрельщиком гонений выступила Православная Церковь. На отпечатанный экземпляр «Отчета старообрядческого общества» обратил внимание Рижский благочинный, который донес архиепископу Псковскому о том, что в отчете один «раскольник» назван иноком, а часовня наименована «церковью», что незаконно и «вызывает соблазн». Архиепископ в свою очередь обратился к генерал-губернатору М. И. Палену с просьбой принять меры против «раскольников». О процветании старообрядчества в Риге стало известно в самых высших эшелонах власти, в том числе и императору. В результате министерство внутренних дел затребовало у генерал-губернатора детальную справку о местных старообрядцах. Ознакомившись с «Запиской о раскольниках и мнениях о средствах уменьшить число оных», император «собственноручно изволили написать: приказать генерал-губернатору Палену наистрожайше смотреть, чтоб вновь не совращали (т. е. из господствующей церкви. — К. К.), а так как кои в сем обличены будут, предавать суду, отнюдь не отдавая на поруки. Малолетних нищих и бродяг брать всех в кантонисты. Вновь чинить моленных не дозволять, и велеть ныне же освидетельствовать, долго ли еще простоять могут и донести». Начинается полоса проверок рижских старообрядцев, в результате которых выявляются все новые факты их процветания и активной деятельности, из Санкт-Петербурга в Ригу широким потоком пошли грозные предписания по искоренению старообрядчества. Борьба со старообрядчеством находилась под личным контролем государя императора» [Подмазов, 2011. С. 61–62].

Что касается духовных властей, то их не могло не раздражать существование сильной и сплоченной старообрядческой общины в немецком, по сути, городе. Рижский епископ Иринарх не без зависти сообщал в Синод о том, что «рижские раскольники, украшая по произволу свою моленную, содержат при ней многочисленный причт, превышающий штат всякаго Архиерея, ибо одних певчих находится при ней до 20 человек, столько же будет псаломщиков, канонархов, уставщиков и наставников, так что весь причт оной простирается до 40 человек, если не более, их громогласное пение раздаётся на несколько улиц и по всему берегу Двины, который летом весь бывает уставлен стругами или барками. Посему признавая необходимым, дабы и на сие обстоятельство было обращено строгое внимание и при благоприятных случаях употребляемы были меры к постепенному ослаблению такового обольщения», он полагал бы, «что как Православныя Церкви имеют не более трех или четырех человек в причте, то представляется неуместным позволять иметь столь многочисленный причт раскольникам, которым запрещено оказывать свое Богослужение» [РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 16. Л. 571 — 571 об.].

На этом фоне начавшихся новых гонений на староверие вскрылось еще одно дело, касавшееся Ивана Волкова: относительно совершенного им 2 января 1827 года крещения еврейки Сары, нареченной Домной Егоровой. Из дела следовало, что Домна Егорова, 25 лет, будучи допрошена на съездем дворе 2-й Форштадтской части, показала, что происходит от еврейских родителей, которых не знала, называлась Сарой и по ее просьбе была окрещена Волковым в 1827 году «по раскольническим обрядам». При этом она ссылалась на купца Андрея Пименова, который оказывал ей содействие, определил ее на время «обучения закону» в бане своей «сторожкой» (сторожихой) и, наконец, исходатайствовал для нее полицейский

билет, взяв ее на поручительство. Восприемниками ее при крещении были кучер Егор Савельев Каренин и мещанская вдова Анна Антонова.

Запись о крещении Домны Егоровой оказалась в метрических книгах моленной, Андрей Пименов и восприемники Домны также подтвердили факт крещения, однако наставник Волков отрицал свою принадлежность к этому крещению.

Второе вскрывшееся следственное дело поступило в Рижский магистрат при отношении Рижской управы благочиния от 1 ноября 1830 года. Оно касалось совершения якобы Волковым 1 января 1827 года в моленной крещения рожденной тогда дочери православной мещанки Екатерины Ларионовой и принадлежащего к старообрядчеству мещанина и столяра Трифона Васильева, живущего с Ларионовой в незаконном браке. Родители и восприемники девочки подтвердили факт крещения, но Волков его отрицал. При просмотре метрических книг никакой отметки о крещении не оказалось, равным образом и писарь Дмитрий Трофимов Жолтов, который вел записи в метрических книгах с 1826 по 1828 год, ничего не знал об этом крещении.

Однако же по двум последним делам не мог быть устроен допрос, поскольку, согласно медицинским свидетельствам, время от времени выдававшимся уездным лекарем коллежским советником доктором Гринделем и городским и полицейским врачом коллежским советником доктором Лангенбеком, наставник Волков «продолжительно страдает в высокой степени водяною болезнию и по преклонности лет одержим слабостию памяти» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 — 1829 г. Д. 150. Л. 49 об.].

В 1832 году дело все еще не было закрыто, а до генерал-губернатора М. И. фон дер Палена дошли сведения, что Волков не только живет в моленной, но и совершает там духовные требы. В связи с этим генерал-губернатор потребовал освидетельствовать Волкова в присутствии члена суда. 9 декабря 1832 года секретарь суда вместе с градским и полицейским врачом направились в моленную, причем оказалось, что хотя Волков и действительно был найден в малой комнате над моленной, однако же тяжело больным. Поскольку проживание в моленной было нарушением условия отпуска на поруки, поручители были оштрафованы 14 декабря на 500 рублей — в пользу здешних бедных. Также было предписано озаботиться помещением Волкова в другом месте.

Между тем отец перекрещенной Волковым девочки Евгении кучер Трифон Васильев объявил, что он не только готов возвратить свою дочь в лоно господствующей церкви, но и сам готов туда перейти, а съезжий двор засвидетельствовал 28 мая 1836 года, что обе перекрещенные Волковым женщины умерли.

Наконец, 1 июня 1836 года Рижский магистрат «в сем многосложном деле» своим мнением определил: подсудимого Ивана Васильева Волкова, ныне 71 года, раскольника и бывшего раскольнического наставника, за перекрещение двух женщин, а также еврейки Сары и девочки Евгении доставить под конвоем в Лифляндское губернское правление «для ссылки в Закавказские провинции для водворения». (По предъявленному ему обвинению, в случае его способности к военной службе его следовало отправить на военную службу в Кавказский корпус.) Далее в определении магистрата говорилось: «Естьли же он по преклонности лет и продолжающейся уже несколько лет болезни его по мнению Лифляндской Врачебной

Управы, которое наперед должно быть истребовано, не может быть сослан, то представить его в Лифляндский Приказ Общественного Призрения для содержания в заведениях онаго на Александровской высоте состоящих» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 — 1829 г. Д. 150. Л. 51 — 51 об.].

Однако далее дело пошло по различным инстанциям: 28 декабря 1838 года было представлено рижскому военному и генерал-губернатору лифляндскому, курляндскому и эстляндскому, в 1839 году дело дошло до министра внутренних дел и было вынесено для обсуждения на заседание Комитета министров. Рассмотрев дело, новый министр внутренних дел граф А. Г. Строганов заключил, что в случае слабого здоровья, если Волкова нельзя будет отправить на Кавказ, то его следует отправить в один из православных монастырей, по назначению высшего духовного начальства, и там за ним учредить строгий надзор, «поручив настоятелю сего монастыря благоразумными советами и увещаниями стараться обратить его на истинный путь веры» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 — 1829 г. Д. 150. Л. 59 — 59 об.]. На своем заседании 10 октября 1839 года Комитет министров утвердил это мнение министра внутренних дел.

Как писал русский публицист и историк раскола и старообрядчества А. С. Пругавин, «одну из самых мрачных страниц в истории России, без сомнения, займет описание “монастырских заточений”, которые так широко практиковались у нас духовными и светскими властями и притом практиковались до самого последнего времени, до самых последних дней. Достаточно сказать, что даже начало XX столетия, первые его годы, были опозорены у нас существованием монастырской крепости, сырые и мрачные казематы которой нередко переполнялись заключенными, попадавшими туда обыкновенно без всякого суда и гнившими там в продолжение целых десятков лет, весьма часто и до самой смерти» [Пругавин, 1905. С. 3].

16 ноября 1839 года Лифляндской врачебной управой было выдано медицинское свидетельство о болезни Волкова, в котором говорилось, что он, «имея более 70 лет отроду, страдает удушием, кашлем, увеличивающимся при всяком движении, сверх того он жалуется на частое головокружение. По сим болезненным припадкам и преклонности лет Волкова, Лифляндская Врачебная Управа полагает, что он не может быть отослан для водворения в Закавказския Провинции» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 — 1829 г. Д. 150. Л. 68].

На соответствующий запрос из МВД обер-прокурор Синода писал 30 декабря 1839 года министру внутренних дел: «Святейший Синод определил раскольнического наставника Ивана Волкова заключить в Толгский монастырь Ярославской Епархии, и в следствие сего предписал тамошнему Преосвященному учинить по сему зависящее от него распоряжение, с тем чтобы об образе жизни и об успехах увещаний того раскольника в монастыре доносимо было Святейшему Синоду по-полугодно» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195 — 1829 г. Д. 150. Л. 71].

8 марта 1840 года наставник Иван Васильевич Волков был отправлен под полицейским надзором из Риги в Ярославль для заключения в Толгский монастырь. В монастырь он был доставлен 20 марта 1840 года. О дальнейшей судьбе наставника Ивана Волкова, к сожалению, никаких сведений пока обнаружить не удалось. Судя по состоянию здоровья и преклонности лет, свою жизнь он закончил в Толгском монастыре в Ярославле.

Литература

- Волович А.И. История староверия в б. Прибалтийском крае // Родная старина. 1927. № 1. С. 10–13.
- Волович А.И. Пятидесятилетие Гребенщиковского училища в г. Риге. Исторический очерк состояния училища с 1873 г. по 1923 г. Рига: Рижская Гребенщико́вская старообрядческая община, 2022. 244 с.
- Документы о правовом статусе староверов Риги в первой половине XIX в. (Публикацию подготовила Фейгмане Т.Д.) // Рижский старообрядческий сборник. Материалы по истории староверия. Вып. I / Составитель Иларион Иванов. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2011. С. 65–380.
- Иванов А.И. Сказание о Рижской Гребенщико́вской старообрядческой общине. Книга I (XVIII столетие — 1904 г.). Рига: Рижская Гребенщико́вская старообрядческая община, 2021. 240 с., илл.
- Иванов А.И. Страницы истории: к 150-летию Гребенщико́вского училища в г. Риге // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2023 год. СПб., 2022. С. 63–68.
- Латвийский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 1. Оп. 10. Д. 106. Дело о закрытии старообрядческой молельни в г. Риге. 1827 г.
- Маркелов Г.В. Дегуцкий летописец // Древлехранилище Пушкинского дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 166–248.
- Подмазов А.А. «Правила Паудуччи» как исторический источник // Рижский старообрядческий сборник. Материалы по истории староверия. Вып. I / Составитель Иларион Иванов. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2011. С. 47–64.
- Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством: К вопросу о веротерпимости. 2-е изд. М.: Посредник, 1905. 208, [1] с. : 21.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 114. Д. 544. О духе рижских раскольников и причинах нерасположения присоединиться к Православной Церкви и о прочем.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 195 — 1829 г. Д. 150. По указу Правительствующего Сената о раскольническом наставнике Иване Васильеве Волкове, сужденном за переkreщение в раскол двух женщин православного исповедания.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 197 — 1837 г. Д. 50. По Высочайшему повелению о рижских раскольниках. Часть III.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 16. Приложения к журналам Секретного комитета по делам раскола за 1838 год.
- «Рижские статьи» 1813 года. Публикация текста и комментарии Н.А. Морозовой // Рижский старообрядческий сборник. Материалы по истории староверия. Вып. II / Составитель Иларион Иванов. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2011. С. 283–320.
- Рижский старообрядческий сборник. Материалы по истории староверия. Вып. I / Составитель Иларион Иванов. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2011. 384 с.
- Юхименко Е.М. Староверческий наставник Яков Васильевич Холин (1753–1820): к истории связей Москвы, Петербурга, Стародубья и Риги // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2021 год. СПб., 2020. С. 58–66.
- Яковлева А.Я. Григорий Семенович Ломоносов // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2023 год. СПб., 2022. С. 68–70.
- Яковлева А.Я. Страницы истории Рижской Гребенщико́вской старообрядческой общины. Исследование биографии и деятельности С.Г. Дьяконова. И.Ф. Тузов // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2024 год. СПб., 2023. С. 63–70.

82 References

Documents on the legal status of the Old Believers of Riga in the first half of the XIX century. (The publication was prepared by Feigman T.D.). Riga Old Believers Collection. Materials on the history of the Old Belief. Issue I. Riga: Old Believers Society of Latvia, 2011, pp. 65–380. (In Russian)

Ivanov A.I. The Legend of the Riga Grebenschchikov Old Believer community. Book I (XVIII century — 1904). Riga: Riga Grebenschchikov Old Believer community, 2021, 240 p. (In Russian)

Ivanov A.I. Pages of history: to the 150th anniversary of the Grebenschchikov School in Riga. Calendar of the Ancient Orthodox Pomorian Church for 2023. St. Petersburg, 2022, pp. 63–68. (In Russian)

Latvian State Historical Archive (LGIA). Fund 1. Inventory 10. File 106. The case of the closure of the Old Believers' chapel in Riga. 1827. (In Russian)

Markelov G.V. Degutsky chronicler. The ancient repository of the Pushkin House: Materials and research. Leningrad, 1990, pp. 166–248. (In Russian)

Podmazov A.A. "Paulucci's Rules" as a historical source. Riga Old Believers Collection. Materials on the history of the Old Belief. Issue I. Riga: Old Believers Society of Latvia, 2011, pp. 47–64. (In Russian)

Prugavin A.S. Monastic prisons in the fight against sectarianism: On the issue of religious tolerance. — 2nd ed. Moscow: Intermediary, 1905, 208 p. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 796. Inventory 114. File 544. About the spirit of the Riga schismatics and the reasons for their reluctance to join the Orthodox Church and other things. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 195 — 1829. File 150. By decree of the Governing Senate on the schismatic mentor Ivan Vasiliev Volkov, who was condemned for the re-baptism of two women of the Orthodox confession into a schism. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 197 — 1837. File 50. By the Supreme command of the Riga schismatics. Part III. (In Russian)

The Russian State Historical Archive. Fund 1473. Inventory 1. File 16. Appendices to the journals of the Secret Committee on Schism for 1838. (In Russian)

The Riga Articles of 1813. Publication of the text and comments by N.A. Morozova. Riga Old Believers Collection. Materials on the history of the Old Belief. Issue II. Riga: Old Believers Society of Latvia, 2011, pp. 283–320. (In Russian)

The Riga Old Believers Collection. Materials on the history of the Old Belief. Issue I. Compiled by Hilarion Ivanov. Riga: Old Believers Society of Latvia, 2011, 384 p. (In Russian)

Volovich A.I. The history of Old Belief in the Baltic region. Native antiquity, 1927, no. 1, pp. 10–13. (In Russian)

Volovich A.I. The fiftieth anniversary of the Grebenschchikov School in Riga. A historical sketch of the state of the school from 1873 to 1923. Riga: Riga Grebenschchikov Old Believer community, 2022, 244 p. (In Russian)

Yakovleva A.Ya. Grigory Semyonovich Lomonosov. Calendar of the Ancient Orthodox Pomorian Church for 2023. St. Petersburg, 2022, pp. 68–70. (In Russian)

Yakovleva A.Ya. Pages of the history of the Riga Grebenschchikov Old Believer community. A study of the biography and activities of S.G. Dyakonov. I.F. Tuzov. Calendar of the Ancient Orthodox Pomorian Church for 2024. St. Petersburg, 2023, pp. 63–70. (In Russian)

Yukhimenko E.M. The Old Believer mentor Yakov Vasilyevich Kholin (1753–1820): on the history of relations between Moscow, St. Petersburg, Starodubye and Riga. Calendar of the Ancient Orthodox Pomorian Church for 2021. St. Petersburg, 2020, pp. 58–66. (In Russian)

доктор филологических наук, профессор факультета русистики, восточноевропейских и евразийских исследований, Орегонский университет

1585 E 13th Ave., г. Юджин, штат Орегон, 97403, США
E-mail: tbmorris@uoregon.edu

Макар Афанасьевич Зенюхин (1938–2020 гг.)

Цикл рассказов староверов Орегона начинается с рассказов одного из самых авторитетных духовных лидеров старообрядческих общин. Это известный среди староверов человек Макар Афанасьевич Зенюхин (1938–2020 гг.), беспоповец часовенного согласия, многолетний помощник наставника молеельного дома во имя Святителя Николы в Орегоне (1985–2014 гг.), чья жизнь прошла в переселениях (Китай, Аргентина, Америка, Россия). На примере его судьбы можно проследить последствия расколов XXI в. в общинах староверов-беспоповцев Северной Америки. Макар Афанасьевич Зенюхин — многолетний большой друг профессора Ричарда Морриса, который называл его народным академиком. Доверительные отношения с ним установились и у меня. На протяжении 10 лет он являлся одним из наших основных информантов. Незаурядная личность, пример старовера твердого в вере, кровно заинтересованного в сохранении родного языка. В данном номере журнала «Старообрядчество» представляются рассказы старовера о бегстве его родителей из России, жизни в провинции Синьцзян Китая, военных стычках там с дунганями, казаками и туркестанами, с усилением распространения в Китае коммунизма, жизни в Аргентине, первых годах жизни в США и бесконечных дорогах между этими странами. Рассказы предваряются краткими сведениями о староверах Орегона и принципами описания диалектного материала.

Ключевые слова: старовер, духовный лидер, Орегон, США, рассказы, переселенцы, старообрядчество.

...

Для цитирования: Моррис Т.Б. Макар Афанасьевич Зенюхин (1938–2020 гг.) // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 1. С. 83–101. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0050

84 Tamara B. Morris

Doctor of Philology, Courtesy Professor, Faculty of Russian, East European and Eurasian Studies,
University of Oregon

1585 E 13th Ave., Eugene, OR 97403, USA
E-mail: tbmorris@uoregon.edu

Makar Afanasyevich Zenuhin (1938–2020)

The cycle of “tales” of the Old Believers of Oregon begins with the stories of one of the most authoritative spiritual leaders in the Old Believer communities. This is a well-known person among the Old Believers, Makar A. Zenuhin (1938–2020), a priestless person of the chapel agreement, a long-time assistant to the priest of the prayer house in the name of St. Nicholas in Oregon (1985–2014), whose life was spent in migrations (China, Argentina, America, Russia). Using the example of his fate, one can trace the consequences of the 21st Century schisms in the communities of Old Believers-priestless in North America. Makar A. Zenuhin is a great long-time friend of Professor Richard Morris, who called him a “people’s academician”. I also established a trusting relationship with him. For 10 years he was one of the main storytellers. An extraordinary personality, an example of an Old Believer who is firm in his faith and has a vested interest in preserving his native language. This issue of the journal “Old Believer” presents stories of an Old Believer about his parents’ escape from Russia, life in the Xinjiang province of China, military clashes there with the Dungans, Kazakhs and Turkestans, the beginning of the spread of communism in China, life in Argentina, the first years of his life in the U.S., and the endless roads between these countries. The stories are preceded by brief information about the Old Believers of Oregon and the principles of describing dialect material.

Keywords: Old Believer, spiritual leader, Oregon, USA, stories, settlers, Old Believers.

...

For citation: Morris T.B. Morris Makar Afanasyevich Zenuhin (1938–2020). *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 1, pp. 83–101.
DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0050

С этого номера начинаем печатать цикл рассказов староверов, проживающих в штате Орегон США с 1960-х гг. Одни из них приехали в Орегон из Китая через Южную Америку, другие — из Турции. В Китае староверы жили в двух далеко отстоящих друг от друга местах: в провинции Синьцзян и на северо-востоке страны с главным городом Харбином. Отсюда их названия *синьцзянцы* и *харбинцы*. Их говоры близки между собой и имеют средне- и севернорусскую диалектную основу. Всех староверов, приехавших из Турции, в Орегоне называют *турчанами*. Диалектная основа их говоров южнорусская. Говоры *турчан* сильно отличаются от говоров *синьцзянцев* и *харбинцев*.

Это рассказы староверов об их повседневной жизни в Китае и в Турции, переселениях, жизни в Южной Америке, первых годах жизни в США, религиозных спорах и расколах, поездках в сибирские скиты и жизни там, о важных и интересных событиях в их жизни, об изменениях, которые произошли с ними почти за 60 лет жизни в США и др. Устные рассказы записаны на диктофон и после их расшифровки представлены в упрощенной транскрипции. В устной речи возможны повторы, перебивы мысли, своеобразный порядок слов и др. В письменных связных текстах явные повторы убираются, но сохраняется структура предложений и никакие слова не добавляются в текст, при этом возможны сокращения текста и перестановки. Выпавшие звуки передаются в скобках при затруднении в понимании слова: *мос(т)*, *бу(д)ет*. Не передаются диалектные звуковые особенности, совпадающие с литературными: аканье, иканье, еканье, оглушение звонких шумных согласных перед глухими шумными и на конце слова и озвончение глухих перед звонкими.

Не отражается на письме *соканье*, т. е. произношение щелевых согласных на месте аффрикат, [с] на месте ц: произносится *оте[с]*, *ходить за грани[с]у*, *в кузни[с]е*, пишется *отец*, *ходить за границу*, *в кузнице*; *щоканье*, т. е. произношение [ш'] на месте ч: произносится [ш']*еловек*, *ве[ш']ером*, *до[ш']*, пишется *человек*, *вечером*, *дочь*; прогрессивное смягчение к после парных мягких согласных и /j/: произносится *то[л'к']я*, *де[н'г']ями*, пишется *только*, *деньгами* и др. диалектные черты.

Поскольку говоры староверов Орегона имеют разную диалектную основу, то их различия учитываются. Так, в речи *турчан* буквой *г* обозначается [ɣ] (*г* фрикативное). Произносится [ɣ]*говорил*, [ɣ]*грамотный*, *скочил на но[ɣ]и*, *завсе[ɣ]да*, пишется *говорил*, *грамотный*, *скочил на ноги*, *завсегда*. В речи *синьцзянцев* не передается произношение [а] на месте [е] в предлогах/приставках *-пере*, *-через*: произносится *пер[а]ехали в Казахстан*, *чер[а]з горы*, пишется *переехали в Казахстан*, *через горы* и др. диалектные особенности.

Отражаются следующие диалектные черты: твердое произношение /ш/ и /ж/: *шастой*, *жана*; твердое произношение долгих шипящих [шш] и [жж]: *тёшша*, *угошшать*, *вожжы*; произношение в существительных двойного мягкого согласного на месте сочетания [Сj]: *собранне*, *разрешенне*, *ночню*; в речи *синьцзянцев* и *харбинцев* утрата смычного элемента в конечных сочетаниях [ст] и [с'т']: *мос(т)*, *надоес(т)*, *жысь* и др. Отражаются формы с -у у неодушевленных существительных м. р. Р. п. ед. ч.: *до Союзу*, *отступали из посёлку*, *не хватало воздуха*. В речи *турчан* передается окончание *-ох* в форме Р. п., мн. ч. существительных: *нет быкох*, *самоих туркох*, *при отцох*. В речи *синьцзянцев* и *харбинцев* отражаются стяженные формы прилагательных и местоименных прилагательных: *глупенька*, *белы*, *русски*, *друго*, *которы*, *така*,

перва, а также стяженные формы глаголов, особенно с ударным и безударным окончанием *-айе-, -ейе-: сделашь, сделат, сделам; умешь, умет, уем*. Отражаются безударные окончания 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения, совпадающие с соответствующими окончаниями глаголов I спряжения: *ходят, крестют, садют* и др. диалектные особенности.

Диалектные слова, встречающиеся в тексте, даны в постраничных сносках. Ударение в них передается полужирным шрифтом: *лесина*. В квадратных скобках даны разъяснения: *Мавритус* [остров в западной части Индийского океана], *Монтевидео* [г. Монтевидео, столица Уругвая].

Данные принципы подачи диалектного материала будут применяться и в дальнейшем во всех представляемых рассказах.

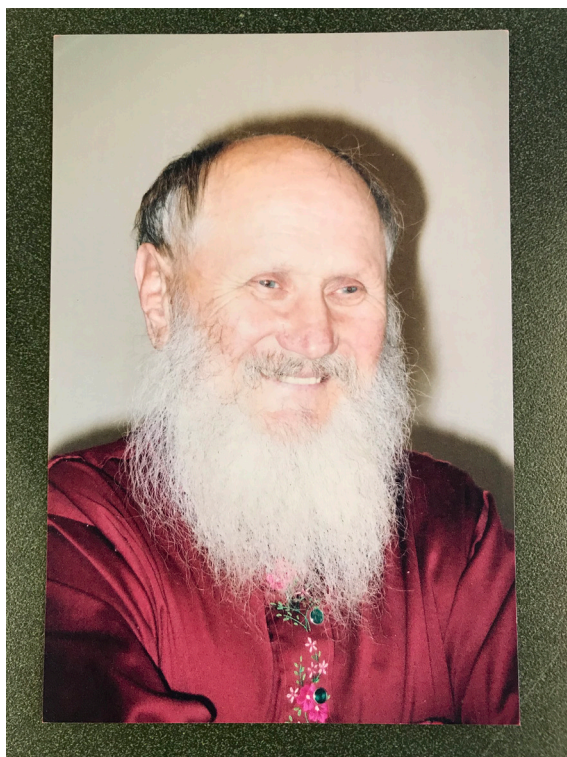

Рисунок 1. Макар Афанасьевич Зенюхин (1938–2020 гг.). Орегон, 2004 г.
Источник: фото Л.Л. Касаткина

Рисунок 2. Таисья Потаповна Зенюхина (урожд. Швалёва) — жена М.А. Зенюхина (1938–2016 гг.). Орегон, 2004 г.
Источник: фото Л.Л. Касаткина

Макар Афанасьевич Зенюхин — один из самых авторитетных духовных лидеров у староверов Орегона, многолетний помощник наставника молеельного дома во имя Святителя Николы в Орегоне (1985–2014 гг.), беспоповец часовенного согласия, *синьцзянец*¹, чья жизнь прошла в переселениях (Китай, Аргентина, Америка, Россия) [Morris 2022].

Родился Макар А. в 1938 г. в провинции Синьцзян Китая, в поселке Ком Алтайского края. Все его образование — четыре класса сельской школы. Занимался в основном обычным крестьянским трудом. В 1955 г. женился на староверке Таисье Потаповне Швалёвой, у них родилось 10 детей.

¹ Синьцзянцы — староверы, приехавшие в США в 1960-е гг. из провинции Синьцзян Китая.

С усилением в 1950–1960-х гг. в Китае коммунистического режима вместе с другими староверами покинул страну. Семью Зенюхиных приняла Аргентина, где они прожили 10 лет. С 1971 по 2014 гг. жили в Орегоне, Макар А. работал преимущественно в лесу. В 2014 г. вместе с женой ушел в Дубчесские скиты², где и упокоился. Многие орегонские староверы считают, что в России ближе к Богу, легче получить спасение, чем в Америке.

М. А. Зенюхин — один из наших с проф. Р. Моррисом основных информантов на протяжении почти 10 лет. Эти интервью были проведены 2 и 3 июля 2014 г. в городах Вудбурн и Монитор штата Орегон (США) мной и Марией Егоренко (студентка колледжа Луиса и Кларка, г. Портланд) [Morris, Egorenko 2014].

Жизнь в переселениях. Родители. Бегство из России. Рождение

Мой отец — Афанасий Фе(о)ктистович Зенюхин, моя мама — Прасковья Фёдоровна Опёнышева. Отец родился под Оренбургом, село Сарабель. Мама родилась под Бийским, около Бийска, деревня Талды. Там, где мама родилась, очень скрытные места были. На Катуне много скитов было. В лесинах³ иконы находили. В горах много было пещор, укрытых мест.

Рисунок 3. М.А. Зенюхин рассказывает Р. Моррису истории из своей жизни. Орегон, 2014 г.
Источник: фото автора

Родители отца переехали в Казахстан, на приток Иртыша, это река Курчум. Тут обосновались уже. А мама переехали туда позже, в посёлок неподалёку, потому что там, в Казахстане, продразверстка не коснулась, а там, в Талдах, здорово ограбили, хлеб по(о)тобрали, страшно было, голод большой был. Потом они переехали туда в Курчум, примерно в (19)24

² Дубчесские скиты — духовный центр староверов часовенного согласия. Расположены в Сибири, на севере Красноярского края.

³ Лесина — отдельное дерево на корню.

году или в (19)23-м, скорее всего. Вот тут, в Казахстане, мои родители встретились и женились, молоды женились, вот что.

Там они прожились⁴, родилось три дочери. А потом трудно стало жить — оне подались за границу. Бежали, просто нелегально через горы на лошадях уехали в Китай. Но не могли они всех, всю семью взять. Одну дочь оставили с бабушкой, с маминой матерью. Приехали там в Китай, пожили. И отец должен был три раза ходить за границу нелегально, чтоб достать⁵ дочь. У бабушки она жила, а бабушка у сына жила, у моёго дяди. Придёт — не отдадут, потому что с их взята крепкая подписка, что если потеряется Фетинья, то они головой отвечают. Но не выдали отца, ничего, а потом решили сами переехать тоже. Вот тут тогда моего дядю, маминого брата с семьёй, и бабушку, мамину мать, всех привёл отец за границу. И тут это уже в (19)31 или (19)32 году так.

Родители, когда пришли из России, обосновались в Коме. Наш посёлок назывался Ком, он был в углу Монголии и СССР. До Монголии, кажется, километров двадцать, а до Союзу, может, километров тридцать было. И вот тут я в (19)38 году появился на свет. То я уже шастой был в семье, а всего в нашей семье было семь детей: Матрёна, Фетинья, Евдокея, Анна, Арина, я и Татьяна.

В тех местах, где мы жили, часто войны и разные стычки были. Мы не жили спокойно.

Дунганская война

Началась война Дунганская. Дунганы — оне исламисты, а казахи большинство с ими, одна вера у их. Дунганы воевали летом. Там зимой не могли воевать: то, что очень большие снега были. Оне куда-то уходили зимой.

Но зима началась тут. Один посёлок выбили казахи. Мушшыны русские были мобилизованы. А оне там собрали женшын и детей, стариков побили⁶. Вот где-ка наши жили, в етим, в Коме, тут много казах было, кажется, 140 мушшын было. Оне уже распределили русских женшын, кому кто достанется. Этих женшын не хотели убивать, хотели в жёны взять. А русских мушшын нету. И их уговаривал дунганец, старик, он был в китайской армии. Как тут китайской армии не стало, он остался как старик. Он уговаривал: «Маленько сгодя⁷, маленько сгодя».

Казахи искали случая как-то в кучу собрать народ, чтоб уже это — кого уничтожить, кого оставить. Поджигали, говорят, избу свою, думали, что соберутся помогать тушить. Никто не пошёл. Не получилось. Хотели напасть, когда собирались молиться в церкву⁸. Не получилось.

Потом наши как-то сумели сообщили русским в отряд, что казахи семейных зорят⁹. Тогда русские ночью зашли в посёлок. Утром объявили собранне, чтоб все казахи собирались. Казахи собрались на собранне, их со всех сторон окружили, и всё. Русские никого не щадили, но разрешали прощаться им со своими. А потом угоняли казахов, там их монголы

4 Прожитья — прожить.

5 Достать — доставить кого-л. куда-л.

6 Побить — убить.

7 Сгодя — спустя какое-то время.

8 Церква — молельный дом у беспоповцев.

9 Зорить — разорять.

стреляли. Оне просили, чтоб не давали монголам стрелять, что монголы, говорят, поганее. Так. Но казахских женшын, детей не били¹⁰. Вот потом детей-то, которых оставили, вот оне вот в (19)44-м уже мушшыны стали. Вот и мстить начали за отцов-то.

А когда это казахов захватили в плен, арестовали, ихный главный говорит: «Бейте нас, не жалеите!» «Ваш Бог сильнее, — говорит, — оказался. Мы бы вас тоже не пожалели». Не просили пощады, ничо.

И вот потом, когда это снег-то стаял, посёлок-то переехал за реку. А китайские войска бросили край и отступили. Многи русски с ими уехали, но некотрые не поехали, говорили: «Почему мы семьи будем бросать, погибать — так вместе». И вернулись. Но маленько оборону держали. Но тут вроде тихо было. Когда снег был, дунганы не напиралаи.

А мосты-то деревянны были. Значит, один пролёт разбросали мос(т), балки оставили только, чтоб можно было переходить. И некотрые женшынны вернулись в посёлок: в бане помыться да куриц покормить. И в это время дунганы напали.

Две женшынны, дочь с матерью, убежали, до места добежали, дунганы тут их настигли. Одну рубанули по голове и косу отрубили чо-то, а вторую пикой, кажется, ткнули в холку. Оне упали, отлежали(сь), уползли. Живы остались.

А вот этой Марфи [Марфа Тимофеевна Шарыпова] бабушка Агафья, она со внучкой спряталась, ночи дождалась и пошла к своим. А ейный старик сказал русским: ночью, говорит, моя бабушка переходить здесь будет, вы не стреляйте. Но она это как-то привязала ребёнка к груди и ползла. Дунганин спал на мосту, она нимо проползла и туда стала. Состукало¹¹. И русский часовой стрелил¹², и как раз ребёнка. Тогда дунган проснулся и в её попал, в ногу, но легко. Девочка жива была, умерла. Всё, говорит, пить просила.

Одна девка со старухой в лесу спрятались, но где-то делали шалашик. Это спрятались без хлеба, без ничего. Но и старуха, видно, замёрзла, пошла на солнышке погреться. Вышла из лесу-то, лягла там на бревно. Ехал один казах, увидал её, захватил, угнал, убил. Эта девка одна осталась. Ей годов двадцать было. Она жила, сорок дней она жила, но питалась ягодой и жива осталась. Спряталась и дождалась своих, нарушилась¹³ немного, глупенька стала.

Дунганы, значит, когда речка-то сбыла, оне перебрели и погнаи в горы. Русские отступали, отстреливались, отступали. До крайности доехали, уже это до советской границы дошли, но не дошли ишо. Побросали это всё, что везли с собой. Некуда ехать. Некотрые плоты сделали и по озеру поплыли куда-то. А куда? А некотрые перешли за границу. Там пограничники советские приехали, стали их звать: «Переходите!» Некотрые ушли туда, в Россию ушли, некотрые остались.

Ети дунганы дошли до етого, где-ка русские вещи побросали, начали делить это всё. И им пришёл приказ, чтоб оне вертались¹⁴. «Чего маленькую кучку гонять по горам, терять время, когда мы центр заберём, ети куда деваются». Вот так Бог спас!

10 Бить — убивать.

11 Состукать — издать стук, шум при ударе; стукнуть.

12 Стрелил — выстрелить.

13 Нарушиться — повредиться разумом.

14 Вертаться — возвращаться.

Ети дунганы, значит, вернулись назад. Ну русские тоже вернулись. Но там посёлок дотла сожгли весь, не осталось. Как оне спасались? Хлеб был посеянный, оне немножко это собрали, питались.

А мушшын всех снова мобилизовали, отправили снова воевать. И мушшыны это осень воевали, зиму были, потом к весне вернулись только. Вот оне так называли «голодный год», потому что тут ишо были каки-то запасы, как-то жили, а на другой год вообще все голодны были. Много умерло, особенно стариков. Там вот в етим Кома много было ну всякой съедомой¹⁵ травы. Саранка¹⁶ была. Питалась этой саранкой. И был это дикий тюльпан, большие луковки. Вот его копали. Коровы-то остались, не всех забрали. На молоке варили кашу из этого и питались.

Наш посёлок тоже разорили, пожгли дома, всё. Потом это как-то обжились.

Стычки с казахами

В (19)44 году снова война началась. Нападали эти, казахи-исламысты. Они власть завоевать хотели, выбить неудобных им. Другой же религии они должны уничтожать были. Русские семьи отступали из посёлку. Китайские власти в то время нас не защищали: хочите жить — защищайтесь сами. Ну не так большие банды нападали, смогли отбиваться от их. Но всегда кого-то убивали. С моёй старшей сестры мужа убили. Просто их захватили. Но в это время они не били женшын, только мушшын. Выбили мушшын, а женшын оставили. Ничего над ими плохо не делали, а просто бросили.

Наш посёлок тогда наполовину выжгли, а наполовину как-то осталось. Наш дом остался, дядин дом остался, отцов брат, дядя был. У нас вот вряд¹⁷ с нами соседи выгорели, всё. У нас половина поселья¹⁸ выгорела. У дядя тоже, они через дорогу жили от нас, это соседи сгорели. В етот год школы не было. Школа сожжёна была.

Но в посёлке нас не было уже, мы отступили. Вишь, оне вначале зашли в посёлок, но не весь отряд. Хотели оне мирно русских взять и воевать против китайцев. Но с ими не согласились. Оне тогда пошли воевать на первый ближайший город Акчии. Там стоял полк китайцев. Казахи наступили, а с других посёлков отступили в этот город, в эту крепос(т)ь, и помогали китайцам отбиваться от казахов. Ну там их потрепали маленько, и оне тогда решили уходить. А этот был у их командушшый. Он казах из Союзу, советский.

То, когда казахи пришли в наш посёлок, тут уже никого пошти не было. Если кто остался, то того убили и подожгли посёлок. Многие казахи были из нашего посёлку, и оне пошли с ими. Но были и друзья. И прибежал один казах и сказал нам: «Уходите, будет плохо дело. Оне злые идут, вас убьют».

А как раз один был, он работал для советских. Он был там за границей и как раз вертался домой и заехал сюда. И он сказал: «Никуда не уходите, оне не заденут никого». Ну и наутро и уехал рано утром.

15 Съедомый — съедобный.

16 Саранка — лилия кудреватая.

17 Вряд — рядом.

18 Поселье — посёлок.

А там русские старики оставались, три старика. Где были дома, там немножко их жило, домов пять, что ли, или сколь было. Оне их там взяли, не убили. Один молодой парень был, тот удрал. Стали подъезжать сюда, эти вроде кинулись молодые-то убежать, а один закричал: «Не убегайте, не убегайте! Плохо не будет». Но оне остановились.

Но их тут сразу взяли, связали. Зарезали коров, стали варить мясо. А эти тут стояли на коленках связаны, и тогда уже стариков связали. Мне сестра рассказывала, что, когда русских-то связали, некоторые казахские женщины плакали. Оне жалели их, знали, что убьют.

Но вот, когда наелись, ну и погнали всех, значит, и женщин погнали. Стариков посадили, но уже как по-зверски посадили на вьючные седла. А этих, которые связанные, оставили. Вот моей старшей сестры мужа, и его от двух сестёр мужей, и один мальчишка шашнадцати лет был. И только отвезли и сразу их расстреляли. Дальше вывезли их куда-то на гору, и женщины отпустили: идите, куда хотите. Коров, лошадей, всё забрали.

И вот женщины, я не знаю, сколь дней скитались, потом пришли пешком. Тех пох(о)ронили первых которых, вернулись назад и пох(о)ронили их. А стариков после оне не нашли, другие нашли уже. Мой отец ездил, ишо другие нашли их. Закопали их, но не глубоко закопали. Пока оне лежали, медведь не трогал. Закопали — медведь разрыл и съел.

А мы уже доехали до другого посёлку, там китайская армия стояла. Но вообще ни к чему не способны были в то время китайцы. Русским не давали оружие, ну давали плохоньку, и сами не защищали. Ну казахи побоялись, больше не напали.

Жгли посёлок это всё казахи. Но фактически они как за Туркестан воевали. Оне хотели вроде его сделать, как там Туркестан сделали — Свободный Восточный Туркестан, но не получилось у их. Русские не согласились с ими.

Наш округ назывался Алтайский край, Алтай. Тут только казахи нападали, им помогали монголы, они с Монголии выходили, с Красной. В Илийском округе, в городе в Кульдже, тут советские организовали по-другому. Значит, китайцев обострили на русских, стали под одно ареставывать русских. А потом ну инструктора приехали из Союзу. Чо, потом организовали восстание, но не русские организовали, эти как, татары, уйгуры, казахи. И тут сразу китайцев выгнали всех, повыбили.

В (19)45 году казахи тоже приходили в наш посёлок, весной. Но тут уже не поджигали ничего. Видно, им запретили.

Туркестаны пришли

У нас в Алтае дружно было с китайцами. А в Кульдже что творилось! Несколько тысяч китайцев выбили, позаморили и оружие не давали, когда из Кульджи пришли полукрасные, туркестаны. Мы в (19)47 году ехали, скелетов валялось везде. На площади было набросано костей горы.

К нам в Алтайский край туркестаны пришли в (19)45 году. Ну наши это уже не могли больше воевать — сдались. Всё равно никого не трогали вначале туркестаны. Разъехались это по домам.

Вот так случилось, младший брат мамин, мой дядя, был в отряде с туркестанами. А в Алтае там был старший брат и моя мама, его сестра, и он решил: повидаюсь с братом и сестрой. И не доехал. Там под городом Буртала бой был с китайцами, его убили.

А примерно в это же время [1945 г.] старший дядя утонул. С женой утонули обое: через речку, через большую, переплывали. Ну, они отступали вообще-то. Но жена захотела, чтоб телят забрать с собой, переплавить¹⁹. Дядя сначала не соглашался, потом, говорят, согласился. Связали телят, положили в лодку, а лодки-долблѣнки такие небольшие были. Речка такая бурная просто. А телят-то плохо связали, они развязались, давай дрыгаться, и корма выпала. Оне обое утонули.

А когда в (19)45 году туркестаны пришли, Синьцзян наполовину разделили, вот. И оне Оспана Батора поставили губернатором. И вначале сразу много прилетело советских специалистов. Он, это, ему не понравилось. Они улетели назад. Потом постепенно начали входить. Тут появляются советские, правление НКВД появилось, и всё. Он тогда видит, что ему будет крышка. Со своим этим, как сказать, племе(не)м (оне на племена делились) они сразу ушли в горы. Ушли в горы, и он начал воевать. Замир^{рился}²⁰ со старой китайской властью. То против их воевал, то к ним ушёл и стал воевать против туркестан.

А потом до (19)47 года ничего жили, так сказать.

Отношения с советскими

В Китае предлагали взять советское гражданство: которы брали, которы не брали. Така раздеряга! А у нас отец отказался, что он не будет брать его. Ну и так насильно не заставляли. В (19)47 году решили это напугать других, выписали 29 семей. Раскулачили их, конфисковали всё — и на высылку. Такие слухи пускали, что нас в пустыню вывезут и расстреляют всех. И мы ничо не взяли почти с собой. Потом уже, когда с этого, с конечного пункта нас отправлять, разрешили по корове всё-таки. Сначала не хотели давать по корове даже. Потом женщины собрались с детьми, там с рѣвом пришли, им тогда дали по корове. И поехали на телегах. И там, значит, мы из Алтайского округу, Тарбагатайский округ второй. Там нас задержали приблизительно это на месяц, може быть.

Видимо, нас хотели домой. А эти, которы в армии-то были ребята, они тогда перешли на другу сторону, к казахам, которые против туркестан. Знаете, 108 человек перешли — и край пал²¹, вот.

Тогда нас отправили дальше, в Илийский округ, в город в Кульджу. Пригнали туда. Главное правительство тут было, в Кульдже, а тее ничего не знают или, может, делали вид, что не знают. Стали нас жалеть, помогать стали. А то мы, когда ехали в дороге, то впроголодь так ехали, трудно. А тут стали давать муки нам маленько, сняли арест и распустили по домам. Помогли нам. Сначала по пуду муки дали на человека, а потом на семью дали 25 пудов как в поддержку. И дали ружья для охоты. Там это много зверев было. Вот мы переселились туда, в посѣлок Чаши.

Мы там с (19)47 года жили до (19)53 году. Места красивые, но подъезд очень трудный был, в горах. Дикая фрукта была: абрикосы, яблоки. Черѣмухи много, малины, всё. Очень хорошо было.

19 Переплавить — перевезти.

20 Замир^{ри}ться — помириться.

21 Пасть — сдаться.

А в (19)50 году пришла армия коммунистическая. Вначале ничего, хорошо относились. А потом, в (19)51 году, осенью, казахи подняли опять восстание против китайцев, но немножко их. Вот это побунтовали маленько, несколько пастухов убили китайцев и убежали в горы.

Потом в (19)52 году назначили это учёбу, политику изучать. Где-то в мае нас всех стогняли, каждый день песни пели и политику учили до июля. Ещё заставят строем идти, маршировать.

Вот в это время арестовали отца и дядю, значит, ишо одного человека арестовали. Отцу приписали обвинение, что он был белый полковник и, когда за границу уходил, убил красноармейца. А второму тоже полковника «дали», но тот хоть был на военной службе, проходил, а мой отец-то нет. Тот 17 человек «убил».

Ну думали, что расстреляют их. Много расстреляли, просто публичные расстрелы были. Но потом месяца два там побыли, отпустили их. Всё, вышла амнистия, всех распустили, свободы дали. Ну там тогда, раз такое получилось, то решили больше не жить в етим посёлке, нужно уезжать отсюда. Всё равно это повторится снова.

Женитьба. Работа в коммуне

Вот мы переехали в другой посёлок, где-ка вот мои сёстры жили замужние. Назывался Тургенчаган. Но тут мы, значит, с (19)53 году жили до (19)59 году. Тут я женился в этом [на Таисье Потаповне Швалёвой]. Таисын папаша из Лысьвы Пермской области. У нас до отъезда из Тургенчагана трое детей уже было. Мы в 1955 году женились. На свадьбе мало народу было, потому что у их родственников вообще никого не было, а у нас тоже там мало народу было. Только мои сестры гуляли, там ишо зять Федосей.

Нас «пригласили» работать в коммуне. Осенью мы в (19)58 году работали на шахтах. Под наш дом вели шахту. Всё у нас дворы, всё убрали и понаставили эти, домны, печи эти. Нас в друго место отправили. А прямо от речки до нас вели шахту. Там каменный уголь был. Просто делали такие примитивные печи: большие, круглые. Их с камней выкладывали, таки вышиной чуть выше метра. Под низ делали трубы, и там это топки. Забивали вот так посередке трубу и зажгли. Он загорался, сторал, его заливали и его выламывали. Это кокс, настоящий кокс делали. Мы-то работали в шахтах, крепления ставили. Но мы месяца три там работали.

Потом нас послали на лесоповал в январе. На лесоповале лесничество стало платить. Оне валили лес и продавали для шахтов его. Вот по сих пор [показывает] по снегу бродили. Закончили там. Нам предлагали, тут уже добровольно, в другое место поехать, далёко от дома. Мы сказали, что мы посоветовам там дома сначала. Они говорят: «Нет!» Но на нас накричали, что это призыв партии, а вы советуетесь с женами, у вас жёны выше партии. И нас бросили. Оставайтесь! Но мы думаем, что хорошо. Остались.

А потом, в конце марта, нас «пригласили» в коммуну. Вот я это там работал май — июнь — июль — август — сентябрь — октябрь. Сначала работал в кузнице, потом — на хлебоуборке. А потом едва отпросился домой. Как раз меня дома не было, у нас Антонида родилась. Отпросился домой. С меня взяли слово, что через день приеду. Я пообещался, что приеду через день. Приехал, а там тоже много работы было: дворы для скота делали и всё.

Маленько меня оставили. Приехал председатель коммуны, накричал на меня, а потом согласился, оставил.

Я помню, китайцы как над нами тряслись: «Братья наши, братья». Еще не расскандалили тогда китайцы с советскими, а потом и пошло, как Сталина выбросили.

Перед выездом в Гонконг

А нам уже оформлялись бумаги в Гонконге, за границу ехать. Нам посылали из Гонконга помощи — немного денег. А деньги можно было получить только в городе, в Кульдже, в банке. И должен лично каждый сам приехать, но чтоб всех не посылать, это собрали нас на собрание в полицию, объяснили, как и что, и спросили: «Кого назначите поехать в город получить деньги?» Ну меня попросили как из одного посёлка, из другого — другого мужика. Полицейский нам дал документы. Никак не давали документы никуда, а тут написали, что это разрешатся нам ехать. Мы приехали до этого посёлка, где-ка-то штаб коммуны. Тут нам и второй документ дали: тот от полиции был, а тут — от коммуны. И я тогда стал просить лошадь, чтоб мне поехать. «Да, мы должны тебе дать лошадь. Дадим, дадим». «К тому сходи», — говорят. К тому пойду. «К тому сходи». Ну, пошёл к третьему. К третьему пришёл. Он говорит: завтра утром, говорит, беги к прокурору (а прокурор выехал), чо он тебе скажет.

А мой компаньон был другого отряда. Он утром пошёл тоже в свой отряд и говорит: «Макару дали коня, и мне давайте коня». Оне ему дали коня.

Я пришёл к прокурору. Он мне: «А твой отец где?» Я говорю: «Не знаю где». Он говорит: «Нет, ты знаешь, где твой отец. Зачем вы поедете?» Я говорю: «Вот, деньги получать». — «Какие деньги?» Я достаю эти повестки: «Вот колонна». — «Откуда это?» — «Из России, из Союзу». — «А кто вам посылат?» Я говорю: «Наши эти священники, наши муллы посылают». Богаты, говорит, ваши муллы. Богаты. Он читат, а адрес-то Гонкон(г). Гонкон(г), говорит, в Союзе? Я говорю: «Думаю, что в Союзе». — «В Союзе!!!».

А этот, второй, смотрел бланку. Как только прокурор сказался, он сразу бросил, затрёсся, сидит. Пальцем мне грозит прокурор: «Счас же... Ты где работал?» Я говорю: «В кузнице работал». — «Иди в кузницу». — «Хорошо». Встал и пошёл. Пришёл. А мой компаньон там уже с конём.

«Ну чо, тебе дали коня?» — «Ага, дали, час догонять да давать будут ишо». Я говорю: «Счас же запрягай — и за мной, а я пошёл. Складай²² мои вещи и за мной айда²³».

Я пошёл. Выхожу только, у которых остановились, выхожу недалёко. Идёт навстречу ко мне этот кадр, который послал меня к прокурору: «Ну чо тебе прокурор сказал?» Я говорю, что прокурор послал меня вот в Добжин Булак (такое место, где-ка китайский отряд работал. Летом у их там была маленькая доменная печь, топили железо), что у их, поди²⁴, машина пойдёт в город. А там не только машин, даже дороги нету, всё снегом завалено. Он идёт, заулыбался такой, думает: «Вот прокурор его надул». Ну я и подался. А мой компаньон так шагал, что меня к полдням догнал.

22 Складать — складывать.

23 Айда, междом. — употребляется как приглашение или побуждение идти куда-л.: пойдём(те), иди(те).

24 Поди, в знач. междом. — вероятно, наверное.

Ну приехали в город, получили деньги. Я больше не вернулся домой. Жане написал, что давай выбирайся как-то в город, проси тех, других. Она засобиралась. А ишо были русские шофера на попутных машинах, которые возили это кокс. Попросили одного шофёра, чтоб он их вёз до городу. С ними приехала еще одна семья староверов.

А Таисья к матери перешла жить. Свой-то дом китайцам продали. Её матери сестра была, тётка Таисьи, она слепая была. Ну Таисья взяла Тоню нашу, она грудная была, ету бабушку взяла слепую и приехали в город. А тогда хватились из коммуны, что люди побежали. Ну они из коммуны приехали, забрали мою тёшшу и дочку Пану, которой пошел пятый год. Забрали и увезли в коммуну туда. Но знакомые, друзья всё хорошие, эти казахи. Тёшша рассказывает, что какой-то хороший шибко²⁵ казах угадал. Так всё поддыхивал²⁶, говорит, и нам помогал, вёз нас хорошо.

Вот Таисья собралась, даже фотографии не взяла свои. Фотографии были. Всё бросила это, всё. Привезли их в Кульджу. Шофёр подвёз их, прямо коло²⁷ полиции сгрузил ночью. То муж моей сестры (там они в городе жили) куда-то ходил рано, увидал их. Ну вывел оттуда их, вот привели. Теперь у нас пошти вся вместе семья, только осталось дома двое: старшая дочь и тёшша.

Но оне в коммуне потом их там подержали, их надо кормить. Тогда им дали разрешение и отправили. И вот они пешком шли приблизительно километров сто двадцать. Три семьи их, вообще неполные семьи, шли с ними вместе. И вдруг эти двое беспомошные. Тем как-то маленьким помогают, а моёй дочке некому помогать. Тёшша сама чо-то несёт с собой маленько. Вот Прасковья поплачет-поплачет, опять, говорит, идёт. Не знаю, сколько оне, дня два шли или сколь. Дошли, приехали.

Вот тут уже нам разрешили это оформляться и ехать в Гонкон(г). Мы в ноябре подались из Китая. Нас вначале сверху на грузовике везли четыре дня до железной дороги. Потом эта тут уже нас хорошо отправляли. Я не знаю, мы, я думаю, больше недели ехали до Кантону. В Кантоне дня три прожили, отправили нас уже в Гонкон(г). На границе нас совсем обтрясли, чо было, всё забрали и отправили.

Приехали в Гонкон(г), тут уже наши мытарства кончились.

В Гонконге

В Гонкон(г)е мы недели три прожили, нас посетил дифтерит. Некотры заболели. Вот когда ехали по Китаю, где-то нахватались. То мы на карантине целый месяц были. Ни к нам никого не пускали, и нас они не пускали. Полицейские сидели в дверях. И мы хотели в Бразилию уехать. А у нас в семье как был человек больной, инвалид. Бразилия инвалидов не принимала. Хотя она уже умерла там, в этом, в Китае. Это слепая тётка. Но когда это пере(о)формит. И нам вобче готовили визу в Парагвай. Но потом от Бразилии отстали, тогда объявилось в Аргентину. И нас, четыре семьи, тогда собрали в Аргентину.

25 Шибко — сильно.

26 Поддыхивать — сочувственно вздыхать.

27 Коло — около.

Дорога в Южную Америку

[19]61 год. Посадили нас на пароход голландский, океанская королевская компания «Интер». Вот мы пошти два месяца болтались на пароходе. Вначале приехали в Сингапур. Тут нас, это, не пустили в город. Сходили мы на землю, но в город не пустили. Сзаде, с кормы, у нас стоял польский пароход «Адольф Уварский». А мы в корме ехали, счас подымешься — и корма. Мы стояли в корме. Эти увидали, матросы: «Эй! Вы русские?» — «Русские». И щас только топа, топа, топа — и летят суда! Встретились, разговаривали. А за ими стоял советский пароход. Те это, вот встречались в порту-то где, проходят как мимо пустого места, всё по трое идут. Раз-два глазами поведёт, и всё. А поляки позвали к себе в гости нас. Ночью хотели, это, нас водкой угошшать. Бегал, искал, искал, говорит: всё, говорит, этот спрятал. Ничо нету.

Из Сингапуру поехали мы, ишо в каком-то порту останавливались на рейде. Там все каучук грузили оне. Потом мы доехали до острова мавританской, Мавритус [остров в западной части Индийского океана]. Это не так далёко от Борнео. Вот мы дня два простояли и, это, поехали дальше до Африки. Приехали мы в португальскую колонию, в Южной Африке была португальская колония. Вот где страшная жысь была! Эти негры вопше так заморёны. Из мусорников доставали эту еду. Которы, видно, не работают. Японцы с нами ехали. Никого не спускали на берег. Ну, японцы набивались²⁸, набивались, набивались — спустились. Один спустился на берег, подошел полицейский, ему показыват: «Иди наверх». Он не идет. Полицейский его этой дубинкой по спине ударил. А японцы уже приготовились там, бутылки натаскали. Как взяли туда лупить. Мы думали, что бунт будет какой-то. А тут эти грузчики, негры, да как бараны, из угла в угол бегают, перепугались. Ну тут это, команда пароходна усмирила японцев, местная полиция с автоматами приехала, стояли.

Приехали оттудова, город Дурбан. Это уже Южно-Африканская республика была. А тут это мы не поняли, что то означало, большая (в)стреча была. А пароход-то был голландский, а там эта Южная Африка фактически была заселёна голландцами, этими бурами. Много народу пришло, (в)стречали. Видно, свои там и всё это.

Дня три пробыли. Мы пошли в парк. Тут нам разрешали ходить, куда хочешь иди. Пришли в парк, сели на бордовы скамейки, подходит полицейский: «Уходите!» Мы ушли, на други скамейки сели на бордовы. Он пришёл опять нас угнал: «Уходите». Раз угоняют, мы пошли отсюда. Чо делать, нельзя, видно. И не понимаю, в чём дело. Ну сходили на пароход, посидели, снова пошли. Как-то случайно сели на белу скамейку, и подошел индус, по-русски говорит. Мы ему говорим: «Садись!» Он не садится. «Почему?» Он тогда объяснил, в чем дело. Вам, говорит, вон на те нельзя садиться, на бордовы, то для черных, а нам нельзя на белы садиться, говорит. В центре города ни одного не было негра.

Вот тут мы первый в жизни увидали, что женщины в таких трусах [короткие шорты] ходят [показывает руками выше колен]. Как-то неловко нам показалось. Потом оттуда переехали в порт Элизабет. Там ночь ночевали или как ли. Оттудова переехали в Кейптаун [второй по населению город Южно-Африканской Республики]. Это мыс. Дальше Атлантический океан начнётся. В то время ишо же эти городки были как деревни.

28 Набиваться — просить о чем-л.

Тут побыли, поехали. Тут нас дня два ли, три ли хорошо потрясло. А потом опять спокойно пошёл. Приехали в Рио-де-Жанейро. Ну больше недели плыли, надоес(т) всё-таки. Тут хорошо, тихо. Ночь ночевали на рейде, как раз на Паску. Пробыли день в Рио-де-Жанейро, поехали, это, дальше на юг, город Сантос. Тут, в Сантосе, половина нас сошла на берег. Эта сестра, моя сестра с семьёй, с мужем, ишо другие, сошли оне в Бразилию, а нас повезли дальше. Приехали мы в Монтевидео [г. Мондевидео, столица Уругвая]. Тут мы, кажется, день или два ли были, забыл, пробыли.

И к ночи нас повезли в Аргентину. В Буэнос-Айрес приехали ночью. Пришвартовали нас. Тут народу собралось! Мы думали, это нас встречать пришли, а это с нами из Африки приехал поп католический. Мы его видали. Его встречали, а он из Анголы, там преследовали уже религию. Его пришли это встречать монашки. Много монашек пришло и таких. А он ходил не в ризе на пароходе, а тут в ризу нарядился. Мы поняли, вот в чём. И вот мы приехали в Аргентину. Это уже был конец нашего пути.

Рисунок 4. М.А. Зенюхин в Буэнос-Айресе. 1963 г.

Источник: фото семьи Зенюхиных

В Аргентине нас вот встретили. Сначала представили от Совету церквей — итальянец пришёл, потом прибежал переводчик Алмазов. Поздоровались, всё. Он объяснил приблизительно нам, как что. Сели в автобус, нас повезли на край города. Там вот это, ишо не было дорог вокруг. Там мы не могли подъехать до этого, до квартиры, пешком должны были идти. Грязь. Дожди прошли. Там русски жили. Вот тута бывших генералов, офицеров встретил. Вот один был генерал Борис Николаевич, он на Кавказе воевал, картавил он, он из немцев был. «У меня были в отряде староверы, самые верные солдаты были». Мы что-то с месяц прожили у их.

Потом нас на поезд — и привезли. Сутки ехали мы. Встретили нас, посадили на грузовики и повезли. Мы думали, там это Голубая долина называлась, куда нас везли, думали, такая зелень, всё. Завезли — там пустыня. Сухо. Где орошено, растёт, а где не орошено — нет. Вот для нас там уже построили этот барак. Зашли — мешок с хлебом стоит, мешок картошки и окорок мяса коровьего. А мы голодны. Давай скорей варить. Печка уже затоплена, труба. А там это воду брали из колонок. Только что была забита колонка, но нисколько не обработана. Наши женщины пошли накачали воды, а там песку столь-то сколько. Наварили, уже вечер был. Стали ись — хрустит на зубах. Ись охота. А мясо поись — но оно всё в песке. Мы прожили месяца полтора ли, как ли два и стали строить свои дома. Вот здесь вот наше путешествие кончено.

Жизнь в Аргентине

В Аргентине сразу нам дали переводчика. Я с им подружился. Нам помогали. Дали материал на дом и земли по гектару дали. Вначале нам давали продукты: муку давали, масло, рис, сахар. Давали сколь съешь. А должны мы были больше работать у хозяев. Сажали там помидоры в основном. Вот дожили до весны, стали садить помидоры. Не умеем, их как садить. У нас раньше садили это на грядках в луночки. Так разгребёшь да посадишь. А тут если гектарами садить, то как их разгребать. Они сделают гряды и в борозды пускают воды. Туда проходит, разносит, потом как идти по етому, закручиват гачи. Берёшь в горсть рассады — и шлёп, шлёп, шлёп, шлёп, шлёп. И много рассадишь. То к вечеру садили. Сотни четыре посадишь да больше, больше. Я уж забыл сколько. После этого прирастут, надо их подгрести. Всё нас нужно учить нас, у нас не так работалось. У нас если помидоры садили, то вот с такой домик только. А тут площади, гектары. Привыкли, прижились, хорошо стало. Мы прожили в Аргентине десять лет.

Рисунок 5. Дом Зенюхиных в Аргентине. М.А. Зенюхин и Т.П. Зенюхина крайние справа.

Источник: фото семьи Зенюхиных, 1962 г.

Мы знали Муравьёва. Он был директором на Латинскую Америку. Его фамилия Муравьёв-Апостол. У нас не понимали, что это просто двойная фамилия. Говорили: что вы Муравьёву дали чин апостола?

Дорога в Орегон

Пугана ворона куста боится. В Чили заступил коммунист, президент Оленди [Сальвадор Альенде]. И вот чилийцы побежали, которы богатые, оттудова. Там много русских было, тее убежать начали. Ну и мы решили тоже тягу давать. Но у нас уже сёстры все были в Америке, а нас в Америку не пускали. Которы подделали документы и уехали. Но старшие сёстры родились в России, им просто. В то время русским давали паспорт и сразу давали визу, никакой квоты. Югославам три года квота, а мы, как китайцы, двадцать пять лет. И мы думать забыли даже об етим. А потом Толстовский фонд тут договорился с этим, с правительством. Правительство помогали, что специалистов в Америку надо. Ну вот мы стали специалистами. Но я, по правде сказать, имел эту специальность плотника. Здесь контракт сделали, что американцу надо рабочего. Когда уже получали визы, там это, котора выдавала девчонка, вы, говорит, можете на любой работе работать там, говорит, на любом месте жить. Не обязательно это. Вот приехали.

В Вудбурне у меня сёстры уже жили. Уже чатыре сестры жило здесь. Уже переписку имели. Прилетели в Лос-Анджелес, а там аргентинин договорился с компанией, чтоб нас устроили. Пересадку нам помогли сделать. А этот нас, который (в)стретил, представитель компании этой аргентинской авиаинии, и вывел нас. Вон туда, говорит, идите вон. Там заходите в тот билдинг²⁹, там это. Ну и мы пришли, а жара такая. А у нас в Аргентине там холодно, зима. А тут жара. Я сопрел весь. Каждый тащит шмутки, всё. Пришли. Ну и пошёл я там ходить искать терминал, где откуда нам лететь. Встал в улице и спрашиваю: «Кто говорит по-испански?» Никто не умет. Одна девка стоит. Я говорю: «Ты говоришь по-испански?» — «Си». А больше ни слова не знат.

Потом попались рыбаки из Гватемалы. Я говорю им по-испански — они понимают меня. Они говорят — я не понимаю. С трудом, с трудом. Другой диалект. Это вот единственно — это вот это Гватемала. И у мексиканцев, у перуанцев, у всех, у кубинцев можно понять. У кубинцев так настоящшый этот кастелянский язык. Такой мяхкий, вежливый. Показываю билет, вот. Вот они меня таскали туда-сюда. Я уже забоялся, думаю, заведут меня и где-нибудь пристукают. Водили, водили, дошли.

Пришли тут, американец хорошо говорит по-испански. У м(е)ня не хватало толку, чтоб он позвонил это суда, сообщил, что мы прилетели. Сидели мы всю ночь в аэропорту. В то время ишо ночью не вылетали. Плохо спалось, хоть там спокойно, диваны стояли там. И просидели ночь. Прилетели в Портланд. В Портланд прилетели, а эта стюадресса [стюардесса] говорила по-испански. Я говорю: «Ты сообщи нашим сюда, чтоб нас встретили». Она побежала, позвонила, позвонила, никто телефон не берет. Оне на работе. Но попросила другого, что ты, говорит, иди, им позвони. И сказала: «Стойте, он вам позвонит». Он пару разов понабирал телефон, потом говорит, делай сам. И всё, махнул на меня рукой. Мы при-

29 Билдинг — здание (из англ. *building* 'здание').

шли, багаж получили. Что делать-то будем? Ни хлеба, ничо не взяли. Никого не встретишь, кто по-русски говорит или по-испански. Потом пошёл, зашёл к одной маленькой конторке. Женшина сидит. Сказал: «Вот позвони». Так она с удовольствием один набрала, второй набрала, третий набрала — откликнулись, Барсукова Степана семья. Девчонка взяла. Я говорю: «Вот хто. Скажи там нашим, что вот мы приехали». Она говорит: «Я счас тяте скажу». Пришёл. Поздоровались. Друзья. Я говорю: «Мы уже здесь замирам³⁰». Таисья мне говорила, возьмём с собой хлеба. Я говорю, но чо с ним таскаться. Он расхохотался. «Не замирайте, не замирайте. Счас привезём». Вот привёз нас сюда. И это сорок с лишним лет тут уже в Америке.

Начало жизни в Орегоне

В (19)71 году, в сентябре, мы приехали в Лос-Анджелес и потом в Портланд. Вначале пошёл капусту рубить, вся семья. Нас там человек пятнадцать работало, бригада. В бригаде были все свои, русские. Сразу пошли четверо работать: девчонок взяли, сама и я. Ну, я с неделю проработал, а потом меня пригласили ёлки садить. А это в Аргентине я маленько зажирел, а потом, видно, климат другой, по горам ходить перво время очень трудно было. Просто не хватало мне воздуха, сердце забивалось. Как дня три чижало было, а потом прошло. Ну вот основную жысь в лесу прожил.

Рисунок 6. Лесоуборочная бригада в новой униформе. М.А. Зенюхин посередине. Штат Вашингтон, 1974 г.

Источник: фото семьи Зенюхиных

Я 17 лет «гулял» по лесу. Жили в палатках, в трейлерах³¹. Где близко к жилью, арендаывали. Попервости³² платили \$1.75. Вначале мы это, работали у контрактора. А потом взяли свои контракты. Там сколь сделаешь, столь получил. То хуже стало, больше надо работать стало.

³⁰ Замирать — умирать.

³¹ Трейлер — прицепной домик (из англ. *trailer* 'прицеп, жилой автоприцеп').

³² Попервости — сперва, сначала.

Вот это у подрядчика нам сначала платили по \$3.00 на час, потом \$3.50 стали платить. А тут на фармах³³ работали, \$0.75 за час платили. А когда сами мы стали садить, свои контракты, за ёлочку нам платили 7 центов. Вот тысячу рассадил — \$70.00. Лучше пошло дело. Вначале трудно, а потом пойдёт, ничо. Маленьки же ёлочки, такие. Сумка такая. Взади сумку составишь, и это тятка с таким носом, собьёшь траву. Так подвернёшь, дашь — дальше пойдёшь.

Это садили зимой, а летом не садут. Потом вот тут, значит это, пилить стали. Уже свои контракты брали. Вначале взяли маленькие пилочки, чтоб не тяжёлые были. Пилим, пилим — не поддается, тихо³⁴ работается. Сезон доработали с маленькими пилочками. Потом снова пошли садить. Потом другой год уже большие купили. Пошли. В 1976 году открыли много работы и открыли контракты \$25.00–30.00 на человека в лесу. Вот семнадцать годочков я там и отвёл. Всю молодую жизнь.

Рисунок 7. Семья Зенюхиных. Орегон, 2005 г.

Источник: фото семьи Зенюхиных (фото работника фотосалона г. Вудбурн)

References

Morris, Egorenko 2014. URL: <https://rscowatzekdi.net/>

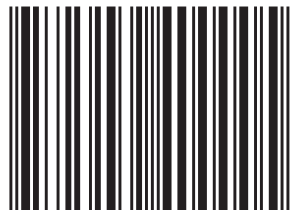
Morris 2022 — Morris T. Carrying the Torch of Faith and Mother Tongue: An Oregonian Old Believer's Paths of Faith. *Acta Neophilologica*, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 253–266.

33 Фарма — ферма (из англ. *farm* 'ферма').

34 Тихо — медленно.

Верстка: Лазарева Анна
Дизайн обложки: Лазарева Анна
Корректор: Лисина Галина
Формат: 215×280
Бумага: офсетная, 80 гр/м²
Печать: цифровая
Тираж: 100 экз.
Сдано в печать: 31.03.2024

ISSN 2949-4001

9 772949 400005

2 4 0 0 1

>